

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 1 (32) / 2024

Серия: Исторические и филологические науки

ВОЛОГДА
2024

№ 1 (32) / 2024 / МАРТ. Выходит 4 раза в год.

Рецензируемый научный журнал «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» предназначен для ознакомления российской и зарубежной научной общественности, аспирантов и студентов с новыми научными результатами, имеющими значение в области фундаментальной и прикладной науки. С 2016 года включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). С 21.02.2022 включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (№ 2329). Полнотекстовые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Реестровая запись от 13 июня 2019 г. серии ПИ № ФС77-75973. Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Серия: Исторические и филологические науки.

Специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Главный редактор *В.А. Саблин*, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики ВоГУ.

Заместитель главного редактора *Л.В. Егорова*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ.

Секретарь *А.С. Столетова*, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ, доцент кафедры философии и истории Вологодской ГМХА им. Н.В. Верещагина, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Члены редколлегии:

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

О.А. Бурсина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ВоГУ,

Л.О. Володина, доктор педагогических наук, доцент, директор ВолНЦ РАО, профессор кафедры психологии, педагогики и социальной работы ВоГУ,

С.Х. Головкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

В.А. Квашинин, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры юриспруденции ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В. Бабушкина,

Г.Н. Кочешков, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского,

Р.Л. Красильников, доктор филологических наук, преподаватель общеобразовательной школы Центра педагогического мастерства,

С.А. Мызников, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики Исл РАН,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации ГУП,

Ж.И. Подоляк, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка ВоГУ,

Я.В. Сарычев, доктор филологических наук, доцент, заместитель директора Института филологии по научной работе, профессор кафедры русского языка и литературы ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,

Г.В. Судаков, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

В.А. Черкасов, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства БелГУ.

Переводчик *О.А. Бурсина*.

Редакторы *О.М. Ванчугова, Н.Н. Постникова*.

Оригинал-макет *С.В. Кудрявцев*.

Адрес редакции: 160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, каб. 212. Тел.: 8 (8172) 72-52-00, e-mail: vestnik@vogu35.ru. Сайт: <http://vestnik.vogu35.ru>.

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 160000, Российская Федерация, Вологодская область, город Вологда, улица Ленина, дом 15.

Отпечатано: ООО «Издательство «Сад-огород», 160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Текстильщиков, 20а, тел. 8(8172) 73-12-22; e-mail: vologdapost@yandex.ru.

Подписано в печать 18.03.2024 г. Выпуск в свет 29.03.2024 г. Формат А4 (60 x 84/8).

Уч.-изд. л. 14,5. Усл. печ. л. 15,0. Тираж 53 экз. Заказ № 774. Цена свободная.

ISSN 2658-7254

© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2024

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«VOLOGDA STATE UNIVERSITY»

BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY

SCIENCE JOURNAL

First published in 2016

No. 1 (32) / 2024

Series: History and Philology

VOLOGDA
2024

No. 1 (32) / 2024 / March. 4 issues a year.

'Bulletin of Vologda State University' is a peer-reviewed scholarly journal published by Vologda State University. It is issued four times a year and is aimed at Russian and international researchers, post-graduate and undergraduate students who wish to familiarize themselves with new fundamental and applied research. 'Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology' has been fully indexed by Russian Science Citation Index since 2016. 'Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology' is included in the List of peer-reviewed scientific journals approved for publication of the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science since (№ 2329) February 21, 2022. Full-size versions of the issue can be found in free access at Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru).

Registration Certificate ПИ № ФС77-75973 of June 13, 2019. It's registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Series: History and Philology.

Academic areas: 5.6.1. National History (Historical Sciences), 5.6.2. Global History (Historical Sciences), 5.9.1. Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences), 5.9.2. World Literature (Philological Sciences), 5.9.3. Literature Theory (Philological Sciences), 5.9.5. Russian. Languages of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences), 5.9.6. Foreign Languages (Germanic Languages), (Philological Sciences), 5.9.8. Theoretical, Applied and Comparative Linguistics (Philological Sciences).

Editor-in-Chief *Vasily A. Sablin*, Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University.

Deputy Chief Editor *Ludmila V. Egorova*, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English, Vologda State University.

Executive Secretary *Anna S. Stoletova*, Candidate of History, Associate Professor of the Department of National History, Vologda State University, Associate Professor of the Department of Philosophy and History, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, the North-Western Institute, Kutafin Moscow State Law University.

Editorial Board:

Sergey Yu. Baranov, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature, Vologda State University,

Olga A. Bursina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English, Vologda State University,

Larisa O. Volodina, Doctor of Pedagogy, Head of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Education, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Vologda State University,

Svetlana Kh. Golovkina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University,

Larisa V. Izyumova, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Vologda State University,

Vladimir A. Kvashnin, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of Jurisprudence, Vologda State University,

Irina Ye. Kolesova, Candidate of Philology, Academic Secretary of Vologda Regional Research Academic Library named after I.V. Babushkin,

Gennady N. Kocheshkov, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,

Roman L. Krasilnikov, Doctor of Philology, Lecturer, Comprehensive School of the Center for Pedagogical Excellence,

Sergey A. Myznikov, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow of the Centre of Areal Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Slavic and General Linguistics and Culture of Communication, State University of Education,

Zhanna I. Podolyak, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English, Vologda State University,

Yaroslav V. Sarychev, Doctor of Philology, Assistant Professor, Deputy Director for Research at the Philological Institute, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semyonov-Tyan-Shanskiy,

Gury V. Sudakov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University,

Valery A. Cherkasov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Belgorod State National Research University.

Editor of English Texts *O.A. Bursina*.

Editors, proofreaders *O.M. Vanchugova, N.N. Postnikova*.

Making up and technical editing *S.V. Kudryavtsev*.

Address of the Editorial Office: Office 212, Lenin Street, 15, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160000. Tel.: 8 (8172) 72-52-00, e-mail: vestnik@vogu35.ru. Bulletin website: <http://vestnik.vogu35.ru>.

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vologda State University», Lenin Street, 15, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160000.

Address of the Printing House: «Publishing House Sad-Ogorod», LLC, Tekstilshchikov Street, 20a, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160000. Tel. (8172) 73-12-22, e-mail: vologdapost@yandex.ru.

Passed for printing 18.03.2024. Date of Publication 29.03.2024. Format A4 (60 x 84/8).

Conventional printed sheets 14,5. Published pages 15,0. Number of copies 53. Order 774. Open price.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Прятелев В.В.</i> ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО В АДРЕС ЖУРНАЛА.....	7
--	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Мазаев Р.М.</i> МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ М. БЛОКА	8
<i>Пахолкова Т.В.</i> ЧЕРЕПОВЕЦКИЕ КУПЦЫ МИТИНЫ (ГЕНЕАЛОГИЯ)	13
<i>Плиев Р.И.</i> ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА СЕВЕРНОГО КAVKAZA В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА (АДЫГСКИЕ И ВАЙНАХСКИЕ СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ)	18
<i>Пуневский Я.В.</i> ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В САМОУПРАВЛЕНИИ Г. ЯРОСЛАВЛЯ (1870 – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1914 ГГ.)	21
<i>Семикин А.А.</i> ПЕРЕХОД КОЛХОЗОВ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ГАРАНТИРОВАННУЮ ДЕНЕЖНУЮ ОПЛАТУ ТРУДА В 1958–1959 ГГ.	26
<i>Тимошина И.А.</i> ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ И ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В 1980-Е ГГ.	31

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Ворожцова Н.А.</i> ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ЦИКЛА «МГНОВЕНИЯ» К.К. СЛУЧЕВСКОГО	36
<i>Зелезинская Н.С., Дулевич К.А.</i> ФЕНОМЕН БОРЬБЫ ЖАНРОВ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПРО ЗОМБИ, ВАМПИРОВ И ОБОРОТНЕЙ	43
<i>Красильников Р.Л.</i> АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА В.Л. АНДРЕЕВОЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ	48
<i>Марков А.В.</i> ТОПИКА СОВЕСТИ В РОМАНЕ ИВАНА ШМЕЛЕВА «ПУТИ НЕБЕСНЫЕ»	55
<i>Сафрон Е.А., Кумагер Я.Д.</i> КОНФЛИКТ МЕЖДУ ИДЕАЛОМ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ В РОМАНЕ Я. СЁДЕРБЕРГА «ЮНОСТЬ МАРТИНА БИРКА»	60
<i>Шестакова Е.Ю.</i> ТЕМА ДЕТСКИХ СТРАДАНИЙ В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»	64

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Военушкина Е.А.</i> КАТЕГОРИЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ДОСТОВЕРНОСТИ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ ТЕКСТЕ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ	69
<i>Ермоленко Г.М.</i> ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛАХ О МОДЕ	75
<i>Ленец А.В., Фирсова Е.В.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫХ ОБЪЕКТОВ В ШВЕЙЦАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	81
<i>Олейник О.В.</i> ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ	87
<i>Романовская И.В., Матвеева А.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА Т. ТРАНСТРЕМЕРА И МЕТОДЫ ПЕРЕВОДА ЕГО СТИХОТВОРЕНИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	92
<i>Цырельчук К.А.</i> ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЛИТУРГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО АНАФОРАЛЬНОГО ВОЗГЛАСА)	98
<i>Чубарова Н.А.</i> ГЛАГОЛЫ С АТРИБУТИВНОЙ ВАЛЕНТНОСТЬЮ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	104

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Егорова Л.В.</i> ПАМЯТИ АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ГОРБУНОВА	109
<i>Голдин В.И., Саблин В.А.</i> НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОРУМ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В РОССИИ	113
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	117

CONTENTS

<i>Priyatelev V.V.</i> WELCOME MESSAGE TO THE JOURNAL	7
---	---

HISTORY

<i>Mazaev R.M.</i> M. BLOCH'S METHODOLOGY OF HISTORY	8
<i>Pakholkova T.V.</i> THE MITINS, CHEREPOVETS MERCHANTS (GENEALOGY)	13
<i>Pliiev R.I.</i> ETHNOPOLITICAL PROCESSES IN THE NORTH CAUCASUS AT THE BEGINNING OF THE 19TH CENTURY (ADYGHES AND VAINAKH COMMUNITIES IN CONDITIONS OF HISTORICAL TRANSFORMATION)	18
<i>Punevsky Ya.V.</i> THE ELECTORAL SYSTEM OF SELF-GOVERNMENT IN YAROSLAVL IN 1870–1914	21
<i>Semikin A.A.</i> THE TRANSITION OF COLLECTIVE FARMS TO GUARANTEED WAGES IN THE ROSTOV REGION IN 1958–1959	26
<i>Timoshina I.A.</i> POPULATION DYNAMICS IN ARKHANGELSK AND VOLOGDA OBLASTS IN THE 1980S	31

LITERATURE STUDY

<i>Vorozhtsova N.A.</i> PHILOSOPHICAL ISSUES OF THE CYCLE <i>MOMENTS</i> BY K.K. SLUCHEVSKY	36
<i>Zelezinskaya N.S., Dulevich K.A.</i> THE PHENOMENON OF GENRE STRUGGLE IN CHILDREN'S LITERATURE ABOUT ZOMBIES, VAMPIRES AND WEREWOLVES	43
<i>Krasilnikov R.L.</i> AUTOBIOGRAPHICAL PROSE BY V.L. ANDREEVA AS A SOURCE ON CULTURAL HISTORY	48
<i>Markov A.V.</i> THE TOPIC OF CONSCIENCE IN IVAN SHMELEV'S NOVEL <i>PATHS OF HEAVEN</i>	55
<i>Safron E.A., Kumager J.D.</i> THE CONFLICT BETWEEN THE IDEAL AND REALITY IN J. SÖDERBERG'S NOVEL <i>MARTIN BIRCK'S YOUTH</i>	60
<i>Shestakova E.Y.</i> THE TOPIC OF CHILDREN'S SUFFERING IN V.I. BELOV'S NOVELLA <i>THE USUAL THING</i>	64

LINGUISTICS

<i>Voenushkina E.A.</i> THE CATEGORY OF PERSONALITY AS AN ELEMENT OF RELIABILITY IN A MULTIMODAL TEXT OF NON-FAIRYTALE PROSE	69
<i>Ermolenko G.M.</i> WAYS TO IMPLEMENT THE MANIPULATION STRATEGY IN ENGLISH GLOSSY FASHION MAGAZINES	75
<i>Lenets A.V., Firsova E.V.</i> LINGUISTIC EMBODIMENT OF NATURAL LANDSCAPE OBJECTS IN SWISS LINGUOCULTURE	81
<i>Oleinik O.V.</i> OCCASIONAL LEXICAL UNITS IN GERMAN PRESS AND JOURNALISM	87
<i>Romanovskaya I.V., Matveeva A.V.</i> SPECIFICS OF T. TRANSTRÖMER'S WORK AND METHODS OF TRANSLATING HIS POEMS INTO RUSSIAN	92
<i>Tsyrelchuk K.A.</i> TRANSLATION TRANSFORMATIONS AND LITURGICAL TEXTS IN RUSSIAN (ON THE EXAMPLE OF ONE ANAPHORAL EXCLAMATION)	98
<i>Chubarova N.A.</i> VERBS WITH ATTRIBUTIVE VALENCE AS A MEANS OF EXPRESSING NEGATIVE EMOTIONS IN MODERN GERMAN	104

SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS

<i>Egorova L.V.</i> IN MEMORIAM OF ANDREI NIKOLAEVICH GORBUNOV	109
<i>Goldin V.I., Sablin V.A.</i> NATIONAL FORUM OF HIGHER SCHOOL HISTORY TEACHERS: TOPICAL ISSUES OF HISTORICAL EDUCATION AND SCIENCE IN RUSSIA	113
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	119

В.В. Приятелев
Ректор Вологодского государственного университета

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО В АДРЕС ЖУРНАЛА

Уважаемые коллеги, поздравляю с пятилетним юбилеем со дня выхода в свет первого номера «Вестника Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки», нового научного журнала, концепция развития которого в свое время была поддержана руководством университета.

В моем обращении к читателям в первом номере журнала за 2019 год отмечалось, что в соответствии с требованием времени и спецификой решаемых учебным заведением задач журнал пришел на смену «Вестнику ВоГУ. Серия: Гуманитарные, педагогические и общественные науки», издававшемуся в 2016–2018 гг. Тогда мною выражалась уверенность, что новому составу научной редколлегии журнала «удастся поддержать хорошие традиции научно-издательской деятельности, которые сложились в университете за последние годы, успешный опыт взаимодействия с профессорско-преподавательским составом, научной общественностью... стать площадкой, представляющей новую мысль, полезный опыт, объединяющей силы и повышающей авторитет вуза, его конкурентоспособность».

По истечении пяти лет могу с удовлетворением констатировать, что журнал добился главного результата – с 21 февраля 2022 г. он включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по научным специальностям: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки) 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно сопоставительная лингвистика (филологические науки).

8 декабря 2023 года были опубликованы рекомендации Президиума ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ «О категорировании перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук». Результаты категорирования Перечня ВАК из 2906 журналов России были определены на 3 года, начиная с 1 января 2024 года. Согласно Перечню, «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» был отнесен к третьей, стартовой категории. Поздравляя редколлегию журнала с пятилетним юбилеем и достигнутым результатом, выражаю признательность каждому члену коллектива за достигнутые результаты. От всей души желаю успехов, доброго здоровья и благополучия во всем.

УДК 93(01)

5.6.2. Всеобщая история

Р.М. Мазаев

Санкт-Петербургский государственный университет

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ М. БЛОКА

В статье содержится анализ воззрений М. Блока, одного из основателей «школы анналов», на методологию исторической науки. В первую очередь для этой цели используется его программная работа «Апология истории», в которой выражены основные идеи исследователя. Подчеркиваются аспекты, которые сформировали методологию первого поколения «школы анналов»: культуральная история, классический историзм и социальная история. Рассматриваются взгляды М. Блока как на общие вопросы: предмет и объект исторической науки, цели познания истории, так и на частные: особенности исторической терминологии и хронологии, метод критики источника и т.д.

М. Блок, «школа анналов», антропологический поворот, тотальная история, историография, «Апология истории».

Обращаясь к одному из наиболее значительных исторических трудов XX в. – «Апологии истории» М. Блока, мы намеренны первоначально дать краткую характеристику самой работы, которая требуется для лучшего понимания идей, высказанных в ней историком.

«Апология» была написана в 1941 г. в условиях военного времени, когда историк находился во французском городе Клермон-Ферране, пока еще не оккупированном немецкими войсками [17, с. 417–421]. Поистине, человеку, оказавшемуся в горниле мировой войны, требуется опора, которая должна поддержать его, каким-то образом дать возможность оградить сознание от тех ужасных событий, что ежесекундно разворачиваются перед его глазами. Для М. Блока одной из таких опор было его ремесло – историческая наука.

Название работы, очевидно, выбрано не случайно, она была предназначена для того, чтобы оправдать само существование науки истории, науки о человеке и человечестве в кровавом двадцатом веке. Времени, когда вера в наличие хоть какой-то осмысленности человеческих судеб была поколеблена страшными войнами и зверствами тоталитарных режимов, когда возможность познания истории оказалась под большим знаком вопроса [7, с. 93–106]. Также и вторая часть названия работы – «Ремесло историка» – связана с замыслом автора. М. Блок стремился рассмотреть методологию исторической науки. Это стремление связано с попыткой опровержения представлений о полной непознаваемости исторического процесса, а также с желанием наметить те проблемы и методы их решения, к которым, по мнению М. Блока, должны обратиться последующие поколения историков [12, с. 196–199, 204–207].

Условия написания работы диктовали то, что М. Блок не стремился к точным дефинициям, но давал, скорее, образное описание, изобилующие многочисленными историческими примерами [2, с. 115–122].

Так, говоря о том, что такое историческая наука, М. Блок указывает, что история есть научная дисциплина, изучающая человека. Ее спецификой является исторический метод и особое внимание к социальному и психологическому аспекту человеческой природы, проявления которой прослеживаются в исторических явлениях и событиях [11, с. 108]. Безусловно, данное определение не является точным, однако, это осознает и сам автор, указывающий, что границы истории с другими науками подвижны [2, с. 74]. В словах М. Блока имеется полемическая направленность в отношении других подходов к пониманию исторической науки. Здесь мы видим критику историко-социологического подхода (в частности, эволюционизма Г. Спенсера и социального реализма Э. Дюркгейма), в рамках которого история рассматривается как процесс социогенеза, где человек, его действия и сознание представляются практически полностью детерминированными воздействием социальной среды – социальным фактором [2, с. 12; 11, с. 54]. Также в оппозиции по отношению к взгляду М. Блока находится концепция классического историзма (Л. Фон Ранке, Ж. Мишле), основанного на формально-текстологическом отношении к источникам и интересу не к человеку вообще, но к человеку политическому (*homo politicus*) и его производному – общественным институтам, особенно институтам власти [2, с. 17, 108; 11, с. 55–56].

Новаторским взгляд М. Блока был также на причины интереса к истории, который он выводил не из какой-либо ее прикладной значимости, но из самой

сущности человека. Человек стремится узнать и понять прошлое по самой своей природе, поскольку ему это интересно [2, с. 8; 13, с. 403]. Это представление является новым по отношению к классическим взглядам, рассматривающим историю или как *magistra vitae* (Cic. *Deorat.*, II, 9, 36.), которая дает возможность выявить закономерности общественного развития, или как форму интеллектуального досуга, преобразовывающего душу. Обе тенденции имеют долгую историю. Первая восходит к Фукидиду, который писал, что «возможно, отсутствие сказочного делает повествование менее привлекательным для аудитории, но мне будет достаточно, если его сочтут полезным тот, кто пожелает получить ясное представление о случившихся событиях и тех, идентичных или похожих, которые в том же самом или подобном виде могут произойти по свойству природы человека» (Thuc., I, 22–24. Пер. А.Г. Стратановского). Вторая относится к школе Исократ и Дурида из Самоса, изображавших историю в форме подражания реальным событиям, причем так, чтобы вложенными в уста героев речами оказать воздействие на читателя или слушателя речитации сочинения [3, с. 10–12]. По сути, вплоть до XX в. эти два взгляда, в различной их интерпретации, доминировали в исторической науке. То, что сделал М. Блок, можно было бы назвать «антропологическим поворотом» не только в отношении объекта исследования, но и в его целях [11, с. 95].

Пожалуй, следует сказать также, что одной из главных черт европейской цивилизации является ее расположенность на оси времени. Мировоззрение уже первых ее представителей – древних греков – было во многом исторично. Совершенно неверна интерпретация античного воззрения на время как на некий замкнутый круг, оно гораздо сложнее. Здесь мы всегда видим определенный историзм даже на самых примитивных этапах развития цивилизации. Так, уже у Гомера мы находим представление о движении времени от хаоса хтонических божеств к торжеству олимпийского космоса (укажем, что *κόσμος* значит порядок, упорядоченность движения). У Гесиода и вовсе содержится историческая концепция пяти веков (золотой, серебряный, медный, героический, железный). Совершенно очевидным же историческое воззрение на мир является в трудах первых историков – логографов, собирателей легенд, которые размещали события в хронологическом порядке и рассматривали их как путь от божественного предка к нынешнему гражданскому коллективу полиса [8, с. 90–196].

Но в еще большей степени понимание своего прошлого, которое в свою очередь предопределяет и будущее, стало актуально после того, как европейская цивилизация стала цивилизацией христианской. Ведь в представлении христианина его жизнь лежит на отрезке, идущем от грехопадения Адама к Страшному Суду и Воскресению. На самом деле историчность во взгляде на мир мы найдем у любого народа, будь то культ предков у китайцев или обращение сибирских шаманов к духам умерших, поскольку человек существует в обществе, постольку он обращен к истории, так как само существование общества строится на основе передачи опыта в нем [9, с. 40].

Еще более ясно выражена полемическая направленность в определении состояния истории как науки, которое дает М. Блок. Он говорит: «Это наука, переживающая детство, – как все науки, чьим предметом является человеческий дух, этот запоздалый гость в области рационального познания. Или, лучше сказать: состарившаяся, прозябавшая в эмбриональной форме повествования, долго перегруженная вымыслами, еще дольше прикованная к событиям, наиболее непосредственно доступным, как серьезное аналитическое занятие история еще совсем молода. Она силится теперь проникнуть глубже лежащих на поверхности фактов; отдав в прошлом дань соблазнам легенды или риторики, она хочет отказаться от отравы, ныне особенно опасной, от рутины учености и от эмпиризма в обличье здравого смысла. В некоторых важных проблемах своего метода она пока еще только начинает что-то нащупывать» [2, с. 11].

Таким образом, выделяются два момента. Во-первых, это чрезвычайно продолжительная и все еще себя не изжившая связь истории как науки с историей как средством социальной коммуникации, своеобразной сказки о человеке. Причиной этого положения М. Блок называет типичный для большей части историков прошлого подход к источнику, когда он воспринимался как некая данность, а заключающиеся в нем данные о различных сферах жизни общества сплетаются воедино и тем самым диктуют историку сам характер его исследования и создаваемого им нарратива (Там же, с. 51–54). В противовес этому подходу М. Блок вводит «тотальное» понимание истории, при котором акцент ставится на объект исследования – некий исторический феномен и ряд смежных с ним, а источник используется исследователем в связи с его собственными научными интересами [18, с. 211–214]. То есть в источнике выделяется та информация, которая касается определенного исторического феномена, а не сам источник обращает историка к тем или иным событиям или явлениям.

Во-вторых, критике подвергается принцип «классического историзма», выкристаллизовавшийся в историографии XIX в. на волне формирования наций и национальных государств, и обращенный к истории элит и политических институтов, объясняя и оправдывая современное положение в обществе. При этом данный подход зачастую переходил в грубый позитивизм, создавая лишь громадный по своему размеру нарратив (как пример можем привести 17-томную «Историю Франции» Жуля Мишле или 7-томную «Историю Англии» Леопольда фон Ранке), претендующий также на то, чтобы доказать наличие неких непререкаемых законов исторического развития. Однако миф о прогрессе зачастую создавал удивительную контаминацию с попытками модернизации прошлого, которая была вызвана непониманием специфики мировоззрения человека прошлого и характера социальных отношений в древних обществах [2, с. 18, 53]. Одним из наиболее ярких примеров является концепция чередования капитализма, феодализма и рабовладения, проводимая Э. Мейером в его «Истории Древнего мира» [4, с. 617–622]. М. Блок восстает против этого явления и предлагает будущему поколению историков не только по-другому обратиться к предмету

исследования, но и расширить определение этого предмета, включив в него до того практически не затронутые в исторической науке проблемы, например проблему ментальности [2, с. 25].

Все же следует заметить, что М. Блок несколько лукавит, заявляя, что «человеческие факты – по сути своей феномены слишком тонкие, многие из них ускользают от математического измерения. Чтобы хорошо их передать и благодаря этому хорошо понять (ибо можно ли понять до конца то, что не умеешь высказать?), требуется большая чуткость языка, точность оттенков в тоне. Там, где невозможно высчитать, очень важно внушить» (Там же, с. 18). Ведь выходит, что М. Блок пока не решается окончательно порвать с этим положением науки, колеблется в отношении того, следует ли истории если не быть нарративом по сути, то хотя бы пребывать им по форме своего изложения [15, с. 106–107].

Говоря о состоянии исторической науки в целом, историк не мог не обратиться к конкретным ее проблемам, которые, как и у любой другой науки, лежат в первую очередь в области ее методологии. Эти проблемы многочисленны, однако они поддаются группировке, что позволяет рассмотреть их последовательно.

Наиболее фундаментальной проблемой для методологии истории является проблема подхода к изучению источника. Чаще всего историк в своей работе прибегает к источникам письменным, которые есть продукт человеческого сознания, эксплицированный посредством письма [13, с. 401–402, 409]. Однако выражение автором источника своих мыслей в тексте не является прямым отражением сознания автора, оно опосредовано актом преобразования представлений автора в рамки понятий и их письменной фиксации. Тут и встает вопрос, насколько адекватен текст тому, что хотел сказать его автор (конечно, здесь мы пребываем в поле интересов семиотики и герменевтики, но и для историка этот вопрос является далеко не праздным)? Безусловно, никогда совершенно тождественным он оказаться не может, поэтому при изучении источника всегда требуется стремиться узнать историю его создания, ту социальную и этнокультурную среду, к которой относились автор и, конечно, время написания [2, с. 34–38]. Кроме того, что содержание источника всегда связано тем или иным образом с породившей его автора средой, важно и то, каковы источники самого автора, то есть встает вопрос интертекстуальности источника. Был ли автор очевидцем описываемых событий? И если нет, то откуда и от кого он мог получить информацию о них? (Там же, с. 67).

Кроме проблем содержания источника, следует указать на проблемы, связанные с его носителем. Это не только различные формы искажения текста, но и сам факт его наличия. Ведь громадные периоды истории просто не имеют для себя источников, способных дать информацию для их описания. Например, период истории Русских земель вплоть до XIV в. «покрывают» лишь 186 актов. Это положение резко отличается от состояния источниковой базы западноевропейской средневековой истории [6, с. 17; 16, с. 954–955].

Перейдя от судьбы источника к тому, каким образом он поддается изучению, нам следует указать, что

любой источник – лишь материал для интерпретации, поскольку он оказывается для историка набором символов. Здесь мы под символами имеем в виду элементы знаковых систем, передающих значение иного знака или их комплекса. Например, обращаясь к археологии, мы не можем рассматривать находку иначе как в контексте той археологической культуры, к которой она относится, то есть материальный предмет обретает смысл постольку, поскольку он вписывается в контекст определенной культуры, давая исследователю возможность понять, что он из себя представлял для ее носителей [1, с. 279–284; 11, с. 115].

Но для этой интерпретации требуется знать контекст, условия существования источника, то есть историк должен дополнить сведения, черпая информацию из массы прочих источников, если они наличествуют, а также восполнить их недостаточность материалами из этнографии, антропологии социологии и прочих смежных дисциплин [14, с. 832–844] и/или проведением регрессивного анализа [2, с. 28, 32].

Кроме того, имеет место проблема изложения принципов исторического исследования и его результатов. В данном случае мы касаемся проблемы научной терминологии, особенностью которой в отношении исторической науки является ее заимствование из прошедших исторических эпох, лишь затем внесенной в научный оборот. Как и любая другая наука, история должна оперировать точной терминологией, имеющей конвенционально принятое среди исследователей значение (Там же, с. 89–91). Однако в этом пункте имеется ряд сложностей. В первую очередь сами термины подвержены изменчивости в связи с изменением социокультурных условий, не сопровождаемых изменениями в языке, или же, наоборот, ситуация, когда изменение термина может быть вызвано лишь причинами, детерминированными лингвистическими предпосылками. К тому же терминология может быть нагружена оценочными коннотациями, что не дает возможности использовать ее для целей объективного научного исследования. Не менее проблемным оказывается перевод терминологии из одной языковой системы в другую, поскольку в каждой из них слова, означающие определенный объект, могут иметь различные дополнительные значения [18, с. 215–218].

Ряд сложностей в рамках исторической науки имеет и хронология, критерии для которой могут быть совершенно различными в зависимости от периода и культурной среды, к которой относится хронологическое измерение. Однако для научного исследования, отмечает М. Блок, требуется введение критерия, способствующего выделению периодов с наиболее интенсивным проявлением изучаемого признака [13, с. 393–394]. В данном случае М. Блок приводит положение, ставшее затем основой для концепции периодов времени, введенной Ф. Броделем [19, с. 725–753], в которой в зависимости от интенсивности и характера воздействия на общество выделяется «короткое», «среднее» и «длинное» время [11, с. 73, 111].

Обращаясь к взглядам М. Блока на более конкретные вопросы методологии истории, следует указать то, какое деление предлагается для источников. Это намеренные источники, создававшиеся для пред-

полагаемого прочтения их третьими лицами, и непреднамеренные, которые функционируют как часть делового оборота [2, с. 36–39]. Деление на эти два класса источников оказывается практически идентичным с делением на нарративные и документальные источники. Как правило, историки – представители «классического историзма» – предпочитают для использования документальные источники, имеющие определенный формуляр. Однако представление о документальных источниках как о содержащих более достоверные сведения далеко не всегда подтверждается. Относится это не только к тем случаям, когда эти источники оказываются подделкой, поскольку и в подлинном документе могут иметь место подложные сведения, преднамеренные, связанные, например, с интересами соблюдения формальностей написания, и непреднамеренные.

Конечно, нарративному источнику уже по причине своего происхождения и целей написания свойственно умалчивать о ряде событий, интерпретировать и оценивать их в интересах автора. С другой стороны, сам характер построения нарратива дает историку возможность реконструировать мировоззрение автора, его происхождение, датировать текст и узнать цели его написания. Поэтому М. Блок отдает предпочтение нарративному источнику, сообщаемому гораздо больший массив информации для реконструкции реалий общества определенной исторической эпохи (Там же, с. 206).

В связи с этим встает вопрос об отношении к источнику, каким образом следует проводить его исследование. Рассматривая данный вопрос, М. Блок формулирует два основных постулата. Историк должен быть объективен, что требует от него отказа от моральных суждений, исходящих из собственных этических позиций по отношению к объекту исследования, то есть ему должно придерживаться некоего агностицизма в отношении критериев морали. Пожалуй, единственно возможной моральной оценкой, наличие которой допустимо в историческом труде, является учет мнений и суждений самих людей эпохи, к которой обращено исследование, что позволяет выявить и рассмотреть восприятие события его современниками на основе их собственных социальных норм (Там же, с. 80–81).

Первостепенной для историка задачей в этом плане является выявление причины события или явления [18, с. 208–212]. Но как замечает М. Блок, причины исторического события следует вводить в некой последовательности, в форме «причинных волн» различного характера: социального, политического, психологического, экологического и т.д. Однако можно заметить, что, если развивать мысль М. Блока последовательно, выявляются две проблемы, на которые историк не дал или, скорее, не успел дать ответа [2, с. 115–121]. Если исследователь постулирует причину для некоего события, не привносит ли он дополнительного смысла в природу исторического явления? Или если вводится определенная причина или группа причин в отношении исторического события, не происходит ли произвольное ограничение круга этих причин? Данные вопросы остаются нерешенными по сей день.

Кроме общих принципов, М. Блок обращается к более конкретным проблемам методологии. Он определяет принцип психологического анализа [2, с. 65], то есть метод выявления специфических особенностей содержания источника, что является средством разрешения проблемы противоречия сведений двух или более источников. Он применяется в случае, если это противоречие невозможно разрешить посредством внешней критики источника.

Принцип тождественности содержания имеет полемическую заостренность в отношении текстологического принципа «классического историзма», то есть представления о дендрологическом характере развития рукописных списков (филяции). М. Блок указывает на данную проблему, отмечая, что текстологическая традиция бывает как открытой, так и закрытой (Там же, с. 71–74).

В отношении же самих исторических феноменов является важным замечание историка о «случайности» в ходе исторического процесса, которая часто приводит в тупик исследователей. В своем труде М. Блок приводит чрезвычайно яркий пример. Учреждения двух обществ Иисуса (*Clerici apostolici Sancti Hieronymi* – Общество Иисуса, и *Societas Iesu* – Орден иезуитов) двумя святыми из Италии (Джованни Колумбини и Игнатий Лойола), умершими в один день – 31 июля, причем оба ордена были распущены Папами с именем Климент. Совпадение необычное, но оно действительно имело место (Там же, с. 75), и вероятность его происшествия подается математическому вычислению и равняется $-\frac{1}{1\,731\,925}$.

Работа с источниками непременно приводит исследователя к встрече с ложью и подлогами. Особенно богатыми на подобный материал оказываются эпохи, в которые человеческий дух был устремлен не в будущее, но в прошлое, по крайней мере, такого мнения придерживается М. Блок (Там же, с. 47–53). С этим фактом он связывает появление множества фальсификаций в раннем средневековье, например известную подделку VIII в. – Константинов Дар, развенчанную лишь Лоренцо Валла спустя семь столетий. Подобная тенденция типична и для эпохи европейского романтизма, когда писатель, стремящийся возвеличить прошлое своего народа, приписывал свое произведение древнему автору, реальному или вымышленному. Однако стоит заметить, что причина, называемая М. Блоком, является, по-видимому, не единственной. Например, Э. Жильсон объяснял эту тенденцию тем, что средневековые клирики стремились посредством подделки документа восстановить божественный миропорядок, конечно, таким, каким он им представлялся, то есть миром, ведомым Наместником Христа, Папой, к Спасителю и Царству Божию [5, с. 493–510]. То есть это был взгляд скорее не назад, а ввысь.

Эта мифомания типична не только для указанных эпох, ее отголоски встречаются и ныне, особенно в ситуациях экстремальных, когда современные средства коммуникации оказываются разрушенными или недоступными, а общество попадает в условия анонимии и власти слухов [2, с. 62]. Но все это лишь элементы глобальной проблемы формальной ложности

источников, то есть подлога относительно внешней его стороны: датировки, авторства, целостности (проблема интерполяций), формуляра и т.д.

Не менее значительной проблемой выступает ложность содержательной стороны источника. Вызвана она далеко не всегда прямым умыслом, автор источника с легкостью сам мог оказаться жертвой подлога или неверной интерпретации дошедших до него сведений. Важно также заметить, что обе формы обмана могут выступать как совместно, так и порознь в отношении различных источников [11, с. 85].

В заключение работы следует указать на то значение, которое имеет труд М. Блока. Это и апология развиваемой им и Л. Февром методологии, и манифест для формирующейся в тот период исторической «школы анналов», а также в целом рубеж, маркирующий изменение исторической науки, осуществление «антропологического поворота» и переход к «тотальной истории» [13, с. 423–424]. Однако следует отметить и то, что книга М. Блока в ряде моментов утратила свою ценность за прошедшее время, в первую очередь в связи с «постмодернистским вызовом» и «лингвистическим поворотом» в исторической науке конца XX в. [10, с. 123–128].

Литература

1. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт ; перевод С. Зенкина. – Москва : Академический проект, 2008. – 351 с.
2. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок ; перевод Е. М. Лысенко. – Москва : Наука, 1986. – 254 с.
3. Дуров, В. С. Художественная историография Древнего Рима / В. С. Дуров. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993. – 141 с.
4. Ефимов, А. А. Эдуард Мейер о проблеме «феодалного» и «капиталистического» укладов в истории Древнего мира / А. А. Ефимов // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 617–622.
5. Жильсон, Э. Дух средневековой философии / Э. Жильсон ; перевод Г. М. Вдовиной. – Москва : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. – 559 с.
6. Источниковедение / под редакцией А. В. Сиренова, Е. Д. Твердюковой, А. И. Филошкина. – Москва : Юрайт, 2015. – 396 с.
7. Кузеванов, Л. И. Методология исторического познания. Академизм и постмодернизм / Л. И. Кузеванов. – Москва : НЭИ «Российская историография», 2012. – 237 с.
8. Лосев, А. Ф. История античной эстетики / А. Ф. Лосев. – Москва : АСТ, 2000. – Т. 1. – 626 с.
9. Поппер, К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания / К. Р. Поппер ; перевод А. Л. Никифорова. – Москва, 2008. – 638 с.
10. Рохас, К. А. А. Критический подход к истории французских «Анналов» / К. А. А. Рохас. – Москва : Кругъ, 2006. – С. 123–128.
11. Сарпова, О. В. Философия исторического познания в трудах школы «Анналов» (Франция, 1929–1994) : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Сарпова О. В. – Екатеринбург, 2004. – 162 с.
12. Bryce, L. Marc Bloch: Historian / L. Bryce // French Historical Studies. – 1987. – Vol 15, № 2. – P. 195–207.
13. Furet, F. Beyond the Annales / F. Furet // The Journal of Modern History. – 1983. – Vol. 55, № 3. – P. 389–410.
14. Hill, A. O. Marc Bloch and Comparative History / A. O. Hill, B. H. Jr. Hill // The American Historical Review. – 1980. – Vol. 85, № 4. – P. 828–846.
15. Hutton, P. H. France at the End of History: The Politics of Culture in Contemporary French Historiography / P. H. Hutton // Historical Reflections. – 1997. – Vol. 23, № 2. – P. 105–127.
16. Jones, P. M. Recent Work on French Rural History / P. M. Jones // The Historical Journal. – 2003. – Vol. 46, № 4. – P. 953–961.
17. Schottler, P. After the Deluge: The Impact of the Two World Wars on the Historical Work of Henri Pirenne and Marc Bloch / P. Schottler // Nationalizing the Past. Historians as Nation Builders in Modern Europe / Edited by S. Berger and C. Lorenz. – New York : PALGRAVEMACMILLAN, 2010. – P. 404–426.
18. Sewell, W. H. Jr. Marc Bloch and the Logic of Comparative History / W. H. Jr. Sewell // History and Theory. – 1967. – Vol. 6, № 2. – P. 208–218.
19. Braudel, F. Histoire et sciences sociales: La longue durée / F. Braudel // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. – 1958. – Vol. 13, № 4. – P. 725–753.

R.M. Mazaev

M. BLOCH'S METHODOLOGY OF HISTORY

The article analyses the views of M. Bloch, one of the founders of the Annales school, on the methodology of the historical science. First of all, it deals with M. Bloch's program work «The Apology of History» which presents the main ideas of the historian. It also emphasises the aspects that shaped the methodology of the first generation of the Annales school: cultural history, classical historicism and social history. The article considers M. Bloch's views both on general problems, e.g. the subject and object of the historical science, the objectives to learn history, and particular questions, e.g. the features of historical terminology and chronology, the method of criticism of the source and so on.

M. Bloch, Annales school, anthropological turn, total history, historiography, «the Apology of History».

Т.В. Пахолкова

Череповецкий государственный университет

ЧЕРЕПОВЕЦКИЕ КУПЦЫ МИТИНЫ (ГЕНЕАЛОГИЯ)

В статье приводятся сведения о причастности семьи Митиных к купеческому сословию г. Череповца. Современные географические маркеры: Вологодская область, г. Череповец, Череповецкий район, Уломское поселение, д. Гришкино, д. Воротишино. Исторические рамки исследования занимают период от 1678 г. до наших дней. В работе даны генеалогические доказательства становления Митиных от крестьян до купцов на основе архивных данных федерального, областного и районного уровня. Это церковные данные из метрических книг и исповедных ведомостей и административные – из переписных книг, поселенных списков села Гришкино, протоколов деревень советского периода. Цель работы: дополнить историю череповецкого купечества новыми именами и показать, что корни городских купцов бывают спрятаны в деревенских архивах. Как пример, череповецкий купец Митин не проявил себя в документах г. Череповца и предан забвению. Генеалогические факты могут послужить началом к изучению деятельности купцов Митиных.

Череповецкий купец, мещанин Иван Митин, попечитель школы, Гришкино, Воротишино.

Деятельность вологодских купцов исследовалась настолько обширно, что назовем только работу Г.Н. Козиной, где перечислены многочисленные источники [1]. Уездное череповецкое купечество, нежелезнодорожное, менее представлено в публикациях. Однако есть примечательные работы Э.П. Риммер, М.А. Бородулина [20], Е.В. Шалашова [33].

В «Очерке народного образования в Новгородской губернии за 1884/5 учебный год» [18, с. 328] череповецкий купец Иван Митин значится как попечитель Гришкинской школы, избранный управой. Информации, были ли в Гришкине на то время титулованные купцы, помимо Митина, нет. Но в школе в эти годы кроме других учеников числится всего 1 купеческий сын и 1 дочь (Там же). По возрасту, возможно, это именно дети Ивана Митина: Кирик 1874 г.р. и его сестра Антонида 1876 г.р. Остальные дети купца Ивана Алексея¹ Митина на 1884 г. не школьного возраста, о чем речь пойдет далее.

Митин Иван Алексеев и сыновья его, Василий и Кирик, вторая жена Ивана, Парасковья Андреева, и дочери Авдотья (от 1 жены) и Антонида (от 2 жены) «...исключены предписанием Новгородской казенной палаты от 31 января 1878 года за №807 в череповецкое купечество 2-й гильдии» [7, л. 4]. Что это обозначало? 1 января 1863 г. было высочайше утверждено «Положение о пошлинах за право торговли и др. промыслов...», которое меняло установленные ранее правила торговли в России. Купцам II гильдии разрешалась только розничная торговля и заключение поставок на сумму не свыше 15 000 руб. В купеческое свидетельство могли вписываться все члены семьи. Звание было ликвидировано по декрету ВЦИК и СНК

«Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 года [16].

Списки владельцев недвижимости в г. Череповце начала XX века содержат сведения о мещанах и купцах, но фамилии Митиных там нет [17]. Оказалось, что родословные корни Митиных спрятаны в Колоденской волости Череповецкого уезда, на что указывают все приведенные в статье источники: протоколы Гришкинского сельсовета, списки налогоплательщиков, посемейные списки, метрические книги и исповедные ведомости Гришкинской церкви, ревизские сказки и переписные книги². Митины по мужской линии в селе Гришкино появились в середине XVIII века, а именно, известен крестьянин **Киприян Константинов (1737 г.р. или 1740 г.р.)** и жена его Стефанида Леонтьева (1738 или 1741 г.р.) [2, л. 12 об.–13].

Сам Киприян оказался родом из д. Воротишино Колоденской волости, сын **Константина Перфильева (ок. 1706 г.р.)**, внук **Перфилья Павлова (ок. 1675 г.р.)** и Степаниды (ок. 1680 г.р.). Жил Перфилий в Воротишине в доме брата Емельяна Павлова (ок. 1670 г.р.). Было у них всех домочадцев 13 человек. А дворов в Воротишине в 1710 г. было всего 3. «Итого в тех дворах 25 мужеска и женска 21» [21, л. 610 об.]. В 1678 г. в Воротишине «у бобыля **Пашки Иванова** дети: Марчко да Емелька да Петрушка 7 лет» [22, л. 51]. Другого Пашки этих лет ни в Воротишине, ни в соседних деревнях нет, поэтому он и есть наистарейший предок Митиных, зафиксированный в письменных источниках. Откуда вновь воротился в деревню Воротишино, что до 1678 г. была пустошью, Пашкин отец Иван, на то документов нет. В 1678 г. мы не видим Перфилья, а есть только Емельян с братьями Петрушкой и Марчкой. То ли писцы в 1710 г. назвали Пет-

¹ Здесь и далее после имени – отчество, а не фамилия (Иван Алексеев = Иван Алексеевич)

² См. список источников данной статьи.

рушку Перфильем, то ли родился Перфилий после переписи 1678 г., но, с большой долей вероятности, именно эта семья и есть самые древние, до каких позволили дотянуться имеющиеся письменные источники, предки Митиных. Перепись 1722 г. дает подтверждение имени Перфилья Павлова с женой Стефанидой и детей их Семена и Константина [8, л. 180].

В 1746 г. в Воротишине проживал Константин Перфильев 35 лет, у него сын Киприан 5 лет и сын Федор 1 году, братья Сидор и Семен Перфильевы [23, л. 371].

В 1762 г. Киприан числился уже в Гришкине, ему 22 года, и он законный муж Стефаниды Леонтьевой³ [24, л. 590 об.–591]. Стефанида Леонтьева – дочь Леонтея Васильева из Гришкина. Киприан Константинов поселился у нее, хотя это исключение, обычно было наоборот, но здесь отец умер, и остались одни женщины – жена Леонтея и дочери Стефанида и Анисья (Там же).

По ревизии 1762 г. в Гришкино указаны: 19. Леонтей Васильев в 1745 – 50 лет, умре 759. 20. Григорей Васильев в 1745 – 38 лет, умре 749.

У Леонтея жена Марья Васильева, старинная оной же вотчины деревни Трофанкова, ей в 1762 – 60 лет. У них дети, написанные в последнюю ревизию: Естафей в 1745 – 10 лет, умре 746. Иван в 1745 – 5 лет, умре 758, Анисья девка, в 1762 – 16 лет. Переведенный из той же вотчины дер. Воротишина Киприан Константинов, в 1745 – 5 лет, в 1762 – 22 года. У него жена Стефанида Леонтьева, старинная той же вотчины и деревни, в 1762 – 21 год (Там же).

Итак, мужская линия Митиных появилась в Воротишине в 1678 г., в Гришкине она продолжилась с 1762 г. Женская траектория в Гришкине по линии Стефаниды Леонтьевой имеет корни до 1645 г. [25, л. 392].

Возвращаясь к Киприану Константинову, отметим, что у него в 1764 г. появляется сын **Борис Киприанов**. Семья Бориса включала жену Елену Никитину 1763 г.р., детей: Василея 1781 г.р., Ивана 1789 г.р., **Никиту 1791 г.р.**, Саву 1793 г.р.⁴ [4, л. 15], Стефаниду 1796 г.р., Матрену 1797 г.р. [5, л. 220].

У **Никиты Борисова (22.01.1791 г.р.)**⁵ [4, л. 1], родился сын **Алексей Никитин Митин (1813–1872)**, отец будущего первого в роду Митиных мещанина и купца **Ивана Алексеева Митина** г. Череповца. При этом сведений о проживании семьи Митиных в Череповце нет. По всем административным и церковным данным Митины проживали в селе Гришкино, были довольно зажиточными.

Исповедная ведомость Гришкинской Тихвинской церкви за 1816 г. свидетельствует о следующем составе семьи Митиных: Борис Киприанов 52 г., жена его Елена 51 г., дети их: Никита 25 л., Матрена 19 л., Никитина жена Маремьяна 24 г., сын их Алексей 3 г. [3, л. 3].

Отец Ивана, Алексей Никитин Митин, родился в 1813 г., а 13 сентября 1872 г. его насмерть удавило возом [6, л. 500]. Мать Ульяна Антонова умерла в

1880 г. в возрасте 69 лет [7, л. 3 об.]. Оба в метрических записях числятся крестьянами. Родители не дожили до купеческого чина своего старшего сына. Была у Алексея Никитина дочь Марфа, но она вышла из родительского дома в 1867 г. замуж за Василия Исакова в д. Давыдово, поэтому ее сословие определяется сословием мужа и данных о ее купечестве нет.

Иван Алексеев Митин (1835 г.р.) и 1 жена Татьяна Васильева (1834–1872) имели детей: Евдокия 1861 г.р. – 02.06.1861 [6, л. 75], Василий 1862 г.р., Мария, Степан (1872–1873), Парасковья, Авдотья. Иван Алексеев Митин в 1878 г. получил купеческое свидетельство. Первая жена его, Татьяна Васильева, умерла в 38 лет на следующий день после рождения сына Стефана (Там же, л. 529). Так, будущий купец Иван в один год потерял безвременно отца, жену, а затем и сына-младенца. Старшая дочь Марья в 1875 г. вышла замуж [7, л. 4], а Парасковья, Авдотья и сын Василий попали в купеческое сословие. Правда, Василий не успел начать самостоятельную торговую деятельность, умер в 17 лет от скарлатины 17 сентября 1878 г. [9, л. 121].

Не прошло и полгода после смерти первой жены (21 декабря 1872 г.), как Иван Алексеев снова женился в мае 1873 г. [6, л. 521]. Его вторая жена, Парасковья Андреева, из д. Дора (1851–15.11.1911) и дочь от нее, Антонида, соответственно впоследствии стали купчихами. Параскева прожила около 60 лет и умерла от грудной болезни, похоронена в Гришкине [10, л. 118], как и все дореволюционные Митины. Параскева родила купцу Митину сына Кирика в 1874 г., а затем дочерей: Антониду (1876–01.01.1890), Анну (04.12.1885–25.05.1889), Лидию (1888 г.р.), Людмилу (1890–1890) и еще одну Анну 25.12.1891 [11, л. 149].

Купеческое сословие обязательно прописывалось в метриках. Например, «04.12. 1885 г. род. дочь Анна у проживающего в селе Гришкино **Череповецкого купца Митина Ивана Алексеева** и законной жены его Параскевы Андреевой. Восприемница: сестра новорожденной, **купеческая дочь Евдокия** Иванова Митина». Или: «1888 год: родилась дочь Лидия у **купца Митина Ивана Алексеева**» [12, л. 210].

Таким образом, именно Иван стал первым купцом в семействе крестьян Митиных. Архивы хранят запись, что Иван Алексеев Митин в 1900 г. получил 1 гильдию [27, л. 1, 22]. «Купцам I гильдии разрешалась как оптовая, так и розничная торговля любым товаром без ограничения сумм» [16]. В Гришкине Митин имел 70 десятин земли [27, л. 2]. Умер Иван Митин, судя по предыдущим данным, после 1900 г., прожив более 65 лет.

Мужскую купеческую участь пришлось исполнять сыну Ивана и Параскевы – **Кирику Ивановичу Митину**. Он родился 13.06.1874 г. [6, л. 548] у крестьянина Ивана Алексеева Митина, который через 4 года станет купцом. Кирик был назван так, скорее всего, матерью Парасковьей, у которой в д. Дора были родственники Кириковичи, что выяснилось через поручителей при венчании⁶ (Там же, л. 521).

³ Сведения получены от Натальи Тюлюковой, г. Москва.

⁴ У крестьянина Бориса Киприанова д. Гришкина родился сын Савва. Восприемник: крестьянин Никита Васильев [4, л. 15].

⁵ Родился **Никита** 22.01.1791 у Бориса **Киприанова**. Восприемник Никита Васильев [4, л. 1].

⁶ О браке. 13.05.1873 крестьянин с. Гришкина Иван Алексеев Митин (38 л.) и д. Б. Доры Уломского прихода крестьянская дочь девица **Параскева Андреева** (24 г.). От жениха: д. Чаева Максим Антипов и Афанасий Андрианов. От невесты: д. Б. Доры крестьяне Тихон и Андрей Кириковы. [6, л. 521].

Кирик Иванович знался и роднился с местными торговцами железом: Андрияновым из Коротова, За-водчиковым из Попадына, Левиным из сельца Федоровского, Осарковым из Бекетова, что подтверждают многочисленные генеалогические записи в указанных в этой работе метрических книгах. Именно после одной из встреч с купцом Митиным Денис Степанович Филихин взял себе фамилию Осарков, видимо, чтобы выделить себя как железоторговца⁷ [19, с. 29]. Осарков и Митин были женаты на сестрах Журавлевых из Миндюкина, первый – на Павле Ивановне, а второй – на Марии Ивановне (Там же, с. 32). Поэтому в документах Осаркова есть интересующие нас сведения.

Женился Кирик поздно по тогдашним меркам первым браком в 38 лет. Но жену выбрал тоже не из бедных – мещанскую дочь Анну Николаевну (1887 – 01.11.1918) известных коротовских купцов Андрияновых⁸ [10, л. 157 об.]. Прожив всего 31 год, хоть и была на 14 лет моложе Кирика, Анна умерла через 2 недели после рождения сына Иоанна [13, л. 169]. А Кирик повторил судьбу отца: у обоих первая жена умерла сразу после родов. Примечательно, что Анна Николаевна прославилась Гришкино редким природным явлением в 1915 г.: рождением тройни, но, к сожалению, все младенцы умерли через день после рождения⁹ [14, л. 133, 158]. Были у них в семье и дочери: Нина (24.12.1912 г.р.) [10, л. 153 об.] и Фаина (17.05.1916 г.р.) [14, л. 173].

После революции 1917 г. сословия были упразднены, и Митины стали, как и все, именоваться землепашцами. Но это не спасло их от репрессий. Как Кирик Иванович продолжал дело отца, нет пока сведений, кроме тех, что остались в протоколах Гришкинского сельсовета в конце 1920-х гг. Кирик был во главе бондарной артели [29, л. 45]. Односельчанин Ганичев В. заявил то ли в защиту, то ли от зависти: «Митин не торговал сам, а только проживал нажитое отцом» (Там же, л. 75). Не смущало, что Ганичевы роднились с Митиными¹⁰ [15, 108 об.]

В доме у Кирика Митина после 1918 г. появляется вторая жена – Мария Ивановна Журавлева из д. Миндюкино. И на сей раз сердце Кирика Ивановича привело его к знатной в своем роде девушке. Оказывается, Мария Ивановна Журавлева ранее до 1915 г. служила **во дворце у царя Николая Романова** [27, л. 1]. После жизни в царском дворце в новой семье Марии Ивановне пришлось нелегко. Падчерицы были совсем малы: Фаине Кириковне – 6 лет, а Нине – всего 2 года. Пожить купчихой не удалось: в 1930-е гг., с запозданием, но процессы раскулачивания затронули Гришкино.

⁷ Осарок – накипь от железа, образующаяся в процессе нагревания изделия дляковки.

⁸ Мещанин г. Череповца Кирик Иванов Митин, 38 лет, первым браком и Анна Николаева Андриянова, 24 г., первым браком мещанка г. Череповца. От жениха: д. Фроловская Александр Кириллов Солин и д. Стризнева Иван Антипин. От невесты: мещане г. Череповца Александр Макаров и Алексей Кузьмин Левин.

⁹ 18.06.1915 г. родилась **тройня**: Петр, Павел и Иоанн у Кирика Иванова Митина и Анны Николаевны. Восприемник: дьякон Никанор Семенов. Умерли Павел 19.06.1915 и Петр и Иоанн 20.06.1915. [14, л.133].

¹⁰ 08.03. 1908. Род. Лидия у Дмитрия Николаева Ганичева и Анны Никитиной. Восприемник: Анна Иванова Митина.

На 1922 г. в д. Гришкино у Митина Кирика Иванова было в семье 5 едоков, 1,5 десятины земли пашенной +4,36 десятины сенокоса и 2 коровы, имея тем самым среднюю ставку налога [28, л. 4]. Кто эти 5 едоков, не указано, но предполагаем: сам Кирик, вторая жена Мария Ивановна, трое детей: Нина и Анна от первого брака Кирика и Владимир 1922 г.р. Позже родятся еще двое: Олег в 1924 г.р. и Мария.

40 листов личного дела на Митину Марию Ивановну, лишенную избирательных прав, найдены в Череповецком центре хранения документации (ЧЦХД). В нем дана характеристика Марии Ивановны с обоснованием повышенного налогообложения и выселения за неуплату. Правда или для снятия штрафа, пишет Мария, что муж скрылся [27, л. 1], «Кирик Иванович, бросил семью в 1927 г.» (Там же, л. 21), оставив ей налоговые тяготы за каждый мешок картошки.

А до 1930 г. в хозяйстве Митиных были постоянные и сезонные наемные работники: Танина Екатерина работала до 1924 г., Морозовы Екатерина и Капитолина, Гришина Ольга. В 1931 г. Мария Митина вступила в колхоз и работала там за трудодни до ноября 1932 г. Причиталось ей за 1932 г. ржи 11.1 кг, ячменя 40.1 кг, овса 80 кг, картофеля 2478 кг, гороху 2.4 кг, льносемян 10.3 кг, льноволокна 3.8 кг сена 158 кг, соломы 66 кг. Но до этого Мария продала в Гришкине свой большой купеческий дом за 2700 руб., оставив себе только зимовку 6 на 8 аршин ценою в 150 руб., да корзинку с имуществом спрятала у Акулины Завьяловой. Часть имущества перевезла в Весьегонск и купила там дом на ул. Красного спорта, 58 (Там же, л. 1). Так, в 1932 г. закончился гришкинский и начался весьегонский период жизни Митиных, и уже давно не купеческий. В личном деле Марии имеется запись: «Из колхоза вычищена в 1933 году». 22.02.1933 г. М.И. Митина направила заявление в Череповецкий райисполком, где указывала, что семья состояла из 5 человек (Там же, л. 13 об.) На 9 марта 1933 г. в личном деле Митиной М.И. фиксируются данные: «...живет в Весьегонске на ул. Красного спорта, д. 58, на иждивении 3 детей¹¹ (Там же, л. 7 об.), «Отец мужа, купец 1 гильдии, умер 50 лет назад»¹² (Там же, л. 21). На иждивении, видимо, находились кровные дети: Владимир, Олег и Мария. Кто тот пятый человек жил с Марией Ивановной, неизвестно. Возможно, это падчерица Фаина (17.05.1916 г.р.). Из материалов по лишению избирательных прав известно, что 06.03.1935 г. Марией было составлено ходатайство, адресованное во многие инстанции, в том числе и в Кремль, с просьбой об отмене штрафа по налогам (Там же).

Архивных записей о самом Кирике Ивановиче намного меньше, чем о его жене. В протоколах Гришкинского сельсовета за 1928–30 гг. фамилия Митиных еще встречается. В 1930 г. чета Митиных значилась в списках лишенных избирательных прав: Митин Ки-

¹¹ М.И. Митина 09.03.1933 писала: имею на иждивении 3 детей, а там же л.13 об. от 22.02.1933 г. – 4 детей, возможно, кто-то умер.

¹² Там же. Л. 21. М.И. Митина, видимо, ошиблась: У Ивана Митина еще в 1892 родилась дочь, значит, отец мужа умер после 1900 года около 30, а не 50 лет назад по отношению к 1933 году, тем более что в 1900 г. он получил 1 гильдию, как указано в тексте.

рик Иванович – кулак. Митина Мария Ивановна (г. Весъегонск). На очередном заседании Гришкинского сельсовета была рассмотрена опись имущества **Митиной Марии**, Кирика Ивановича, дано постановление: «Хозяйство **Митина К.И.** и его жены **Марии** имеет посев картошки на удобренном участке. Предложить сдать 5 мешков картошки» [32, л. 57]. 10 января 1933 г. в деле о лишении избирательных прав Осаркова М.Г. зафиксирована запись о лишении прав и К.И. Митина как сына купца. «В 1927 г. Кирик Иванович уже числится в бегах, хозяйство ликвидировано. Жена – в Московской области» [31, л. 70]. Митины, как и многие местные репрессированные тогда, скрывались в Весъегонске, видимо, в другой области легче было затеряться. О дальнейшей судьбе Кирика Ивановича ничего неизвестно. С тех пор, как он пропал из Гришкина в 1927 г., никаких документов либо сведений от родственников не выявлено.

Трудно понять, где именно в Гришкине был дом Митиных 100 лет назад. По списку налогоплательщиков 1922 г. он расположен между Тюликовой Марией Гордеевной и Власовым Евдокимом Дмитриевичем. Власовы в то время еще жили в деревне, а не на хуторе. Уже почти сотню лет этих соседей и наследников нет. Власов Евдоким променял свой дом приезжему фельдшеру Ланковскому за самовар [30, л. 48]. Скорее всего, купеческий дом был по нечетной стороне примерно в районе домов № 43–47.

Итак, закат рода Митиных на колоденской земле наступил в период массовых репрессий на зажиточных хозяев, в том числе с купеческим прошлым. Но память о них жива. Так, в воспоминаниях Владимира Осаркова (2016 г.), родственника Митиных по женской линии, имеется некоторое описание быта семьи: «Из Бекетова мы переехали в Весъегонск к сестре моей бабушки по отцовской линии, к бабушке Маше (**Марии Ивановне Митиной**). По моей памяти: строгая женщина, баловаться нам не давала. Дом был большой, на две половины. В первой половине, окна которой выходили на улицу Красного спорта, жили мы, а во второй – она. Ее сын **Олег Кирикович Митин** с женой Серафимой Дмитриевной и сыновьями Володей и Игорем жили у родителей тети Симы – Куликовых» [26].

В современный период потомки купцов Митиных живут в Москве и Санкт-Петербурге, а в Весъегонске отдыхают летом на своей даче. Некоторые из них продолжают купеческие традиции – занимаются предпринимательством в сфере торговли и бизнеса, грамотные молодые люди, интересуются малой родиной и чтят историю своего рода. У них сохранился альбом фотографий (см. фото 1–2). Марии Ивановны Митиной – уникальный свидетель ее жизни в Петербурге и жизни нескольких поколений купцов Митиных, мещан города Череповца, чьи предки около 400 лет проживали на колоденской земле.

Таким образом, генеалогические поиски череповецких купцов Митиных привели в Колоденскую волость Череповецкого уезда Новгородской губернии. Без этой информации невозможно было понять, почему городские купцы не имеют подтверждения своего проживания в адресных книгах г. Череповца. Генеалогические данные привели к открытию, что одними

из первых жителей деревни Воротишино были именно будущие купцы Митины. Сведения о постоянном месте жительства, о родственных связях дают старт для дальнейшего исследования, чем и как широко занимались купцы Митины в Череповецком уезде Новгородской губернии. Говоря о значении исследования, попутно выяснилось и время повторного заселения пустоши Воротишино – до 1678 г. Кроме того, для памяти потомков эта статья вернула не один десяток имен и фактов из нетронутых архивов.

Фото 1. Митина (Журавлева) Мария Ивановна

Источник: Альбом М.И. Митиной (фото предоставили Иван и Алексей Митины). Предположительно, фото сделано в Санкт-Петербурге.

Фото 2. Митины Кирик Иванович и Мария Ивановна

Источник: Альбом М.И. Митиной (фото предоставили Иван и Алексей Митины). Предположительно, фото сделано, когда пара поженится в д. Гришкино.

Литература и источники

1. Козина, Г. Н. Вологодские купцы – фабриканты и заводчики: (XVIII – начало XX века) / Г. Н. Козина // Вологда : историко-краеведческий альманах. – Вологда, 1997. – Вып. 2. – С. 85–148.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 986. Оп. 1. Д. 162.
3. ГАВО. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 177.
4. ГАВО. Ф. 1067. Оп. 8. Д. 1.
5. ГАВО. Ф. 985. Оп. 1. Д. 49.
6. ГАВО. Ф. 496. Оп. 66. Д. 7.
7. ГАВО. Ф. 913. Оп. 1. Д. 1.
8. ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 92.
9. ГАВО. Ф. 496. Оп. 66. Д. 150.
10. ГАВО. Ф. 496. Оп. 59. Д. 217.
11. ГАВО. Ф. 496. Оп. 66. Д. 299.
12. ГАВО. Ф. 496. Оп. 66. Д. 226.
13. ГАВО. Ф. 496. Оп. 59. Д. 347.
14. ГАВО. Ф. 496. Оп. 59. Д. 311.
15. ГАВО. Ф. 496. Оп. 59. Д. 167.
16. Дьячкова, М. П. Купец I, II, III гильдии / М. П. Дьячкова // Международная военно-историческая ассоциация. – 2008. – 15 января. – URL: <http://imha.ru/1144523922-kures-i-ii-iii-gildii.html#.Y1WL26DP3cs> (дата обращения 07.01.2023). – Текст : электронный.
17. Материалы для оценки городских недвижимых имуществ Новгородской губернии. Том 7. г. Череповец. – Новгород : Паровая тип. А. И. Щербакова, 1902. – 244 с.
18. Очерк народного образования в Новгородской губернии за 1884/5 учебный год. – Новгород : Типография А. С. Федорова, 1887. – 555 с.
19. Пахолкова, Т. В. Череповецкий уезд. Усадьба Бекетово. 1893–1933 гг. / Т. В. Пахолкова // В. В. Верещагин. Искусство и общество : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения Василия Васильевича Верещагина. – Череповец : ЧерМО, ЧГУ, 2017. – С. 27–38.
20. Риммер, Э. П. Иван Андреевич (посвящается И. А. Милютину) / Э. П. Риммер, М. А. Бородулин. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/Rim/3.htm> (дата обращения 07.01.2023). – Текст : электронный.
21. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12759.
22. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12757.
23. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 345.
24. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 358.
25. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12760.
26. Сведения от Владимира Осаркова, г. Вельегонск.
27. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). Ф. 142. Оп. 1. Д. 23.
28. ЧЦХД. Ф. 42. Оп. 1. Д. 96.
29. ЧЦХД. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1.
30. ЧЦХД. Ф. 42. Оп. 1. Д. 63.
31. ЧЦХД. Ф. 142. Оп. 1. Д. 20.
32. ЧЦХД. Ф. 142. Оп. 1. Д. 15.
33. Шалашов, Е. В. Череповецкое купечество в конце 18 века / Е. В. Шалашов // Литературно-художественный историко-краеведческий «Московский журнал». – 1992. – № 8. – URL: <http://admin.cherlib.ru/files/595420142011Shalashov.pdf> (дата обращения 07.01.2023). – Текст : электронный.

T.V. Pakholkova

THE MITINS, CHEREPOVETS MERCHANTS (GENEALOGY)

The article provides information about the involvement of the Mitin family in the merchant class of the town of Cherepovets. It deals with the modern geographic markers: the Vologda region, Cherepovets, the Cherepovets district, the settlement of Ulomskoye, the village of Grishkino, the village of Vorotishino. The historical framework of the study covers the period from 1678 to the present day. The paper provides genealogical evidence of the formation of the Mitins from peasants to merchants based on federal, regional and district archival data. These are ecclesiastical data from the registers of births and confessional records, and administrative data from the census records, settlement lists of Grishkino, protocols of villages of the Soviet period. The objective of the work is to supply the history of the Cherepovets merchants with new names, to show that the roots of the city merchants are hidden in the village archives. For example, there is no information about the Cherepovets merchant Mitin in the documents from Cherepovets that is why he is consigned to oblivion. Genealogical facts can serve as a starting point for studying the activities of the tradesmen Mitins.

Cherepovets merchant, tradesman Ivan Mitin, school trustee, Grishkino, Vorotishino.

Р.И. Плиев
Пятигорский государственный университет

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА (АДЫГСКИЕ И ВАЙНАХСКИЕ СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ)

Научная статья посвящена анализу этнополитического развития Северного Кавказа в начале девятнадцатого века. В рамках исследования проводится комплексный анализ специфики расселения многочисленных этнических групп на территории региона, выявляется специфика их этногенеза и взаимоотношений с другими региональными этносами, а также приводятся данные о взаимодействии народов Северного Кавказа с Российской империей. Сравнительный анализ социально-экономического и политического развития автохтонных вайнахских и адыгских народов, а также не автохтонных народов, проживавших в их непосредственном окружении, повышает актуальность работы, позволяя ей стать источником информации, которую можно использовать в формировании национальной политики на современном Северном Кавказе как поликультурном регионе.

Этнос, этнополитическая картина, этногенез, трансформация, кавказская война, адыгские народы, вайнахи, черноморский регион, интеграция, конвергенция.

Одной из ключевых особенностей Северного Кавказа на всем протяжении его исторического развития являлось этническое, лингвистическое и культурное разнообразие. На относительно небольшом участке суши, образующем северокавказский регион, на протяжении многих столетий совместно проживали представители нескольких десятков автохтонных и не автохтонных народностей, отличающихся особенностями своего политического, экономического и культурного уклада. Полиэтничность Северного Кавказа, сохраняющаяся в значительной степени и на современном этапе его развития, была ключевой характерной чертой региона и в начале XIX века, и данный фактор оказывал большое влияние на сложный процесс освоения Российской империей северокавказских земель [9, с. 24].

Важной особенностью этнической картины Северного Кавказа в начале XIX века являлось отсутствие строгих линий разграничения между населяющими его народами. Недостаточная степень институционального развития политических институтов, а также отсутствие традиции государственности у народов Северного Кавказа сформировали в регионе достаточно аморфную этнополитическую структуру, в рамках которой все попытки создания точной картины расселения местных этносов носили достаточно условный характер. Другой важной проблемой, затрудняющей задачу формулирования структуры этнополитического устройства Северного Кавказа в начале XIX века, является недостаточное количество письменных источников, разъясняющих особенности исторического расселения народов Северного Кавказа и миграционных процессов, определявших региональную этническую карту [6, с. 15].

Вместе с тем использование материалов, собранных русскими исследователями, военными и полити-

ческими деятелями на территории Северного Кавказа в период Кавказской войны, позволяют сформировать достаточно подробный отчет о специфике расселения северокавказских этносов в начале XIX века. К числу основных этнических сообществ Северного Кавказа первой половины XIX века в наиболее общей форме можно отнести представителей адыгского этноса, населявшего большую часть северо-западного Кавказа, вайнахские народы, населявшие междуречье рек Аксая и Камбилеевки, многочисленные народы Дагестана, осетинский этнос, а также переселенцев с территории Российской империи, прежде всего русское население [6, с. 45].

Крупнейшей этнической группой северокавказского региона к началу девятнадцатого столетия, безусловно, являлись адыги, расселившиеся на обширных пространствах Северо-Западного Кавказа и Северного Причерноморья. Само наименование адыгов, или черкесов, на протяжении большей части девятнадцатого века употреблялось европейскими, турецкими и персидскими исследователями в отношении практически всего населения территории, расположенной между Черным и Каспийским морями [8, с. 65]. Данное наименование локальных народов черкесами носило не всегда точный характер по двум причинам. Во-первых, реальный этнический состав региона носил намного более сложный и противоречивый характер, о чем свидетельствуют более поздние исследования, а во-вторых, сама структура адыгского этноса, проживавшего на данных обширных территориях, в силу исторических и культурных причин, а также этногеографического контекста, была многогранным феноменом. Так, уже к началу XIX века, в рамках условно единого адыгского этноса, уже выделялось около сорока локальных образований, или

племен, к числу которых относились жанеевцы, шапсуги, мохоши, темиргоевцы и так далее [7, с. 134].

Несмотря на сложный состав адыгского этноса, под единым историческим самоназванием адыгов, или черкесов, в начале XIX века понималось автохтонное население северо-западного Кавказа, насчитывавшее по меньшей мере 1,7 миллионов человек. Пространственное расселение адыгского этноса носило значительный по региональным меркам характер. Адыги населяли территорию от черноморского побережья на западе до реки Уруп на востоке. Северной границей расселения адыгского этноса являлась река Кубань. Данная территория представляла собой пространство компактного проживания адыгских сообществ со второй половины восемнадцатого века и вплоть до тридцатых годов XIX века, когда события Кавказской войны и связанные с ней миграционные процессы привели к значительному ослаблению этнического преобладания и численного превосходства адыгов в регионе [10, с. 54].

Несмотря на количественное преобладание адыгов над другими этническими сообществами северо-западного Кавказа, их отношения с ними носили дружественный характер, и процесс ассимиляции адыгами других этносов носил достаточно распространенный характер. Так, наравне с адыгами на территории северо-западного Кавказа проживали представители таких национальностей, как черкесогаи, греки-урумы, горские евреи, абазины и ногайцы. На первоначальном этапе сосуществования микроэтносов греков-урумов и армян-черкесогаев с адыгами отношения народов носили равноправный характер, однако в дальнейшем, на фоне численного превосходства адыгов, происходил постепенный процесс ассимиляции адыгами соседних микроэтносов, и в конечном итоге последние усвоили адыгский язык, восприняли основополагающие нормы адыгского этикета – адыгэ хабзэ – и с точки зрения культурного самоопределения единственной значимой областью различия народов стала их конфессиональная принадлежность.

Важное место в контексте анализа этнополитической картины Северного Кавказа начала XIX века занимает анализ роли кабардинского народа как важного элемента более широкого адыгского этноса. Исторически компактные группы кабардинцев постепенно расширяли пространство своего расселения от территории Пятигорья к западу от реки Терек в шестнадцатом веке и вплоть до берегов реки Сунжи к семнадцатому веку. К началу XIX века кабардинцы уже освоили значительную часть Северного Кавказа. Так, территория Малой Кабарды к 1807 году на севере достигала правобережья реки Сунжи, на востоке ограничивалась левым берегом Сунжи, на юге достигала реки Камбелеевки, а на западе ограничивалась берегами реки Лескен. При этом уже на этом этапе развития Кабарды ее пространственное расширение носило постоянный характер, поскольку геополитическое противостояние Российской империи и Османской империи вынуждало кабардинских князей постоянно перемещаться на больших пространствах центральной части северокавказского региона [5, с. 76].

Таким образом, если рассматривать многочисленные группы адыгского этноса как единый этнос, мы

можем отметить, что в первой половине XIX века наиболее многочисленным народом Северного Кавказа с самой обширной территорией расселения являлись адыги, занимавшие ряд областей Причерноморья, Закубанья и Центрального Кавказа. В адыгской среде и по соседству с ними жили представители других этносов – черкесские армяне, греки-урумы, евреи, ногайцы, абазины. Но изменения внешнеполитической ситуации, связанные с осуществлением военно-колониционной политики Российской империи, затем значительно изменили этнический облик Северо-Западного Кавказа [2, с. 53].

Наряду с адыгским населением Северного Кавказа, значительную роль в формировании этнической картины региона в начале XIX века играли горские народы Дагестана, а также горцы-вайнахи (чеченцы и ингуши). Вайнахское население Северного Кавказа являлось автохтонным для региона, и утверждение царской администрации на территории Кавказа в конце XVIII и начале XIX века сформировало необходимость построения новых отношений между горцами-вайнахами и представителями империи. С географической точки зрения в начале XIX века вайнахские народы занимали территории, охватывавшие пространство от течения реки Терек на севере до Кавказского хребта на юге, и междуречье реки Акташ на востоке и верхнего течения реки Терек на западе. К началу девятнадцатого столетия в среде единого вайнахского этноса наметился процесс выделения двух родственных, но все же отдельных народов – чеченцев (нохчий) и ингушей (гIалгIай). В соответствии с логикой этнического разделения, также наметилось географическое разделение территории проживания вайнахского этноса на два подрегиона – Чечню и Ингушетию [1].

На протяжении большей части XIX века в вайнахских сообществах происходил сложный процесс трансформации этноса, в рамках которого, с одной стороны, наметился процесс разделения единства вайнахов (в переводе с ингушского и чеченского языков «наши люди») на чеченцев и ингушей, а с другой стороны, развивался процесс дробления внутри самих новообразовавшихся этносов, поскольку отдельные части вайнахского сообщества, к примеру карабулаки (ортсхой) и аккинцы (аьккхий), не относили себя ни к одному из новообразованных этносов, а рассматривали себя в качестве отдельных этнических групп. События Кавказской войны, неоднозначные отношения российских колонизаторов с горскими народами, а также процессы распространения ислама на Кавказе, лишь ускоряли и усложняли данные тенденции в регионе [8, с. 86].

Ингушская ветвь вайнахского этноса формировалась на протяжении XVIII века на западном крае территории проживания вайнахов, а именно на берегах рек Камбелеевки, Сунжи и Ассы, и граничила с территориями компактного проживания осетин – районом Ларса. Процесс формирования ингушского этноса носил сложный характер и сопровождался значительными миграционными процессами, вызванными давлением со стороны кабардинцев и осетин. Важнейшим фактором, определявшим развитие ингушского этноса в начале XIX века, являлся наметившийся

ся уже в конце предыдущего столетия процесс переселения ингушей с горных районов на равнины. Данный процесс шел параллельно с укреплением российско-ингушских отношений, поскольку именно гарантии царской администрации позволяли ингушам целенаправленно осуществлять миграцию на равнинные пространства, ранее усложняемые претензиями кабардинских князей на эти земли. Правовой и институциональной основой, создавшей предпосылки для переселения ингушей на равнину, стал договор между Российской империей и крупнейшими ингушскими общинами о подданстве последних российской короне, подписанный в 1810 году, согласно которому ингуши получили право на поселение на правом берегу реки Терек и на хребте кабардинских гор [4, с. 78]. Таким образом, характеризуя отношения ингушского этноса с Российской империей в конце XVIII и начале XIX века, можно сделать вывод о том, что эти отношения носили относительно дружественный и гармоничный характер, поскольку союз народов позволял им в полной мере реализовать свои интересы [3, с. 174].

Если отношения России и ингушской части вайнахского этноса можно считать взаимовыгодными, то отношения Российской империи с чеченским этносом носили намного более сложный характер. К началу XIX века чеченские сообщества занимали территории правого берега Сунжи, междуречья Сунжи и Терека, а также равнину между реками Гудермес и Фортанга. Историческое проживание чеченцев на своих территориях, а также уникальная бесклассовая структура чеченского общества, в рамках которой правила поведения регулировались нормами обычного права, а также постепенное укрепление позиций исламской религии на территории Чечни, стали основными факторами территориального, культурного и ценностного конфликта между чеченскими сообществами и царской администрацией в начале XIX века. Именно жесткий антагонизм чеченского этноса и его стремление к сохранению собственной независимости перед лицом военной машины и бюрократической системы Российской империи стали одной из основных причин сложного течения Кавказской войны для обеих воюющих сторон.

Таким образом, подводя итоги проведенному нами исследованию этнической карты Северного

Кавказа в начале XIX века, мы можем сделать однозначный вывод о том, что сложная структура локального этнического расселения, противоречивая история взаимоотношений местных автохтонных народов, а также усиливавшаяся динамика трансформации этнических сообществ создали на Северном Кавказе весьма напряженную социально-экономическую, политическую и культурную конъюнктуру. Данный факт, в свою очередь, стал важным фактором региональной нестабильности, усилил позиции антироссийских движений на Северном Кавказе в период Кавказской войны и осложнил интеграцию региона в состав Российской империи.

Литература

1. Абрамов, Я. В. Кавказские горцы / Я. В. Абрамов. – Краснодар, 1928. К истории переселения горцев. – 456 с.
2. Аджигова, А. М. К вопросу о социально-экономическом и политическом строе вайнахов в XIX веке / А. М. Аджигова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsialno-ekonomicheskom-i-politicheskom-stroe-vayna-hov-v-hih-v> (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.
3. Боков, Ф. П. По поводу концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (теоретико-методологический аспект) / Ф. П. Боков. – Грозный, 1990. – 153 с.
4. Бутков, П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 годы / П. Г. Бутков. – Санкт-Петербург, 1869. – 474 с.
5. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. : сборник статей / под редакцией Н. П. Гриценко. – Грозный, 1981. – 394 с.
6. Волкова, Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. / Н. Г. Волкова. – Москва : Наука, 1974. – 357 с.
7. Гарданов, В. К. Общественный строй адыгских народов. (XVIII – первая половина XIX в.) / В. К. Гарданов ; АН СССР. Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва : Наука, 1967. – 331 с.
8. Дебу, И. О Кавказской линии / И. О. Дебу // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик, 2001. – Т. 1. – 215 с.
9. Bell, J. Journal of residence in Russia during the years 1837, 1838 and 1839 / by James Stanislas Bell. – London, 1840. – 235 p.
10. Gilles, F. Lettres sur le Caucase et la Crimée / F. Gilles. – Paris, 1859. – 264 p.

R.I. Pliev

ETHNOPOLITICAL PROCESSES IN THE NORTH CAUCASUS AT THE BEGINNING OF THE 19TH CENTURY

(ADYGHE AND VAINAKH COMMUNITIES IN CONDITIONS OF HISTORICAL TRANSFORMATION)

The article is devoted to the ethno-political development of the North Caucasus at the beginning of the nineteenth century. The study provides a comprehensive analysis of the settlement of numerous ethnic groups in the region, reveals the specifics of their ethnogenesis and relationships with other regional ethnic groups, and also provides the data on the interaction of the peoples of the North Caucasus with the Russian Empire. A comparative analysis of the socio-economic and political development of the autochthonous Vainakh and Adyghe peoples, as well as non-autochthonous peoples living in their immediate environment, proves the relevance of the work, allowing it to become a source of information that can be used in the formation of national policy in the modern North Caucasus as a multicultural region.

Ethnos, ethno-political picture, ethnogenesis, transformation, the Caucasian war, Adyghe peoples, Vainakhs, the Black Sea Region, integration, convergence.

Я.В. Пуневский
Государственный университет просвещения

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В САМОУПРАВЛЕНИИ Г. ЯРОСЛАВЛЯ (1870 – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1914 ГГ.)

Избирательная система городского самоуправления в России в 1870–1914 гг., которая рассматривается в настоящей работе на ярославском материале, в отличие от избирательной системы большинства других губернских городов центральной России, почти не изучена. Статья является попыткой восполнить этот пробел. Автор рассматривает численность избирателей и гласных думы, явку на городские выборы, особенности процедуры подготовки и проведения выборов и другие вопросы на местном источниковом материале. Показывая изменения, произведенные законодателем в соответствии с «Городовым положением» 1892 г., автор подтверждает наметившийся в современной историографии отказ от негативной оценки преобразований избирательной системы городского самоуправления, произошедших в 1892 году.

Городская дума, городская управа, избирательная система, избирательное право, избиратели, избирательные списки, выборы, гласные.

Настоящая работа посвящена анализу избирательной системы и избирательного процесса в ярославском городском самоуправлении. Цель работы состоит в изучении численности избирателей и гласных городской думы, особенностей подготовки выборов, степени активности избирателей и гласных. Хронологические рамки настоящей работы охватывают 1870 – первую половину 1914 годов. Датировка начала исследования обусловлена введением в действие «Городового положения» 1870 года. В отношении верхней границы хронологических рамок исследования мы придерживаемся сложившегося в отечественной историографии убеждения о необходимости изучения самоуправления в период начавшейся в июле 1914 г. мировой войны как нового этапа в его развитии, качественно отличного от предыдущего этапа [1, с. 21; 2, с. 39].

В советской историографии возобладало критическое отношение к избирательной системе, установленной городской реформой 1870 года [3, с. 429; 4, с. 123]. Однако это не мешало исследователям отмечать ряд позитивных моментов [5, с. 224]. В современной историографии избирательная система городских дум в России в рассматриваемый нами период подвергается переоценке. Наиболее дискуссионным остается вопрос об оценке «Городового положения» 1892 г. в целом и избирательной системы, установленной им, в частности. Некоторые исследователи рассматривают корректировку избирательной системы в 1892 г. как провал прогрессивных начинаний правительства в 1860–1870-х гг. [6, с. 145]. Другие – не склонны столь критично относиться к городским преобразованиям. Так, З.В. Галямова показала, что реформа 1892 г. устранила индифферентную часть избирателей. В 1870 г. в выборах участвовала 1/5 часть допущенных к ним, в 1892 г. – одна треть [7,

с. 179]. Л.Ф. Писарькова, отмечая низкую активность избирателей, сословный антагонизм, образование «сословных партий», критически оценивает потенциал избирательной системы образца 1870 года. По ее мнению, сословные объединения оказались более приемлемыми для России, чем немецкие избирательные курии [8, с. 427]. Кроме того, Л.Ф. Писарькова установила, с нашей точки зрения, очень важный факт: несмотря на резкое сокращение числа избирателей, «соотношение числа участников выборов с общей численностью населения Москвы осталось прежним... статус избирателя утратили те, кто в выборах не участвовал» (Там же, с. 428). Г.Р. Заманова, изучившая городское самоуправление Казани, принимая во внимание пассивность избирателей отмечает, что общее число горожан, приходящих на выборы, после принятия закона 1892 г. осталось приблизительно тем же, что и до этого [9, с. 50].

Изучение избирательной системы городских дум в России в 1871–1914 гг., выполненное на региональном источниковом материале, иногда приводит исследователей к довольно противоречивым результатам. Так, А.М. Блудов, опираясь на материалы Тамбовской губернии, отметил низкую явку на городские выборы, которая сохранялась и после 1892 г., «ставила под сомнение саму легитимность выборов» [10, с. 83]. К сходным выводам пришла и З.В. Галямова [7, с. 39–40]. В то время как П.А. Попов на материале Воронежа показывает рост интереса к городским выборам, по словам исследователя, «по крайней мере на протяжении 1870–1891 гг.» [11, с. 57–58].

Выводы настоящей работы основываются на комплексном анализе исторических источников, среди которых главное место занимают неопубликованные документы из фонда № 509 Государственного архива Ярославской области, где сохранилось большинство избирательных списков на выборах в городскую ду-

му. Восстановить содержание недостающих документов позволяет периодическая печать, в первую очередь газета «Ярославские губернские ведомости». Кроме того, большой информативностью обладают журналы ярославской городской думы за 1871–1914 гг., изданные ярославской городской управой.

Согласно «Городовому положению» 1870 г., органы местного общественного управления формировались путем двухступенчатых выборов. В основу избирательной системы был положен принцип уплаты городским населением налогов в городскую казну [12, с. 37]. Среди условий наличия активного избирательного права в законе назывались: русское подданство, достижение субъектом 25 летнего возраста, принадлежность субъекту городской недвижимости в установленных размерах, а также отсутствие недоимок по городским сборам [13, с. 825]. По имеющимся в нашем распоряжении данным, за 1890–1891 гг. в Ярославле из 2724 человек, пользовавшихся избирательным правом: 2081 получили его ввиду права на владения имуществом, 132 ввиду имеющих у них купеческих свидетельств, у 295 человек имелись свидетельства и недвижимое имущество в пределах города, 216 избирателей были призваны к выборам на основании «мелочных и приказных свидетельств» [14, л. 132]. «Городовое положение» 1892 г. ограничивало избирательные права евреев, в число лиц, лишенных избирательных прав, были добавлены лица, состоящие под гласным надзором полиции, и торговцы спиртными напитками [15, с. 432, 438].

В соответствии с размером уплачиваемых в городскую казну налогов все избиратели делились на 3 разряда. Неравномерные по количеству участников, они избирали из своей среды одинаковое число гласных, третью часть от общего их числа [4, с. 12]. Непропорциональность избирательных курий хорошо иллюстрирует ярославский источниковый материал. Например, в г. Ярославле в 1875 г. в первом разряде было 43 человека, во втором – 153, в третьем – 1801 человек [16, с. 4]. В 1883 г. в первом разряде было всего 26 гласных, во втором – 183, в третьем – 2576 [17, л. 8–8 об.]. В 1887 г. в первом разряде – 28 человек, во втором – 212, в третьем – 2429 [18, с. 5]. Количество гласных городских дум колебалось от 30 до 72, за исключением Москвы (180 гласных) и Петербурга (250 гласных) [19, с. 250]. В отношении количества гласных ярославская городская дума была довольно представительной. В первом созыве ярославской городской думы после реформы 1870 г. насчитывалось 65 гласных [20, с. 2].

По «Городовому положению» 1892 г. резко сокращался и круг избирателей, избирательное право получили лишь купцы 1 и 2 гильдий, а также владельцы недвижимых имуществ с оценкой не ниже 1000 рублей в губернских городах и не ниже 300 рублей в уездных [21, с. 167]. Действительно, корректировка активного избирательного права, произведенная в 1892 г., привела к сокращению лиц, получивших право участвовать в выборах. Если после реформы 1870 г. право участвовать в выборах получили 8 % ярославцев, то после 1892 г. – только 0,9 % населения Ярославля [22, с. 263]. В открывшейся в мае 1893 г. ярославской думе гласных было 50, а не 66 как прежде [4, с. 54]. Отмечая сокращение числа избирателей,

произведенное в 1892 г., необходимо учитывать крайне низкую посещаемость городских выборов избирателями. Например, в 1883 г. на выборы явилось лишь 1,32 % избирателей. Эти факты нивелируют фактическую разницу избирательных систем образца 1870 и 1892 годов. Так, в 1897 г. правом голоса могли воспользоваться 640 гласных, что составляло 1,04 % населения города [23, л. 1–15; 24, с. 17]. Явка избирателей продолжала оставаться низкой, хотя и немного возросла в процентном соотношении (в 1897 г. на выборах присутствовало 13 % избирателей, в 1901 г. – 15,02 %, в 1905 г. – 16, 79 %). Число избирателей росло. Так, к 1909 г. правом на участие в выборах уже обладали 1146 человек [25, л. 10–27 об.]. Однако росло и население города. В 1913 г. число избирателей составило 1254 человека – 1,15 % населения города. Сравнение г. Ярославля с другими городами империи также показывает, что численность избирателей оставалась незначительной. По данным журнала «Городское дело», по числу избирателей на 1000 жителей г. Ярославль в 1913 г. находился в пятом десятке городов: 12 избирателей на 1000 жителей [26, с. 1192].

Теперь рассмотрим особенности процедуры выборов в городскую думу. Городская управа до выборов составляла списки тех избирателей, которые имели долги по городским сборам, что препятствовало их участию в выборах [27, л. 125–137 об.]. В нашем распоряжении имеются некоторые данные о причинах, по которым обыватели могли потерять права голоса. Среди лиц, потерявших право голоса в общем избирательном собрании г. Ярославля 22 декабря 1900 г., были: 4 умерших человека, 19 человек – по причине невозобновления торговых свидетельств, 1 человек – за несостоятельность, 2 человека – по причине утраты доверенности, 15 человек, за которыми числилась недоимка по налогу с недвижимых имений [28, л. 130–130 об.]. 22 февраля 1909 г. из избирательных списков было исключено 27 человек без указания причин [25, л. 98–98 об.]. В соответствии с законом, для выборов в городскую думу сначала формировалось избирательное собрание, которое затем выбирало гласных в общую городскую думу [29, с. 50]. Избирательное собрание считалось правомочным в том случае, если число лиц, участвующих в нем, превысило количество избираемых гласных. Перед началом выборов председатель собрания читал ст. 24 и 33 «Городового положения» 1892 г., разъясняя, что принявшие участие в выборах подвергаются наказаниям, определенным в ст. 1434 «Уложения о наказаниях», которая предусматривала наказания вплоть до ареста за допущение к выборам лиц, заведомо не имеющих права участвовать в них [28, л. 132–132 об.]. В соответствии с протоколом избирательного собрания ярославской городской думы от 10 февраля 1913 г. в зале помещалось 20 избирательных ящиков, у каждого ящика находилось по 2 счетчика, избранных председателем собрания из числа явившихся избирателей. Перед началом выборов каждой очереди претендентов ящики осматривались. Избиратели вызывались для проведения баллотировки из списка в алфавитном порядке. Протокол избирательного собрания подписывался председательствующим и избирателями, принимавшими участие в выборах [27, л. 83].

Городовые положения 1870 и 1892 гг. строго запрещали агитацию избирателей перед баллотировкой. Несмотря на это, судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, нарушения в ходе выборов в городскую думу все-таки были [30, с. 49]. Еще в комментариях к «Городовому положению» 1870 г. отмечалось: «из имеющихся в Министерстве внутренних дел сведений о выборах, как городских, так и дворянских, производившихся баллотировкой шарами, видно, что при этом способе избрания большинство часто бывает следствием случайных комбинаций» [31, с. 39–40].

Любой обыватель имел право подать жалобу на допущенные в ходе проведения выборов нарушения. В случае отклонения жалобы обыватель в 7-дневный срок мог направить свою жалобу на рассмотрение губернатору [13, с. 827]. В одной из жалоб, поданной в ярославскую городскую управу по результатам городских выборов, сообщалось, что среди избирателей, внесенных в списки, были должники по городскому оценочному сбору. В городской управе поясняли, что до дня выборов они внесли недоимки [27, л. 78]. Другая жалоба была подана в губернское по земским и городским делам присутствие на несовершенство баллотировочных ящиков. В документе отмечается, что ящики были «без сукна или со старым вытертым, из которых был слышан звук, по которому можно было определить, в какую сторону падал шар». Кроме того, в жалобе отмечалось неодинаковое число шаров, находившихся в урне одной и той же очереди. В городской управе поясняли, что ящики «были отремонтированы специально для выборов», не было ни одного без сукна, более того, никто из избирателей, бывших в собрании, не заявил о нарушении, а «жалобщики не указывают... какие именно ящики были несовершенны» (Там же, л. 80–80 об.). 9 марта 1913 г. жалоба об агитации лиц, избранных счетчиками шаров в избирательном собрании, а также производства выборов не шарами, а орехами была отклонена губернским по земским и городским делам присутствием (Там же, л. 99–101 об.).

В 1900 г. по докладу ярославской городской управы городской думе, а также предложению гласных А.П. Крылова и А.И. Пошехонова обсуждался ряд новшеств в отношении избирательного процесса. Так, избирательные списки до выборов предлагалось публиковать в газете «Северный край» («в виду распространенности газеты»), в избирательных списках должно было указываться в «скольких заседаниях минувшего состава думы приняли участие гласные». На эти предложения возражал П.Я. Морозов, указав, что «и не посещая заседания думы можно иметь влияние на городские дела» отметил: «едва ли есть основание не считаться с этим хотя бы внешним признаком отношения гласного к делам города» [28, л. 1–1 об.].

Эти идеи были поддержаны губернским по земским и городским делам присутствием. В городской думе возник ряд разногласий по вопросу о публикации сведений о посещаемости гласными заседаний думы (заседание 15 ноября 1900 г.). В частности, гласный Н.К. Андронов заметил: «в Ярославле жителей не миллион, а менее 75 000, а избирателей около 1 % из них, которые не только лично хорошо знакомы между собой, но даже прекрасно осведомлены о том, как и кто из них отно-

сится к общему делу. По результатам баллотировки в городской думе постановление губернского присутствия по этому вопросу принято лишь к сведению [28, л. 79–80]. Избирательные списки продолжали печататься без указания посещаемости гласными заседаниями думы только лишь в приложении к «Губернским ведомостям», а также вывешиваться: в городской управе, городском полицейском управлении, управлениях городских полицейских частей [32, л. 5].

Анализ избирательных списков показывает высокую степень абсентеизма среди избирателей. Так, в 1875 г. из 43 избирателей 1 разряда на выборы явилось только 20, из 157 избирателей 2 разряда на выборы явились только 42, из 1500 избирателей 3 разряда прибыло только 119 [33, л. 1–59]. На выборах 1897 г. из 640 избирателей в избирательное собрание прибыло 87 человек (13,5 %) [34, л. 109–109 об.]. На выборах 1901 г. из 739 человек в избирательное собрание прибыли только 111 (15 %) [28, л. 114–115 об.]. В 1905 г. в выборах приняли участие 174 избирателя из 1036 (16,7 %) [32, л. 101 об.]. В другие годы ситуация с посещаемостью выборов была сходной [17, л. 8–8 об., 35; 36]. Протоколы собраний избирателей в некоторых случаях были предельно краткими, не позволяющими оценить общее количество обывателей, посетивших избирательное собрание в день выборов [37, л. 25].

Стоит отметить, что посещаемость заседаний думы гласными также была невысокой, несмотря на то, что «Городовое положение» 1892 г. устанавливало необходимый кворум на заседаниях городской думы [15, с. 452]. Так, в 1871 г. из 65 гласных городской думы в течение года ее заседаний посещали 22–48 гласных, причем 48 гласных собралось на первом заседании городской думы, затем число гласных, присутствующих на заседании, стало неуклонно уменьшаться [38]. В 1872 г. заседания городской думы посещали 22–40 гласных [39]. В 1884 г. из 72 гласных на заседаниях городской думы присутствовали 29–36 гласных [40]. После 1892 г., когда гласные стали считаться государственными служащими и были обязаны уведомлять о причинах своей неявки в городскую думу, ситуация с посещаемостью ее заседаний выглядит несколько лучше, но это во многом объясняется общим сокращением численности гласных. Так, из 72 гласных за 1892 г. в думе присутствовало 27–41 гласный, а в 1893 г., когда число гласных было сокращено до 50, 24–46 гласных [41–42]. Как показывают журналы заседаний ярославской городской думы, большинство гласных не уведомляло о причинах своей неявки. Например, из 20 заседаний ярославской городской думы в 1911 г. уведомление о причинах неявки поступило лишь от одного гласного один раз [43]. 18 мая 1890 г. городской голова И.Н. Соболев был вынужден в личном письме просить А.А. Титова: «почтить участием своим заседания думы... так как для решения вопросов необходимо присутствие 35 гласных... промедление в разрешении настоящих вопросов принесло бы значительный ущерб жителям города» [44, л. 5].

Таким образом, избирательная система, созданная по реформе 1870 г., была достаточно прогрессивна несмотря на то, что разряды, на которые делились

обыватели города, были крайне неравномерны. Неравномерность избирательных разрядов объясняется столь же непропорциональным количеством уплачиваемых в городскую казну налогов. Следует согласиться с исследователями, указывающими на бессловность избирательной системы как одно из основных достоинств городской реформы 1870 года [45, с. 101]. Проведенное исследование показало индифферентность весьма значительной группы избирателей к городским выборам, низкую политическую активность как избирателей, так и гласных думы. В соответствии с выводами Л.Ф. Писарьковой, «Городовое положение» 1892 г. хотя и сократило число избирателей в процентном соотношении с численностью населения города, устранило от участия в выборах их наиболее пассивную часть. Кроме того, нами был рассмотрен процесс подготовки и проведения выборов в ярославскую городскую думу. Имеющиеся в распоряжении исследователей источники не содержат большого количества сведений о нарушениях процедуры выборов.

Литература

1. Судавцов, Н. Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны / Н. Д. Судавцов. – Москва ; Ставрополь, 2001. – 718 с.
2. Чудаков, О. В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.) / О. В. Чудаков. – Омск : Издательство Омского государственного университета, 2013. – 422 с.
3. Зайончковский, П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов) / П. А. Зайончковский. – Москва : Мысль, 1970. – 442 с.
4. Очерки истории Ярославского края / под редакцией В. А. Ляхова. – Ярославль : Министерство просвещения РСФСР, Ярославский государственный педагогический институт им. К. Д. Ушинского, 1974. – 418 с.
5. Нардова, В. А. Городское самоуправление в России после реформы 1870 г. / В. А. Нардова // Великие реформы в России 1856–1874 / под редакцией Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. – Москва, 1992. – С. 221–239.
6. Мартышева, М. Н. Городское самоуправление в России конца XIX – начала XX века / М. Н. Мартышева // Архангельская область: социально-экономическое развитие, история, культура, образование. – Архангельск, 1999. – С. 132–147.
7. Галямова, З. В. Городское самоуправление второй половины XIX – начала XX веков (по материалам г. Вятки) : специальность 07.00.02 : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Галямова З. В. – Ижевск, 2005. – 241 с.
8. Писарькова, Л. Ф. Городские реформы в России и Московская городская дума / Л. Ф. Писарькова. – Москва : Новый хронограф : АИРО-XXI, 2010. – 725 с.
9. Заманова, Г. Р. Городское самоуправление в Казани, 1870–1904 гг. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Заманова Галина – Казань, 2002. – 225 с.
10. Блудов, А. М. Городское самоуправление в России на рубеже XIX–XX вв. / А. М. Блудов. – Тамбов : Издательство Першина Р. В., 2006. – 250 с.
11. Попов, П. А. Городское самоуправление Воронежа: 1870–1918 гг. : специальность 07.00.02 : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Попов П. А. – Воронеж, 2005. – 529 с.
12. Калинин, В. Д. Из истории городского самоуправления в России (XVIII – начало XX вв.) / В. Д. Калинин. – Москва : ИЭ, 1994. – 92 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 45. Отделение 1. – Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1874. – 897 с.
14. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 509. Л. 132.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 12. – Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1895. – 1386 с.
16. Ярославские губернские ведомости (ЯГВ). – 1875. – 27 января. – С. 4.
17. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 241.
18. ЯГВ. – 1887. – 27 января. – С. 5.
19. Емельянов, Н. А. Местное самоуправление в России: генезис и тенденции развития / Н. А. Емельянов. – Тула : ТИГИМУС, 1997. – 339 с.
20. ЯГВ. – 1871. – 15 марта. – С. 2.
21. Нардова, В. А. Городское самоуправление в России во второй половине XIX – начале XX века: власть и общество / В. А. Нардова. – Санкт-Петербург : Лики России, 2014. – 564 с.
22. Летопись Ярославля. 1010–2010 / автор текстов: В. М. Марасанова ; составитель: А. А. Раздолгин. – Санкт-Петербург : Морской Петербург, 2007. – 359 с.
23. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 796.
24. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. – Санкт-Петербург : изд-во Центр. Стат. Комитета М-ва вн. Дел, 1897–1905. – Вып. 1, 1897. – 30 с.
25. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1260.
26. Городское дело. – 1913. – № 17. – С. 1192.
27. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1506.
28. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 962.
29. Постовой, Н. В. Местное самоуправление: история, теория, практика / Н. В. Постовой. – Москва : Федоров, 1999. – 188 с.
30. Нардова, В. А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX вв. / В. А. Нардова. – Санкт-Петербург : Наука : Фирма, 1994. – 157 с.
31. Городовое положение с объяснениями. – Санкт-Петербург: хоз. деп. М. В. Д., 1870. – 241 с.
32. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1117.
33. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 66.
34. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 746.
35. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 237.
36. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 238.
37. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 389.
38. Журналы Ярославской городской думы за 1871 год. – Ярославль : Издательство Ярославской городской управы, 1872. – 312 с.
39. Журналы Ярославской городской думы за 1872 год. – Ярославль : Издательство Ярославской городской управы, 1873. – 289 с.
40. Журналы Ярославской городской думы за 1884 год. – Ярославль : Издательство Ярославской городской управы, 1885. – 185 с.
41. Журналы Ярославской городской думы за 1892 год. – Ярославль : Издательство Ярославской городской управы, 1893. – 183 с.
42. Журналы Ярославской городской думы за 1892 год. – Ярославль : Издательство Ярославской городской управы, 1893. – 212 с.
43. Журналы Ярославской городской думы за 1911 год. – Ярославль : Издательство Ярославской городской управы, 1912. – 258 с.
44. ГАЯО. Ф. 1367. Д. 1624.
45. Еремян, В. В. История местного самоуправления в России (XII – начало XX вв.) / В. В. Еремян, М. В. Федоров. – Москва : Издательство Российского университета дружбы народов, 1999. – 294 с.

Ya.V. Punevsky

THE ELECTORAL SYSTEM OF SELF-GOVERNMENT IN YAROSLAVL IN 1870–1914

The article considers the electoral system of the city self-government in Yaroslavl in 1870–1914. It has not been studied yet unlike the electoral system of the majority of other provincial cities of central Russia. The author examines the number of voters and the Duma members, the turnout at the city elections, the procedural specifics of preparing and holding elections, and other issues. Using the local sources and showing the changes made by the legislator in accordance with the «City Regulations» of 1892, the author concludes that in modern historiography there is a tendency to reject the negative assessment of the electoral system transformations of the city self-government in 1892.

City Duma, City Council, electoral system, electoral law, voters, electoral lists, elections, members of Duma.

*А.А. Семикин**Ростовский государственный экономический университет*

ПЕРЕХОД КОЛХОЗОВ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ГАРАНТИРОВАННУЮ ДЕНЕЖНУЮ ОПЛАТУ ТРУДА В 1958–1959 ГГ.

На основе архивных материалов и литературы исследуется переход колхозов Ростовской области на гарантированную денежную оплату труда на первоначальном этапе. В статье анализируются реформирование системы оплаты труда колхозников, уделяется внимание проблемам, сопровождающим процесс внедрения денежной оплаты труда в колхозах.

Ростовская область, колхозы, авансирование, гарантированная денежная оплата труда, фонд оплаты труда, материальная заинтересованность.

С развитием колхозного строя происходило изменение и в системе оплаты труда колхозников. До 1953 г. по действующей системе оплаты труда колхозники получали вознаграждение за труд по результатам хозяйственной деятельности в конце года. Некоторые хозяйства если производили авансирование, то только в натуральной форме в период уборочных работ.

На сентябрьском пленуме ЦК КПСС 1953 г. было уделено большое внимание повышению материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного хозяйства [15, с. 303–345]. Колхозам было рекомендовано проводить авансирование колхозников в течение хозяйственного года. В постановлении Совета министров и ЦК КПСС от 21 сентября 1953 г. было установлено проводить ежеквартальное авансирование колхозников до 25 % от денежных поступлений, полученных при реализации продукции животноводства. Средства должны были поступать на особый счет в Госбанке и использоваться строго по назначению [12, с. 377]. Соответствующее решение было обсуждено и принято на VII пленуме Ростовского обкома КПСС (22–23 сентября 1953 г.) [21], но на территории области к этому моменту уже существовали передовые колхозы, проводившие авансирование колхозников. Так, колхоз им. Сталина Сальского района проводил ежемесячное авансирование колхозников по отработке трудодней с 1951 г. в натуральном выражении, а с 1953 г. и в денежном выражении [23, с. 3].

По данным годовых отчетов за 1953 г., в Ростовской области 161 колхоз имел возможность для создания фондов денежного авансирования колхозников, учитывая только хозяйства, которые выдавали на трудодень от 2 рублей и выше [3, л. 9]. В области на 1 января 1954 г. 40 % колхозов открыли специальные счета в отделениях Госбанка для авансирования колхозников (Там же, л. 12). К концу 1954 г. большинство колхозов осуществляло ежеквартальное авансирование колхозников, при этом ряд колхозов перешли на ежемесячные выплаты. Северо-Кавказским филиалом Всесоюзного научно-исследовательского инсти-

тута экономики сельского хозяйства (ВНИИЭСХ) в облисполком Ростовской области были направлены предложения для внедрения в колхозное производство прогрессивной оплаты труда, в которых указывалось, что проведение ежемесячного авансирования в колхозах им. Сталина Сальского и Веселовского районов показало рост материальной заинтересованности колхозников в развитии колхозного производства. Опираясь на положительный опыт этих хозяйств, «необходимо рекомендовать колхозам области начиная с 1955 года организовать ежемесячное денежное авансирование колхозников» [3, л. 3–4].

6 марта 1956 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах», в котором отмечалось, что с развитием и экономическим подъемом колхозов появилась необходимость совершенствования формы оплаты труда. На ежемесячное авансирование колхозников на трудодни рекомендовалось направлять не менее 25 % денежных доходов от всей деятельности колхозов и 50 % от полученных авансов от контрактиции, закупок и обязательных поставок сельскохозяйственной продукции [12, с. 453].

В статье «Денежная оплата труда в колхозах Дона» М.Ф. Янюшкин подчеркивал, что «практика регулярного денежного авансирования колхозников объективно подводила передовые хозяйства к установлению твердой гарантированной оплаты трудодня» [7, л. 18]. В целом внедрение в колхозах денежной оплаты труда основывалось на изменении формы взаимоотношений между колхозами и государством. Переход на товарно-денежные отношения требовал пересмотра расчетов за труд с колхозниками. Примером организации и оплаты труда за производство сельскохозяйственной продукции стало массовое создание совхозов. В Ростовской области к 1958 г. совхозы составляли около 30 % от всех сельскохозяйственных предприятий [16, с. 43]. За производство сельскохозяйственной продукции рабочие совхозов получали

ежемесячную гарантированную заработную плату, а труд колхозников по-прежнему учитывался в трудоднях. Руководство области и колхозов понимали необходимость в сближении системы и уровня оплаты труда в колхозах и совхозах. В колхозах области не было установлено неприкосновенного фонда оплаты труда, который бы мог гарантировать выплату определенного уровня заработной платы колхозникам. Поэтому было необходимо совершенствовать систему оплаты. Специалист Новочеркасского политехнического института Я.Л. Селиванов в статье «К вопросу о денежной оплате колхозников» писал, что «денежная гарантированная оплата труда колхозников – экономическая категория, отвечающая требованиям закона распределения по труду» и ее введение имеет прогрессивное значение для развития колхозного производства [17, с. 41].

В 1958 г. в колхозах Ростовской области начался переход на гарантированную денежную оплату труда. К этому времени в колхозах натуральная часть оплаты труда приближалась к 40 % [7, л. 17], нормы выдачи в разных хозяйствах выравнивались, их величина на трудодни составляла от 1 до 3 кг (Там же, л. 18).

Для выплаты ежемесячной заработной платы колхозам требовалось преобразовать фонды авансирования в резервные денежные фонды на оплату труда. Резервные фонды должны были составлять от 25 до 50 % годового фонда оплаты труда [8, л. 5]. На 1 января 1959 г. 324 колхоза создали денежные фонды авансирования [2, л. 172], за 1959 г. в Ростовской области на денежную оплату труда перешли 44 колхоза [7, л. 20], но при этом многие хозяйства продолжали вести учет труда в трудоднях. При переходе на учет труда в человеко-днях и человеко-часах трудодни выступали дополнительной единицей учета. В докладе на пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1958 г. С.Н. Хрущев отметил, что в колхозах мерой затрат на единицу продукции является трудодень, который не отражает конкретное количество труда или времени. «При таком положении трудодень не может быть признан правильным, объективным мерилем затрат труда на производство продукции» [20, с. 423].

При переходе на гарантированную денежную оплату труда колхозы Ростовской области ориентировались на систему оплаты труда в совхозах. Колхозы, особенно крупные, близкие по размерам производства и ведению хозяйства к совхозам, использовали опыт совхозов по применению тарификации, нормированию труда и обеспечению ежемесячных денежных выплат. Действующие совхозные расценки и нормы выработки корректировались в большую или меньшую сторону под конкретное колхозное производство. В результате расценки за дневную норму имели большие различия. Так, расценка за дневную норму по I-му разряду в колхозе «Рассвет» Раздорского района была установлена 4 рубля 50 копеек, в колхозе им. Кирова Мечетинского района – 10 рублей [6, л. 2].

Директор Северо-Кавказского филиала ВНИИЭСХ в статье «Денежная оплата труда в колхозах Дона» отметил, что механизаторам во многих хозяйствах сохранялись условия оплаты, действующие в машинно-тракторных станциях. Расценки по некоторым отраслям и работникам колхоза повышались от

10 до 30 %, что даже превышало расценки в совхозах [7, л. 22].

При переходе на денежную оплату труда колхозы Ростовской области столкнулись с рядом трудностей. Хозяйствам не хватало опыта и знаний, многие вопросы возникали и решались в процессе внедрения денежной оплаты труда. Например, колхоз «Заветы Ильича» Азовского района перешел на денежную оплату с начала 1959 г. Председатель колхоза в докладе «О переходе на денежную оплату труда» писал, что опыта по переходу на денежную оплату почти нет, в стране перешли на новую оплату единицы колхозов. Не хватает методической литературы, рекомендации не охватывают весь спектр возникающих вопросов. Он отметил, что «научные работники Ростовского зонального института экономики сельского хозяйства, к сожалению также не имеют себе ясного представления о системе денежной оплаты без трудодня в колхозе» [5, л. 46]. На эти недостатки указывал директор Северо-Кавказского филиала ВНИИЭСХ М.Ф. Янюшкин в письме директору ВНИИЭСХ К.П. Оболенскому «О проекте рекомендаций по организации и оплате труда в колхозах и совхозах». М.Ф. Янюшкин отмечал, что «рекомендации по оплате труда в колхозах изложены необычно сумбурно, с наличием непонятных и противоречивых положений» [9, л. 90].

Экономист колхоза «Заветы Ильича» Азовского района А. Ковалев подчеркивал, что недостатки дали о себе знать в первый же месяц работы. Финансовый план на начало года не был разработан, неудовлетворительно была проведена работа с учетчиками и счетоводами по освоению новых методов учета и начисления заработной платы. Расходы колхоза должны были осуществляться в строго запланированных рамках, так как при денежной оплате труда колхозники «свой заработок не оставляют до конца года в колхозной кассе, а получают его ежемесячно» [14, с. 3]. Недостаток денежных средств заставил руководство колхоза рассмотреть вопросы снижения затрат, в том числе за счет сокращения управленческого и обслуживающего персонала в количестве 51-го человека с годовым фондом 260 тыс. рублей [4, л. 3].

Ошибки, допущенные при переходе на денежную оплату труда колхозом «Заветы Ильича», анализировались в статье «Денежная оплата труда в колхозах Дона», где М.Ф. Янюшкин отмечает, что колхозом была неверно определена сдельная расценка для I-го разряда тарифной сетки. Расценка была исчислена с учетом высоких показателей благоприятного 1958 г., что превысило фактический уровень заработной платы по итогам трех предыдущих лет на 23 %. При этом нормы выработки были установлены заниженные, которые в процессе работы перевыполнялись колхозниками до 200 % [7, л. 22].

Также в статье отмечалось, что необоснованное планирование годового фонда оплаты труда и денежных доходов в колхозе «Заветы Ильича» привело к нарушению финансового плана. При этом резервный фонд по оплате труда был не предусмотрен. По окончании финансового года плановый доход был выполнен на 67,4 % (Там же, л. 23), что сказалось на задержке выплаты гарантированного заработка колхозникам из-за отсутствия денежных средств. Ежеме-

сячные выплаты заработной платы снижались в течение года и в итоге составили 50 %. В результате средств на выплату заработной платы в колхозе «Заветы Ильича» не хватило. Задолженность по заработной плате за 1959 г. составила 600 тыс. рублей и погашалась до 1962 г. [7, л. 23]. Местные органы управления рекомендовали правлению колхоза «Заветы Ильича» вернуться к оплате по трудовым дням, но колхозники от денежной оплаты труда не отказались.

Во многих колхозах области в процессе перехода на гарантированную денежную оплату труда колхозников Северо-Кавказским филиалом ВНИИЭСХ отмечались просчеты, аналогичные допущенным колхозом «Заветы Ильича». Были отмечены нарушения сроков выплаты заработной платы колхозникам из-за проведения непредвиденных затрат колхозов. Также негативное влияние оказывали такие факторы, как задолженность по оплате за реализованную продукцию, отсутствие денежных средств в отделениях Госбанка. Колхозам для своевременной выплаты заработной платы требовалось заранее предоставлять в Госбанк финансовые планы с ежемесячной разбивкой. Для соблюдения сроков выплаты заработной платы бюро Ростовского обкома КПСС решением от 11 мая 1959 г. рекомендовало колхозам применять безличный расчет с колхозниками через трудовые сберегательные кассы [6, л. 5].

Многим колхозам ошибки, допущенные при изменении системы оплаты труда, не позволили достичь эффективности от внедрения гарантированной денежной оплаты труда. Просчеты в планировании фонда оплаты труда приводили колхозы к невыполнению планов по доходам и к задолженности по заработной плате перед колхозниками. Не справившиеся с трудностями колхозы «Пролетарский» Обливского района, им. Ленина, им. Кирова, «Знамя революции» Каменского района возвращались к прежней форме распределения доходов [7, л. 25–26].

С аналогичными трудностями при переходе на денежную оплату столкнулись и колхозы других регионов. Так, Т.Ю. Задкова на примере Мордовской АССР пишет, что «попытка ряда колхозов республики перейти на денежную систему оплаты труда без учета экономического состояния хозяйств и продуманных производственно-финансовых планов в целях быстрого решения проблем общественного производства оказалась не вполне удачной» [11, с. 190].

В.Н. Томилин отмечает, что во многих регионах РСФСР денежная оплата труда рассматривалась «как универсальное средство подъема экономики колхозов». При нерегулярном и недостаточном поступлении денежных доходов в ряде колхозов «колхозники часто оказывались и без денег, и без натуральных выдач». Превышение расхода денежных средств над фактическими доходами способствовало «росту задолженности государству по краткосрочным кредитам» [18, с. 363].

Северо-Кавказским филиалом ВНИИЭСХ изучался опыт колхозов Ростовской области по переходу на денежную оплату труда, выявлялись причины возврата колхозов к оплате через трудовые дни. Специалисты филиала отмечали, что руководителями местных партийных и сельскохозяйственных органов нарушался

рекомендованный план перехода на денежную оплату труда. В некоторых колхозах оплата труда устанавливалась на совхозном уровне без учета реальных экономических возможностей колхоза. Негативные последствия оказывали неверно определенные и установленные расценки I разряда тарифной сетки, не обоснованные фактическими значениями стоимости трудового дня за последние три года. Завышенные расценки нарушали интересы колхоза, заниженные расценки лишали колхозников материального стимулирования. В ряде колхозов занижались нормы выработки, что приводило к их перевыполнению и увеличению оплаты труда. Часть колхозов пренебрегала рекомендациями по созданию резервного фонда оплаты труда, что при невыполнении планов по доходам вело к дефициту денежных средств и не позволяло выплачивать заработную плату колхозникам.

Переход на новую оплату труда в колхозах выявил недостатки в ведении экономического и бухгалтерского учета. В хозяйствах не хватало счетных работников и экономистов, а большинство работающих не имели специальной подготовки. Из-за отсутствия подробных разъяснений по учету хозяйственной деятельности при денежной оплате труда, специалистами неверно рассчитывались показатели финансового плана, с нарушениями велся бухгалтерский учет.

В результате анализа основных нарушений, допущенных колхозами Ростовской области при переходе на денежную оплату труда, Северо-Кавказским филиалом ВНИИЭСХ были разработаны рекомендации, позволяющие более организованно и эффективно провести переход на новую систему оплаты. В мае 1959 г. решением бюро Ростовского обкома КПСС рекомендации были одобрены к применению. На заседании бюро обкома было отмечено, что опыт применения денежной оплаты труда показал повышение трудовой активности колхозников в общественном производстве и рост производительности их труда. В колхозах упростилось исчисление себестоимости продукции. 8 июня 1959 г. было утверждено постановление Ростовского обкома КПСС и облисполкома «О переходе на денежную оплату труда в колхозах области» [22, л. 25–27]. Было принято решение одобрить инициативу колхозов, применяющих денежную оплату труда. Всем колхозам области рекомендовано в 1959–1960 гг. перейти на новую систему оплаты труда. С целью изучения методики перехода управление сельского хозяйства должно было провести кустовые семинары для председателей, бухгалтеров колхозов и начальников инспекций по сельскому хозяйству. Областная контора госбанка должна была обеспечить своевременное и достаточное поступление денежных средств в районные отделения для выдачи заработной платы колхозникам. Государственным сберегательным кассам требовалось провести разъяснительную работу среди колхозников о порядке и преимуществах безличных расчетов. На периодическую печать, радио и телевидение возлагалась обязанность освещать опыт колхозов по применению денежной гарантированной оплаты труда.

На заседании бюро обкома отмечалось, что денежная оплата труда введена в 56 колхозах [22, л. 25], что составило около 14,5 % от их общего количества.

Переход на новую систему оплаты труда в колхозах Ростовской области проходил быстрее, чем в целом по РСФСР, где за 1959 г. перешедшие на денежную гарантированную оплату труда колхозы составляли 8 % [1, с. 44].

При переходе на денежную оплату труда колхозы стали основным источником поступления денежных средств в бюджет колхозников. В 1959 г. денежные доходы от общественного хозяйства на один колхозный двор в Ростовской области составляли 6 019,8 рублей или 42,3 % [19, с. 91], а в целом по РСФСР соответственно 3 733 рубля или 39,3 % [1, с. 143]. Денежные доходы от колхоза в Ростовской области были выше в 1,6 раза в натуральной величине, но их доля от общих доходов превышала показатель по РСФСР на 3 %. Средний годовой доход колхозника в колхозах Ростовской области, перешедших на денежную оплату труда, составил 5 000,3 рублей [19, с. 59]. Регулярная ежемесячная выплата заработной платы позволила колхозникам планировать семейный бюджет, реализовать потребности своей семьи по мере их возникновения, расширила покупательские возможности – «колхозник, как и рабочий, все больше начинал выступать в сфере обращения как покупатель потребительских товаров» [13, с. 246]. Так, денежные расходы колхозной семьи на приобретение промышленных товаров в 1959 г. возросли на 808,9 рублей относительно 1957 г. [19, с. 168], в том числе непродовольственных товаров на 439,3 рубля (Там же, с. 171).

Денежная оплата труда являлась важным стимулом в работе колхозников, повышала их производительность труда и трудовую активность. Увеличилось число колхозников, участвующих в колхозном производстве и количество отработанных ими человеко-дней. Значительно повысилась трудовая активность домохозяйек, ранее не участвующих в колхозном производстве. Сократились случаи нарушения трудовой дисциплины. Так, в колхозе им. Кирова Зерноградского района в I квартале 1959 г. по сравнению с I кварталом 1958 г. количество колхозников увеличилось на 200 человек, число отработанных дней в месяце одним колхозником – на 3 дня или 17,6 % [10, с. 49]. За 4 месяца 1959 г. в колхозе им. Сталина Каменского района численность колхозников возросла на 189 человек [22, л. 25], что позволило хозяйству первым в районе, в лучшие агротехнические сроки, провести посевные работы. В колхозе «Заветы Ильича» до перехода на денежную оплату труда были не укомплектованы животноводческие фермы, а после перехода число желающих работать резко увеличилось. Укомплектование ферм привело к росту их производственных показателей (Там же, л. 26).

Таким образом, развитие колхозного производства требовало совершенствования формы оплаты труда. В 1958 г. колхозы Ростовской области начали переход на гарантированную денежную оплату труда. При этом, как и большинство проводимых мероприятий аграрной реформы 1953–1964 гг., процесс перехода был не до конца проработан и недостаточно обеспечен нормативными материалами и рекомендациями. Нехватка в колхозах счетных работников и слабый уровень их подготовки привел к ряду ошибок и просчетов на первоначальном этапе внедрения денежной опла-

ты труда. Ряду колхозов области пришлось вернуться на прежнюю форму оплаты труда по трудодням.

Однако, несмотря на недостатки, переход колхозов на гарантированную денежную оплату труда был своевременным и прогрессивным процессом, позволившим колхозам приблизиться к форме и уровню оплаты труда в совхозах. Колхоз стал основным источником денежного дохода колхозников. Фонд оплаты труда в колхозах начал рассчитываться на основании утвержденных расценок и норм, ориентированных на годовую выпуск продукции и закладываться в план финансово-хозяйственной деятельности, как обязательная статья расходов колхоза. Заработная плата колхозников стала гарантированной, ее выплаты производились ежемесячно в денежной форме. Регулярные денежные выплаты позволили повысить трудовую активность и материальную заинтересованность колхозников в результатах своего труда, что оказало положительное влияние на хозяйственную деятельность колхозов. В колхозах усовершенствовался экономический и бухгалтерский учет, усилился контроль над расходованием материальных и денежных ресурсов. Опыт первых колхозов Ростовской области по переходу на новую систему оплаты труда в 1958–1959 гг. позволил специалистам Северо-Кавказского филиала ВНИИЭСХ разработать более детальный и эффективный порядок внедрения денежной формы оплаты труда.

Литература и источники

1. Вербицкая, О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву, середина 40-х – нач. 60-х гг. / О. М. Вербицкая ; Российская АН, Институт истории России. – Москва : Наука, 1992. – 222 с.
2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-4034. Оп. 8. Д. 1430.
3. ГАРО. Ф. Р-4232. Оп. 1. Д. 291.
4. ГАРО. Ф. Р-4232. Оп. 1. Д. 485.
5. ГАРО. Ф. Р-4232. Оп. 1. Д. 492.
6. ГАРО. Ф. Р-4232. Оп. 1. Д. 494.
7. ГАРО. Ф. Р-4232. Оп. 1. Д. 534.
8. ГАРО. Ф. Р-4232. Оп. 1. Д. 659.
9. ГАРО. Ф. Р-4232. Оп. 1. Д. 679.
10. Денежная оплата труда в колхозах : [сборник статей]. – Ростов-на-Дону : Книжное издательство, 1963. – 152 с.
11. Задкова, Т. Ю. Колхозная деревня Мордовии в условиях «Оттепели» (1953–1964) : монография / Т. Ю. Задкова. – Саранск : Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2010. – 270 с.
12. История колхозного права : Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. В 2-х томах. – Москва : Госюриздат, 1958–1959. – Т. 2. – 539 с.
13. История социалистической экономики СССР. В 7 томах. Том 6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма, 1946 – нач. 1960-х годов. – Москва : Наука, 1980. – 589 с.
14. Ковалев, А. Денежная оплата труда – новый этап в развитии колхозов: [«Заветы Ильича»] / А. Ковалев // Красное Приазовье. – 1959. – 24 февраля. – С. 3.
15. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., доп. и испр. – Москва : Политиздат, 1983. – Т. 8: 1946–1955. – 1985. – 542 с.
16. Народное хозяйство Ростовской области : статистический сборник / ЦСУ РСФСР. Статистическое управление

Ростовской области. – Ростов-на-Дону : Госстатиздат, 1961. – 238 с.

17. Селиванов, Я. Л. К вопросу о денежной оплате труда колхозников: [На Ростов. материале] // Труды Новочеркасского ордена Трудового Красного Знамени политехнического института им. Серго Орджоникидзе. Работы кафедры политехнической экономики. – Новочеркасск, 1961. – Т. 122, вып. 5. – С. 41.

18. Томилин, В. Н. Государство и колхозы: 1946–1964 гг. / В. Н. Томилин. – Москва : АИРО-XXI, 2021. – 448 с.

19. Филатов, С. В. Аграрная политика и уровень жизни крестьянства Дона и Кубани (1950-е – начало 1960-х годов)

/ С. В. Филатов. – Ростов-на-Дону : Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. – 173 с.

20. Хрущев, Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства: [Речи и документы]. В 7 томах. Том 3. Январь 1958 года – май 1959 года / Н. С. Хрущев. – Москва : Госполитиздат, 1962. – 544 с.

21. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 1561.

22. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2421.

23. Чеховский, А. Ежемесячное авансирование колхозников: Из опыта колхоза им. Сталина, Сальского района, Ростовской области // Сельское хозяйство. – 1954. – 20 февраля. – С. 3.

A.A. Semikin

THE TRANSITION OF COLLECTIVE FARMS TO GUARANTEED WAGES IN THE ROSTOV REGION IN 1958–1959

The research of the initial stage of the transition of the collective farms to guaranteed wages system in the Rostov region is based on the archival materials and literature. The article analyses the reform of the wage system of collective farmers and draws attention to the problems which followed the process of introducing cash wages in the collective farms.

The Rostov region, collective farms, advance payment, guaranteed wages, wage fund, material interest.

И.А. Тимошина
Вологодский государственный университет

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ И ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В 1980-Е ГГ.

Работа посвящена изучению численности населения Архангельской и Вологодской областей с 1979 по 1989 гг. В статье рассмотрена общая численность постоянного населения, численность городского и сельского населения региона. Выявлены тенденции воспроизводства и миграции, повлиявшие на изменение численности населения региона.

Численность населения, Архангельская область, Вологодская область, городское население, сельское население, воспроизводство населения, миграция.

Численность населения – общая характеристика, показывающая демографическое развитие территории за определенный промежуток времени. В демографии выделяют 3 основных тренда численности населения – увеличение, сокращение и стагнацию [20, с. 18–19].

Сокращение населения – одна из остро стоящих глобальных проблем современной России. Российская Федерация, занимая 11,5 % мировой территории, имеет лишь 1,8 % от общемировой численности населения (9 место). По данным Росстата, в 2022 году количество жителей РФ составило 145 478 тыс. человек [18]. На протяжении более чем 30 лет страна не может достигнуть максимального значения численности населения, которое фиксировала Всесоюзная перепись 1989 года – 147 400 тыс. человек [1, с. 4].

Европейский Север страны, на территории которого расположены Архангельская и Вологодская области, традиционно являлся малозаселенной территорией. Но, по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 года, как и по стране в целом, в указанных областях отмечалась самая большая совокупная численность населения за весь период СССР – 2,9 млн человек [1, л. 3]. С 1990 года и по настоящее время количество населения в Архангельской и Вологодской областях permanently сокращается [19, с. 38].

Объект исследования настоящей статьи – динамика численности населения Архангельской и Вологодской областей в 1980-е гг.

Вопрос о численности населения СССР изучается историками, демографами, экономистами, социологами. Одной из первых работ, посвященных динамике численности населения СССР в 1980-е гг., является коллективная монография Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковской «Население Советского Союза. 1922–1991» [11], изданная в 1993 году. Последние три главы книги посвящены демографической ситуации в республиках Советского Союза в 1980-е гг. Авторы рассмотрели рождаемость, смертность как факторы, определяющие численность населения РСФСР и союзных республик. По мнению исследователей, введенные в 1981 году меры государства по поддержке

семей и антиалкогольная кампания имели краткосрочное (до 1987 года), но положительное влияние на увеличение численности населения РСФСР в 1980-е гг.

Отдельно нужно выделить монографию под редакцией Ю.А. Полякова и В.Б. Жиромской «Население России в XX в.». Периоду с 1980 по 1990 год посвящена вторая книга третьего тома [10]. Авторы, привлекая обширный статистический материал, рассмотрели вопросы рождаемости, смертности, состава семьи и социально-экономическую обстановку в стране как факторы, влиявшие на численность населения России. Историки пришли к выводу, что стабилизация демографических показателей (сокращение смертности и небольшое увеличение рождаемости) в первой половине и середине 1980-х гг. была временным явлением. К концу периода в демографическом развитии страны, вследствие нестабильной социально-экономической ситуации и нерешенности демографических вопросов, появились негативные тенденции в виде сокращения рождаемости и увеличения смертности.

Вопрос о численности населения Архангельской области в 1980-е гг. поднимал А.С. Константинов, изучая миграционную активность жителей Архангельской области. В статье «Миграционные процессы в условиях трансформации территориально-поселенческой структуры в Архангельской области (1926–1989 гг.)» [9] автор приводит общую численность населения Архангельской области в указанный период, не детализируя ее изменение в 1980-е гг. Анализируя миграционную активность, А.С. Константинов приходит к выводу об определяющей роли миграции в росте численности населения области к концу 1980-х гг.

Численность населения с позиции эволюции естественного движения населения Архангельской области с 1900 по 2006 год рассмотрена К.В. Шельгиным [19]. Исследователь выделяет два этапа эволюции: рост численности населения до 1990 года и его сокращение с 1990 по 2006 год (год публикации статьи). Как и А.С. Константинов, К.В. Шельгин показал об-

щую картину динамики численности населения с 1920-х по 1989 гг., не рассматривая отдельно последнее десятилетие СССР.

По материалам Вологодской области на данный момент специальных исследований, посвященных численности населения в 1980-е гг., не опубликовано. Исследователей интересовали более ранние периоды демографической истории области. В рамках изучения демографического развития населения на Европейском Севере России, в том числе в Архангельской и Вологодской областях, Н.В. Гилева [5] рассмотрела демографические процессы и динамику численности населения в колхозной деревне 1960–1970-х гг., О.В. Ильина [8] разрабатывала аналогичную тему по более раннему периоду 1940–1950-х гг.

Оба историка концентрировали внимание на сельском населении, не рассматривая городское. Поэтому вопрос о численности населения Архангельской и Вологодской областей в 1980-е гг. остается открытым, требующим изучения.

Исходя из этого, цель данной статьи – исследовать динамику численности населения Вологодской и Архангельской областей в 1980-е гг.

Основными источниками по теме являются Всесоюзные переписи населения 1979 и 1989 гг. и материалы текущего статистического учета. Чтобы воспроизвести изменения численности населения Европейского Севера России в 1980-е гг. (по материалам

Вологодской и Архангельской областей), были использованы разработочные таблицы Всесоюзных переписей населения 1979 и 1989 гг. Данные опубликованы в виде интерактивных таблиц и находятся в открытом доступе на сайте института демографии имени А.Г. Вишневого – «Демоскоп Weekly». Часть итогов переписей населения по областям сведены в таблицы и выложены для общего пользования в облачное хранилище Яндекс Диска на сайте Федеральной службы государственной статистики (раздел «Демография»). Архивные материалы текущего статистического учета населения и микропереписи 1985 года извлечены из Государственного архива Вологодской области (ГАВО. Ф. П-9746), Российского государственного архива экономики (РГАЭ. Ф. 374 А).

Под численностью населения подразумевается численность постоянного населения. Постоянное население – это население, постоянно (более 6 месяцев) проживающее на определенной территории [20, с. 13].

Численность населения СССР за 1979–1989 гг. увеличилась на 24,3 млн человек или на 9,3 %. Количество населения РСФСР увеличилось на 9 млн человек или на 6 %. Изменение численности населения Архангельской и Вологодской областей, зафиксированное во Всесоюзных переписях населения, и темпы прироста в среднем за год представлены в таблице 1 и на графике 1.

Таблица 1

Численность населения Архангельской и Вологодской областей (чел.) [1, с. 3–4]

Область	Численность постоянного населения		
	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Архангельская	1394,3	1466,0	1569,7
Вологодская	1293,0	1309,3	1349,0

Темпы прироста численности населения Архангельской и Вологодской областей (в среднем за год, в %) [3, л. 61–62]

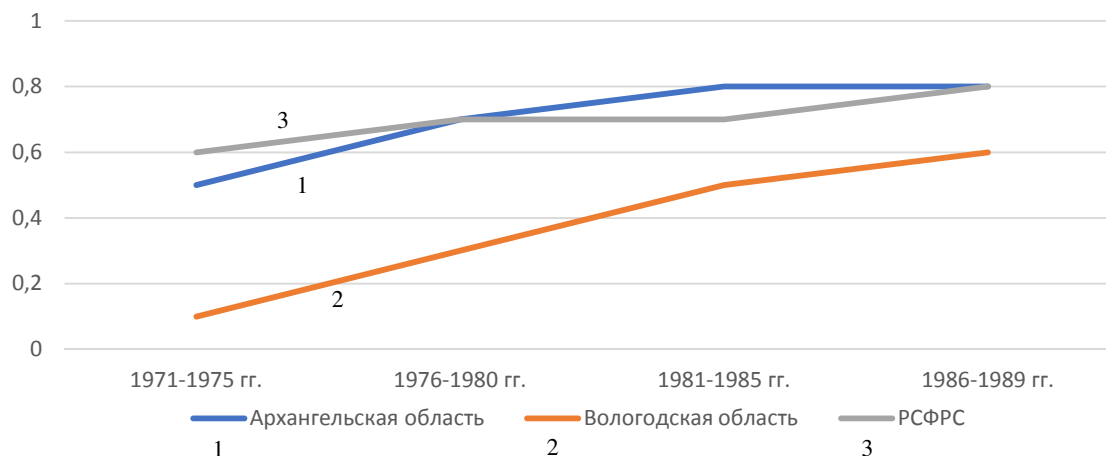

График 1

Анализ опубликованных материалов переписей населения, представленных в таблице 1, показывает, что численность населения Архангельской области с 1979 по 1989 год увеличилась на 107,3 тыс. человек. В Вологодской области за это же десятилетие стало больше на 39,7 тыс. человек. С 1970 по 1979 год абсолютный прирост населения составил 5,1 % для Архангельской области и 1,2 % для Вологодской. С 1979 по 1989 год этот показатель увеличился до 7,0 % в Архангельской и 3,0 % в Вологодской области.

На графике 1 по горизонтальной оси указаны пятилетние периоды, по вертикальной – доля прироста населения в среднем за год в процентах. Показатель темпов прироста населения исчисляется как разница между численностью населения на конец периода и численностью населения на начало периода, поделенное на численность населения в начале периода. Таким образом, в результате получаем процент прироста населения за пятилетний период. Проценты прироста за несколько пятилетних периодов дают представление о темпах прироста населения за длительный промежуток времени (в данном случае – за 20 лет).

Анализируя график темпов прироста населения, можно выделить следующие тенденции. Прирост населения РСФСР после стагнации 1976–1985 гг. увеличивался, достигнув пика к концу 1980-х гг. В Архангельской области уровень прироста населения дошел до общероссийского в 1976–1980-х гг. и сначала превышал этот показатель в 1981–1985 гг., затем выровнялся и остался на уровне 0,8 % в год до конца последнего десятилетия СССР. В Вологодской области наблюдалась иная динамика. В 1976–1980 гг. среднегодовые темпы прироста населения здесь были ниже в 2,3 раза, чем по России и Архангельской области. Постепенно повышаясь, отражая тренды прироста населения в целом по стране, к 1986–1989 гг. разница между приростом населения в Вологодской области по сравнению с Архангельской областью сокращалась. Но темп прироста населения Вологодчины оставался ниже, чем в целом по России и Архангельской области в 1,3 раза.

По характеру расселения население делится на городское и сельское. Численность и соотношение городского и сельского населения Архангельской и Вологодской областей в исследуемый период по отношению к РСФСР представлено в таблице 2 и таблице 3.

Согласно материалам таблиц 3 и 4, в 1970-е гг. доля городского населения РСФСР увеличилась на 9 %, в 1980-е гг. на 4,3 %. В Архангельской области сельское население в 1979 по 1989 гг. увеличилось на 9,7 тыс. человек или на 2,3 %, городское выросло на 94 тыс. человек. Несмотря на рост сельского населения, доля горожан стала еще больше – в 1989 году их, по опубликованным данным последней Всесоюзной переписи населения, насчитывалось 73 % от всех жителей области. В наиболее крупных городах – Архангельске и Северодвинске – проживало 664,5 тыс. человек [4, л. 40] или 42 % от общей численности населения Архангельской области.

В Вологодской области сельское население с 1979 по 1989 гг. сократилось на 72,1 тыс. человек или на 13,2 %, городское выросло на 111,8 тыс. человек и составило 65 % от всего населения области. Уменьшение численности сельского населения произошло во всех районах области, за исключением Вологодского, Вашкинского и Верховажского, где оно увеличилось незначительно или осталось на уровне 1979 года. Наиболее значительно сельское население сократилось в Белозерском, Никольском, Сокольском, Харовском, Грязовецком, Усть-Кубенском районах (20–25 %) [2, с. 23].

По числу жителей в Вологодской области первое место в области занимал Череповец. В 1989 году, по сравнению с 1979 годом, численность населения Череповца увеличилась на 55 тыс. человек и составила 321 тыс. человек. В областной столице население в межпереписной период увеличилось на 57 тыс. человек и составило 284 тыс. [13, с. 13]. В двух крупнейших городах области к 1989 году проживало 605 тыс. жителей, или 44 % от общей численности населения.

Таблица 2

**Численность городского и сельского населения Архангельской и Вологодской областей
(по данным Всесоюзных переписей населения, тыс. чел.) [17]**

Область:	1970 г.		1979 г.		1989 г.	
	городское	сельское	городское	сельское	городское	сельское
Архангельская	917,2	477,1	1057,6	408,4	1151,6	418,1
Вологодская	613,4	679,6	763,7	545,6	875,5	473,5
РСФСР	80631	49310	94942	42468	107959	39063

Таблица 3

**Удельный вес городского и сельского населения Архангельской и Вологодской областей
(по данным Всесоюзных переписей населения, в %) [14, л. 30]**

Область:	1970 г.		1979 г.		1989 г.	
	городское	сельское	городское	сельское	городское	сельское
Архангельская	65,7	34,3	72,1	27,9	73,4	26,6
Вологодская	47,5	52,5	58,7	41,3	65,0	35,0
РСФСР	62,3	37,7	69,3	30,7	73,6	26,4

Динамика численности населения в статистике исчисляется уравнением демографического баланса. Демографический баланс – это разница между естественным приростом населения и разницей (сальдо) миграции и эмиграции за определенный период [11, с. 80].

Естественный прирост населения определяется демографами как разница между рождаемостью и смертностью за определенный период времени. Рождаемость и смертность зависят от разных факторов, в том числе и от политики государства. 1980-е гг. в СССР были введены дополнительные меры, направленные на стимулирование рождаемости и ограничения употребления алкоголя. По мнению демографа С.В. Захарова, политика в области семьи и антиалкогольная кампания 1985–1987 гг. имела результат в виде роста рождаемости и сокращения смертности с 1981 по 1987 гг. После, в силу социально-экономических потрясений, рождаемость сокращалась, что отрицательно влияло на численность населения России [7, с. 23–25].

Естественный прирост населения Архангельской и Вологодской областей представлен в таблице 4.

Данные таблицы 4 говорят о том, что на протяжении всего периода естественный прирост населения в РСФСР увеличивался. В Архангельской области этот показатель колебался, уменьшаясь с 1980 по 1985 гг. и вновь увеличиваясь в 1989 году. Но, несмотря на колебания, естественный прирост населения в Архангельской области был выше общероссийского на 55 % в 1980 году, на 32 % в 1985 году и на 41 % в 1989 году. В Вологодской области, в отличие от Архангельской, прирост населения сначала повышался с 1980 по 1985 год, затем понижался к 1989 году. Прирост населения на Вологодчине был ниже, чем в РСФСР на 15 % в 1980 году, на 4 % в 1985 году и на 18 % в 1989 году.

Миграционная активность населения изучаемого региона показана в таблице 5.

Сальдо миграции, как разница между миграцией и эмиграцией, в целом по России с 1976 года было положительное и продолжало расти до 1989 года. Приток населения в Россию из других стран увеличивался. В Архангельской и Вологодской областях наблюдался противоположный процесс. Отток населения из

Архангельской области, как показывают данные таблицы 5, был выше, чем в Вологодской в 1981–1985 гг. – в 1,5 раза, в 1986–1989 гг. в 9 раз.

В Архангельской области эмиграция населения снизилась в 2,6 раза с 1980 по 1985 год, затем вновь увеличилась в 1,5 раза с 1986 по 1989 гг. В Вологодской области этот показатель постепенно сокращался, сойдя на нет к 1989 году.

Архангельская область была приравнена к районам Крайнего Севера. В 1967 году в этом регионе были введены дополнительные меры, для привлечения специалистов и развития территории – более ранний выход на пенсию, надбавки 50–80 % к зарплате и дополнительные пособия [16]. В 1974 году ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по усилению геолого-разведочных работ и развитию нефтяной и газовой промышленности в северных районах Коми АССР и Ненецком национальном округе Архангельской области» [12], которое дало толчок к развитию нефтегазовой промышленности в области. Параллельно с этим велся активный поиск алмазов. По расчетам И.С. Константинова, развитие промышленности и экономические меры государства активизировали миграцию молодых людей трудоспособного возраста из других регионов в Архангельскую область и сократили отток населения. Это способствовало росту числа жителей Архангельской области в 1980-е гг. Но, с развитием социально-экономического кризиса, с 1987 по 1989 гг. отток населения из области усиливается [9, с. 19].

В Вологодской области региональных надбавок не было, но активно развивались промышленные центры – металлургическая и химическая промышленность в Череповце, машиностроение и легкая промышленность в Вологде. Крупные региональные центры оттягивали молодое население из села, что обуславливало рост численности населения крупнейших городов Вологодской области в 1980-е гг. и деформацию половозрастного состава сельского населения [6, с. 75].

Рассмотрев представленный материал по Архангельской и Вологодской областям, можно сделать ряд выводов, касающихся численности населения Европейского Севера России.

Таблица 4

Естественный прирост в расчете на 1000 человек населения Архангельской и Вологодской областей в 1980-е гг. (чел.) [15]

	1980 г.	1985 г.	1989 г.
РСФСР	4,9	5,2	5,3
Архангельская область	7,6	6,9	7,5
Вологодская область	4,2	5,0	4,3

Таблица 5

Интенсивность миграции населения Архангельской и Вологодской областей (сальдо миграции на 1000 человек населения в среднем за год) [3, л. 20–22]

	1971–1975 гг.	1976–1980 гг.	1981–1985 гг.	1986–1989 гг.
РСФСР	-0,3	1,1	1,3	1,4
Архангельская область	-3,7	-1,6	-0,6	-0,9
Вологодская область	-2,9	-0,8	-0,4	-0,0

Сравнение данных по периодам показывает, что в последнее десятилетие СССР численность населения Архангельской и Вологодской областей росла. Рост количества жителей в обеих областях соотносится с общесоюзной тенденцией роста численности населения в 1980-е гг. Это единственный общий тренд в численности населения изучаемых областей в 1980-е гг. Темп прироста населения Вологодской области был в 1,3 раза ниже, чем в Архангельской.

В Архангельской области в 1980-е гг. росла численность и городского, и сельского населения, в Вологодской же области наоборот – городское население увеличивалось, а сельское permanently сокращалось.

Несмотря на увеличение количества сельских жителей, Архангельская область являлась высоко урбанизированным регионом. Доля горожан составляла 73,6 %, как и в целом по стране к концу 1980-х гг. В Вологодской области доля горожан к 1989 году была сопоставима с их количеством в Архангельской области в 1970 году. Урбанизация 1980-х гг. проходила менее стремительно, чем в более ранние периоды истории. В Вологодской области урбанизация носила догоняющий, по сравнению с Архангельской областью, характер.

Естественный прирост населения Архангельской области был выше общероссийского. Сокращаясь в 1985 году, в среднем с 1979 по 1989 гг. он сохранялся на уровне 7,3 человек на 1000 населения в год. Вологодская область уступала по этому показателю. В среднем за десятилетие отмечаем лишь 4,5 человек ежегодного прироста на 1000 жителей.

Миграционная активность населения Архангельской области была преимущественно межобластной, чему способствовали меры правительства по экономическому стимулированию и привлечению молодых специалистов из других регионов. Это способствовало увеличению числа и городских, и сельских жителей. В Вологодской области вектор миграции был направлен внутрь области, шел по пути «село – город», что обуславливало сокращение сельского населения области в 1980-е гг.

Литература

1. Болдырев, В. А. Итоги переписи населения СССР / В. А. Болдырев. – Москва : Статистика, 1974. – 83 с.
2. Вологодская область в цифрах 1980–1990 гг. – Вологда : Госкомстат РСФСР, 1991. – 151 с.
3. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. П-9746. Оп. 2. Д. 247.
4. ГАВО. Ф. П-9746. Оп. 2. Д. 248.
5. Гилева, Н. В. Демографические процессы в колхозной деревне Европейского Севера России в 1960–1970-е гг.: специальность 07.00.02 : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Н. В. Гилева ; Воло-

годский государственный педагогический университет. – Вологда, 2001. – 164 с.

6. Ефремов, К. И. Развитие промышленности Вологодской области в 1961–1985 гг. / К. И. Ефремов // Проблемы развития территории. – 2006. – № 4. – С. 71–83.

7. Захаров, С. В. Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений / С. В. Захаров // Демографическое обозрение. – 2014. – № 1. – С. 6–26.

8. Ильина, О. В. Демографические процессы в деревне Европейского Севера России в 1940–1950-е гг. / О. В. Ильина. – Вологда : ВГПУ, 2011. – 122 с.

9. Константинов, А. С. Миграционные процессы в условиях трансформации территориально-поселенческой структуры в Архангельской области (1926–1989 гг.) / А. С. Константинов // АнС. – 2014. – № 16. – С. 67–73.

10. Население России в XX в. Исторические очерки : в 3 томах / ответственный редактор Ю. А. Поляков. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2011. – Т. 3, кн. 2. – 292 с.

11. Андреев, Е. М. Население Советского Союза: 1922–1991 / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова. – Москва : Наука, 1993. – 139 с.

12. О мерах по усилению геологоразведочных работ и развитию нефтяной и газовой промышленности в северных районах Коми АССР и Ненецком национальном округе Архангельской области : Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 16. 04.1974 г. № 277 // Е-досье [сайт]. – 2023. – URL: https://e-ecolog.ru/docs/Svrc8xOqLlgVG7_1sHFnk (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.

13. Пробкина, Е. Наша область: от переписи до переписи / Е. Пробкина // Политическая агитация. – 1989. – № 24. – С. 12–15.

14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 374А. Оп. 39. Д. 6636. Л. 2–13.

15. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по регионам РФ. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. – 2023. – URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b03_13/lssWWW.exe/Stg/d010/i010700r.htm (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.

16. О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера : Указ Президиума Верховного совета СССР от 26. 09.1967 г. № 1908-VII // Ведомости ВС СССР. – 1981. – № 30. – С. 2.

17. Численность населения РСФСР и ее территориальных единиц по полу. Всесоюзная перепись населения 1989 года // Демоскоп Weekly [сайт]. – 2023. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.

18. Численность постоянного населения РФ на 1 января 2023 года в среднем за 2022 год // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. – 2023. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.

19. Шельгин, К. В. Основные эволюции естественного движения населения Архангельской области / К. В. Шельгин // Экология человека. – 2009. – № 10. – С. 36–43.

20. Щербаков, А. И. Демография : учебное пособие / А. И. Щербаков, М. Д. Мдинарадзе. – Москва : ИНФРА-М, 2017. – 217 с.

I.A. Timoshina

POPULATION DYNAMICS IN ARKHANGELSK AND VOLOGDA OBLASTS IN THE 1980S

The work is devoted to the study of the population in the Arkhangelsk and Vologda regions from 1979 till 1989. The article considers the total number of permanent populations, the number of urban and rural populations in the region. It reveals the tendencies in reproduction and migration which changed the population size of the region.

Population, the Arkhangelsk region, the Vologda region, urban population, rural population, population reproduction, migration.

УДК 821.161.1

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Н.А. Ворожцова

Вятский государственный университет

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ЦИКЛА «МГНОВЕНИЯ» К.К. СЛУЧЕВСКОГО

В статье исследуются стихотворения цикла «Мгновения» К.К. Случевского (1837–1904). Автор анализирует особенности решения философских вопросов о быстротечности жизни, о жестокости судьбы и мира, рассматривает сквозные мотивы цикла о хрупкости мечты, о противоречивости земного мира, о противопоставлении краткой человеческой жизни вечной природе. В статье обосновывается положение о том, что по тематическим признакам в цикле можно выделить несколько основных концепций: мгновение как символ запечатленной и утраченной красоты в человеческом и природном бытии, мгновение как символ жизни и смерти, мгновение как осмысление непреодолимого антагонизма «вечности» и «временности». «Мгновения» Случевского отражают идею связи земного бытия с Божественным мирозданием, так как трагическому восприятию земного существования человека и осознанию неизбежности смерти противопоставлено стремление поэта запечатлеть красоту мгновения.

Русская поэзия XIX века, антагонизм «вечности» и «мгновения», антитеза жизни и смерти, лирическая миниатюра, философская лирика.

Творчество Константина Константиновича Случевского принадлежит к поэзии переходного периода. Его деятельность развивается на стыке времен: вторая половина XIX – начало XX века – и охватывает более чем пятидесятилетний период. Это время, когда старые литературные традиции теряют былую актуальность, а новые концепции еще не сформировались, К.К. Случевский, интуитивно почувствовавший необходимость смены устоявшейся поэтической стилистики в новой общественно-культурной атмосфере конца 1870 – 1890-х годов, стремится использовать новые формы выражения своего мироощущения через описание окружающего мира, пытается создать новую образную систему, пробует превратить символ в главный элемент своего поэтического творчества.

Поэзия К.К. Случевского с 1990-х годов все чаще становится объектом исследования в многочисленных научных трудах, например в монографиях Е.А. Тахо-Годи [13], О.В. Мирошниковой [7], А.Ю. Ипполитовой [3], Т.Э. Смородиной [11] и диссертациях Н.В. Мадиготиной [5] и А.Ю. Козыревой [4]. Во всех литературоведческих и критических работах, посвященных творчеству К.К. Случевского, в том числе в отзывах современников поэта, подчеркивается новаторский характер его лирики, отмеченной философичностью, мистическим содержанием, а также глубоким проникновением в подсознание лирического героя (В.С. Соловьев [12], Л.Я. Гинзбург [1], С.В. Сапожков [9], С.К. Маковский [6], С.Н. Зотов [2]). При этом произведения поэта рассмотрены в отдельных его

аспектах, многие из них исследованы поверхностно. В частности, А.Ю. Козырева отмечает, что некоторые лирические циклы К.К. Случевского, такие как «Из природы», «Мгновения», «Лирические», «не обладают философской завершенностью» и «ничем не отличаются от аналогичных тематических разделов в сборниках других поэтов-восемидесятников» [4]. Подобные утверждения нуждаются в пересмотре, что обуславливает актуальность более глубокого изучения поэзии К.К. Случевского, в частности тех его циклов, которые до сих пор остаются за рамками исследовательского внимания.

В данной статье рассматривается цикл «Мгновения», который ранее не был проанализирован в научной литературе. Цикл включает пятнадцать стихотворений, состоящих из шести-восьми строк: «Кукла», «Где бы ни упало подле ручейка...», «Каждую весною, в тот же самый час...», «Последние из грез, и те теперь разбились!..», «Зернышко», «Рано, рано! Глаза свои снова закрой...», «Отдохните, глаза, закрываясь в ночи...», «Что вы, травки малыя, травки захудалыя...», «Очи впавшие, рот запекшийся...», «Перед статуей Богоматери», «Девятая симфония», «Градины выпали! Счета им нет...», «Он охранял твой сон, когда ребенком малым...», «Я занес тебе, с мороза...», «Из твоего глубокого паденья». Стихотворения, скорее всего, не были изначально задуманы как цикл: часть из них была впервые опубликована в книге «Стихотворения К. Случевского» в 1880 году, часть – в различных журналах. Из этого можно сделать вывод, что

объединение произведений в цикл произошло позже, по жанрово-содержательному принципу в «Сочинениях К.К. Случевского» в 6 томах 1898 года, изданных в Санкт-Петербурге [10].

Открываются «Мгновения» стихотворением «**Кукла**», впервые опубликованном в книге первой, в цикле «Думы и мотивы» в 1880 году. В стихотворении затрагивается тема хрупкости земного бытия, являющаяся ключевой в цикле.

Автор описывает сцену падения куклы, брошенной ребенком, последовательно рисуя происходящие действия: *Куклу бросил ребенок. Кукла быстро свалилась, / Стукнулась глухо о землю и навзничь упала...* (Там же, с. 183). Случевский использует сравнение для описания сходства куклы с человеком, чтобы сделать ее более живой и реалистичной: *На человека ты, кукла, вполне походила* (Там же). В данном случае «кукла» выступает в роли человека, являясь как бы его двойником, символом. Подчеркивается ненужность, одиночество куклы, ассоциирующейся с человеком, также заброшенным и обреченным на одиночество в земном мире.

Особого внимания заслуживает ритмический рисунок стихотворения: «*Куклу бросил ребёнок. Кукла быстро свалилась*» (Там же). Первое слово каждого предложения написано хореем, а окончание дактилем. Такое акцентирование слова «*кукла*» создает неровный ритм и вызывает ощущение обеспокоенности.

Поэт призывает читателя задуматься о хрупкости человеческого бытия (...*Ты так неподвижно лежала / Скорбной фигуркой своей, так покорно сломилась* (Там же)), которое может быть так же быстро, легко и неожиданно разрушено случайным событием. Само стихотворение становится метафорой человеческой жизни, создаваемой на основе внешнего сходства образов. Стоит отметить, что на их близость автор обращает внимание именно в таком сломленном и падшем состоянии, что может говорить об отражении в стихотворении (и во всем цикле) пессимистических настроений, характерных для поэзии конца XIX века. Таким образом, в стихотворении Случевского брошенная ребенком кукла отражает философскую мысль трагичности бытия, хрупкости человеческой жизни, ее зависимости от внешних обстоятельств.

Мысль о мимолетности и хрупкости существования продолжается в стихотворении «**Я занес тебе, с мороза...**» (впервые опубликованном в первом собрании сочинений в цикле «Мгновения» 1898 года). В центре стихотворения – образ снежинок, принесенных лирическим героем в дом и мгновенно растаявших. В первой строфе они описываются как *звезды и блестки снега*, создается образ чего-то яркого, сияющего, вечного, приносящего радость, что может подчеркнуть *блеск, тепло и негу* дома. Но во второй строфе показано, как снежинки превращаются в слезы, разочаровывая и огорчая лирического героя.

В этом стихотворении Случевский также обращается к бытовым, обыденным ситуациям, он не создает сложных и возвышенных образов, но при этом размышляет о краткости существования, хрупкости благ, которые не способны поддерживать мир, разрушаемый внешними силами и судьбой. Ключевым является

образ снежинок, которые становятся центральным выразительным средством, сюжетообразующей метафорой: *Но беспутные снежинки / Этих благ не замечают, / Обращаются в слезинки / И проворно исчезают...* [10, с. 196] Снежинки, при их временности и непостоянстве, побуждают дорожить мгновением. Таким образом, автор показывает ценность каждого момента жизни, но в то же время неизбежность смерти.

Противопоставление с вечностью является одним из самых важных аспектов, связанных с понятием «мгновения». В цикле эта тема наиболее явно представлена в стихотворениях «**Каждою весною, в тот же самый час...**» и «**Перед статуей Богоматери**».

Последнее произведение (впервые опубликованное в первом собрании сочинений в цикле «Мгновения» 1898 года) строится на сближении и уподоблении молящейся героини и статуи Богоматери. Метонимический перенос основывается на близости внутреннего чувственно-эмоционального состояния образов: *скорбь молчаливая, грустно-немая* (Там же, с. 192). Если первый эпитет можно отнести к устойчивым, то второй близок к окказионализму, объединяющему два определения. Такое состояние вызвано невозможностью для статуи и героини рассказать о своей душевной боли, они одиноки, их никто не услышит, и в мольбах им остается уповать только на божью волю.

В произведении важным также является противопоставление о близости и родственности небесной и земной скорби, воплощением которых становятся женские образы: *Та – скорбь небесную, эта – земную приняла / Родственны обе те скорби в своем воплощенье* (Там же). В некоторой степени это отражает, с одной стороны, представления об устройстве мира, высказанные богословом Аврелием Августином, разделившим бытие на Град земной и Град Небесный, с другой – это связано с наследием романтиков, утверждавших идею двоимирия, а также предвосхищает взгляды символистов. В стихотворении Случевского эта мысль передается через дихотомию Богоматери и женщины как ее земного выражения.

Здесь также можно увидеть традиционную для данного цикла композицию произведения: первая строфа описывает реальную ситуацию, вторая раскрывает размышления и чувства автора по отношению к происходящему. Идея противопоставления земного и вечного бытия выражается в стихотворении в образе женщины, чья жизнь – мгновение по сравнению с веком статуи и тем более веры, которая опирается на идею вечной жизни.

В стихотворении «**Каждою весною, в тот же самый час...**» (впервые опубликованном в журнале «Всемирная иллюстрация» в 1875 году под заглавием «Первый луч» и с подписью С) краткость человеческой жизни противопоставляется вечности солнца и солнечного света, а также земли и жизни на ней, что выражается через мотив постоянства смены времен года. Первоначально образ солнца описывается как обычное явление природы: *Каждою весною, в тот же самый час, / Солнце к нам в окошко смотрит в первый раз* (Там же, с. 185) – и символически соотносится с идеей «постоянства». Оппозиция создается,

с одной стороны, указанием на краткость жизни человека, с другой – через сопоставление неизменного, *ровного*, терпеливого солнца, которое является основой существования жизни на Земле, и человека, чахнувшего и незначительного. Важно то, что именно солнце является причиной увядания человека, вопреки тому, что оно должно, наоборот, способствовать его росту и развитию.

В этом стихотворении, как и в «**Кукле**», можно увидеть авторский эксперимент с ритмико-интонационным оформлением. Основной стихотворный размер – хорей, но в последней строке он ломается за счет пропуска ударения в первой стопе: *Помогая чахнуть и ничем не быть* [10, с. 185]. Это создает прерывистый, неровный и взволнованный ритм, отражающий резкое изменение настроения в произведении: предшествующие строки имели оптимистический настрой: *Будет, будет время: солнце вновь придет, – / Нас здесь не увидит, а других найдет...* (Там же) (даже несмотря на то, что не будет нас, будут другие), но последняя строка отражает пессимистический взгляд на будущее, так как люди не процветают, а чахнут и влачат жалкое существование.

Мотив противопоставления мгновения и вечности отражает в цикле Случевского сущность бытия и лежит в основе мировоззрения автора. Дихотомия мира основывается поэтом на противопоставлении дня и ночи.

Так, в произведении «**Рано, рано! Глаза свои снова закрой...**» (впервые опубликовано под заглавием «Ребенку» в 1876 году в сборнике «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины») ночь представляется полной тьмы и мрака, пришлецом-великаном, страшным и опасным, которого лучше не видеть, о чем говорит призыв возвращаться ко сну, утро становится символом освобождения, возрождения и торжества света, побеждающего ужас ночи.

В стихотворении К. К. Случевский описывает ночь, в этом образе проявляется мифопоэтическое мирозерцание автора. В мифологическом сознании «ночь», с одной стороны, противопоставлена свету, а с другой – преобразуется в свет [8, с. 553]: *В поле темень и мрак по лесам. / Но <...> час утра придет / Обозначит и холм, и межу* [10, с. 188].

В этом стихотворении поэт практически не обращается к средствам выразительности, единственным явным исключением можно назвать метафору ночи-великана, пришельца, который разлегся над землей, имеющую значение чужеродного явления по отношению к реальному миру: *Ночь, пришлец-великан, разлеглась над землей* (Там же). Обращает на себя внимание и обыденность ситуации, которая в стихотворении оборачивается невероятной и сказочной благодаря образу «пришлеца-великана». Важно отметить и продолжение характерной для цикла двухчастной формы, где в первом четверостишии описывается ночь, а во втором – утро. Тема мгновения не выражается в произведении напрямую, но ее можно связать с самой идеей рассвета, «часа утра», являющегося кратким мгновением, особенно в сравнении с «пришлецом-великаном» – ночью.

Антитезу к образам данного стихотворения создает Случевский в следующей миниатюре «**Отдохните, глаза, закрываясь в ночи...**», впервые опубликованной в первом собрании сочинений в цикле «Мгновения» в 1898 году. Здесь представлена противоположная ситуация: большую опасность представляет день, в то время как ночь становится временем отдыха, успокоения и мира: *Отдохните, глаза, закрываясь в ночи, / Вслед за тем, что вы днем увидели!* [10, с. 189] Тьма уже не угрожает лирическому герою, а наоборот, помогает ему скрыться от ужасов дня, наблюдать за которыми он вынужден своими глазами. Но она не может защитить лирического героя, так как сон возвращает его к дневным воспоминаниям и образам: *Спишь глубоко, а видишь во сне между тем: / Те же люди идут пред тобою...* (Там же). Стихотворение выражает пессимистическое настроение и передает чувство усталости и беспokoйства.

Таким образом, стихотворения: «**Рано, рано! Глаза свои снова закрой...**» и «**Отдохните, глаза, закрываясь в ночи...**», содержащие сходные образы «ночи», противопоставлены по смыслу. В первом содержится мысль, что во сне человек защищен от темного пространства ночи, а во втором утверждается, что и сон не может помочь человеку обрести успокоение и уверенность.

Образ солнца, присутствующий в произведении «Каждою весною, в тот же самый час...», развивается в стихотворении «**Он охранял твой сон, когда ребенком малым...**», впервые опубликованном в книге первой в цикле «Думы и мотивы» в 1880 году. Но здесь конфликт двойственности бытия связан с образом героя стихотворения, который в первой строфе представляется ребенком, полным надежд, сладко засыпающим и мечтающим во сне. Луч солнца играет на его щеках, освещая их бархатную мягкость: *И солнца теплый луч своим сияньем алым / На щечках бархатных заманчиво играл* (Там же, с. 196). Во второй строфе показано, как счастливый ребенок превращается во взрослого. Но теперь он уставший, больной, разбитый, его сон уже не глубок, он только дремлет, его пухлые щеки теперь превратились во *впалые ланиты*.

Как и в стихотворении «Каждою весною, в тот же самый час...», солнце является постоянным, вечным, неизменным, в то время как человек кардинально меняется. Помимо этого, в стихотворении присутствует образ заботливого и преданного отца (Бога): *Он охранял твой сон, когда ребенком малым, / Бывало, перед ним ты сладко засыпал»; «Он сторожит твой сон теперь, когда, разбитый, / Больной, уставший жить, тревожно дремлешь ты* (Там же). Несмотря на то что герой сильно изменился, луч солнца все еще бросает цветы на его *ланиты*. Солнце продолжает светить так же, как и прежде. Можно сказать, что автор создает двойную антитезу. Мотив мгновения здесь снова связан с противопоставлением краткой человеческой жизни вечному существованию природы. В этом стихотворении можно также отметить идеализацию прошлого, характерную для романтиков, что проявляется через исключительно положительное

описание прошлого и противоречивое представление настоящего.

Важно отметить, что в трех данных стихотворениях присутствует мотив сна. Во всех случаях сон становится способом сбежать от реальности, скрыться хотя бы на время от ее жестокости и получить возможность почувствовать себя по-настоящему свободным.

Некоторую трансформацию претерпевает данный мотив в последнем стихотворении цикла **«Из твоего глубокого падения»** (впервые опубликованном в журнале «Гуслиар» в 1889 году). Сон здесь превращается в мечту. В исследуемом цикле это единственное произведение, в котором появляются мотивы, связанные с актом творчества. Здесь снова происходит противопоставление светлого прошлого, райского сада, в который можно попасть только в мечтах, когда герой был как дома в царстве вдохновения и счастливо мечтал: *Порой, живым могуществом мечты, / Ты вдруг уносишься в то царство вдохновенья, / Где дома был в былые дни и ты!* [10, с. 197], и настоящего, земного бытия, когда он находится в состоянии падения и ощущает свою греховность. Мечта продолжает свое существование, но превращается в звезду, достичь которой практически невозможно.

В стихотворении можно выделить такой вечный образ, как звезда, которая сопоставима с «солнцем». Наряду с указанными образами в стихотворении присутствует идея хрупкого, *светлого мига*, проходящего мимо. В отличие от звезд и царства вдохновения, мечта и возможность творить достижимы героем только в краткий светлый миг, что говорит нам о недолговечности творческого порыва. Можно сказать, что вдохновение, по мнению Случевского, – это мгновение, которым надо дорожить.

О разрушении мечты и грезы Случевский говорит также в стихотворении **«Последние из грез, и те теперь разбились!...»** (впервые опубликованном в книге первой в цикле «Из дневника одностороннего человека» в 1880 году). Композиция этого произведения нетрадиционна для цикла: если большинство стихотворений начинается с изображения жизненной ситуации, которая затем вызывает размышления, то здесь Случевский начинает с философских рассуждений о неотвратимости судьбы, невозможности сохранить грезы, разбивающиеся о жестокую реальность. Эта идея отражается в строчках: *Последние из грез, и те теперь разбились! / Чему судьба, тому, конечно, быть...* (Там же, с. 186). Во второй строфе он обращается к образу карточного игрока, ставящего на кон последнее. Связь между этими картинами основывается на отчаянной надежде на успех, кардинальное изменение, попытке избежать предначертанного: подобно тому как мечты не хотят умирать, цепляясь за жизнь, картежник до последнего надеется выиграть, идя на все ради этого.

Эмоциональный план стихотворения подчеркивается лексически и пунктуационно. Слово *бедняжкам* отражает чувство жалости героя к своим фантазиям, показывая, что грезы были лишь лишь мечтами, которым было не суждено сбыться. Метафора *сжигаемая корабли* является символом устремления вперед, когда вооб-

ражаемый карточный игрок, отрезая себе все пути к отступлению, отбрасывает последние колебания, чтобы достичь желаемого, а *корабль* в тексте выступает как символ «бегства». Многоточие в строке: *Чему судьба, тому, конечно, быть...* [10, с. 186] отражает недосказанность, намекает на предопределенность событий, которые влияют на судьбу героя. На наш взгляд, в произведении присутствует развернутая метафора на человеческую жизнь. Так, карточный игрок представлен человеком, попавшим в земной мир страданий.

Внутреннюю антитезу создает Случевский в стихотворении **«Очи впавшие, рот запекшийся...»** (впервые опубликованном в книге второй в цикле «Мелкие стихотворения» в 1881 году), где проявляется противостояние жизни и смерти. Автор концентрируется только на четырех символических знаках смерти: *Очи впавшие, рот запекшийся, / Бледность смертная, тишь могильная!* (Там же, с. 191).

Каждый из указанных знаков-символов имеет свой философский смысл, причем в ряде случаев прямо противоположный. *Очи впавшие* переключаются со строкой *Впали очи, утомившись на обман глядеть* (Там же). Здесь смерть воспринимается как успокоение от утомительной жизни, обмана, лжи. *Рот запекшийся* переключается со строкой *Рот запекся – не сказавши все, что мог сказать!* (Там же). Этот образ передает мысль о том, что смерть лишает возможности творить, высказывать свои взгляды и передавать чувства. *Бледность смертная* соотносится со строкой *Бледность – чтобы, легче было людям, покраснеть* (Там же). Этот образ можно трактовать неоднозначно: смерть – это либо упрек оставшимся жить, либо страх перед неизбежной смертью. *Тишь могильная* соотносится со строкой *Тишь могилы – чтоб живому слову не мешать!* (Там же). Этот образ передает мысль о том, что смерть не должна мешать жизни. Таким образом, стихотворение посвящено философскому осмыслению смерти как неизбежной правды бытия человека, которой невозможно противостоять.

Автор осмысляет смерть по-разному: это и препятствие для жизни и творчества, и успокоение от страданий, и напоминание живым о неизбежности конца земного бытия.

При описании настроения лирического героя автор заменяет цветообозначение таким символом, который наиболее семантически близок красному цвету: *запекшийся рот* (Там же). В стихотворении возникает противопоставление красного и белого цвета. Запекшийся рот указывает на кровь, застывшую на губах, на красный цвет и пролившуюся кровь, ассоциирующуюся со смертью и гибелью. Слово белый не присутствует в стихотворении, но есть понятие бледный – это цвет увядания, болезни, тусклости. Для усиления болезненного состояния автор использует прилагательные *смертная, могильная: Бледность смертная, тишь могильная* (Там же). В результате бледность во взаимосвязи с красным отражает авторскую мысль о неизбежном человеческом страдании на земле и неотвратимости смерти.

Кроме образов солнца, дня и ночи, являющихся сквозными для цикла «Мгновения», можно выделить

и другие природные образы, например растения, которые становятся у К.К. Случевского поводом для размышления о судьбе человека. Так, в стихотворении «Где бы ни упало подле ручейка...» (впервые опубликованном в книге первой в цикле «Думы и мотивы» в 1880 году) ключевым образом-символом является цветок незабудка. *Семя незабудки*, где бы оно ни упало, весной дает дивные всходы: *Всюду, чуть с весною загудит гроза, / Взглянут незабудок синие глаза!* [10, с. 184]. Этот образ создается в первой строфе стихотворения и является основой для философских размышлений поэта, представленных во второй строфе. Лирический герой сравнивает постоянство и многообразие своих чувств по отношению к возлюбленной с образом незабудки, ее синими глазами.

Стихотворением «Зернышко» (опубликованном в книге второй в цикле «Мелкие стихотворения» в 1881 году) автор завершает описание образа «солнца», возникшего в стихотворении «Каждою весною в тот же самый час...». В «Зернышке» солнце оказывается причиной смерти зерна. Образ «зернышка» метафорически представляет человеческую судьбу.

Первая строфа отражает детское любопытство, веру в доброту мира и надежду на счастье, развитие, в то время как вторая определяет бесплодность подобной мечты, так как окружающий мир не поддерживает зернышко, наоборот, его мнут и топчут, будто специально стараясь сгубить, подобно тому, как жесток и безразличен бывает мир к человеку, разрушая его мечты и стремления, губя его жизнь. Стихотворение повествует о бесплодности и даже опасности мечты.

Следует отметить антонимичный параллелизм, создаваемый образом солнца: *В блеске солнца вешиного – ласки обаятельной...* и *Солнце жжет лучом...* (Там же, с. 187). Если в первой части солнце стремится поддержать мечты лирического героя, подбадривает и помогает ему, то во второй части оно становится причиной смерти зернышка, жестоко обжигая его своим лучом и лишая жизненных сил.

В композиционном плане стихотворение построено на антитезе восприятия образа «солнца». В первой части солнце является источником тепла, света: *В блеске солнца вешиного – ласки обаятельной...* (Там же). Во второй части поэт обращается к популярному в поэзии приему – наделению традиционных поэтических образов нетрадиционными смыслами. Так, солнце у него изображается убийцей, выжигающим зачаток жизни – несчастное зернышко. В этом произведении зернышко наделяется душевными переживаниями и метафорически соотносится с человеком, думающим, что рождается для счастья, но на самом деле обреченным на смерть. Автор показывает антиномию прекрасного начала жизни и ее неожиданно завершения. Поэт изображает жизнь как страдание: зернышко мнут и топчут, что указывает на неотвратимость гибели. Зернышко в контексте исследуемого произведения является символом трагической человеческой жизни, которой суждено закончиться.

Стихотворение «Что вы, травки малыя, травки захудалыя...» (впервые опубликованное в книге первой в цикле «Думы и мотивы» в 1880 году) является стилизацией под народную песню. К.К. Случевский использует слова с уменьшительно-ласкательными

суффиксами: *травка, дороженька, ноженьки, капелька*. С фольклорной традицией можно соотнести также воззвание к природным силам и психологический параллелизм природы и человека.

В этом стихотворении автор размышляет о том, что человек, оказавшийся не на своем месте, обречен на страдания, которые разрушат его жизнь, подобно тому, как выросшая у дороги трава будет погублена проходящими, а капли дождя, упавшие в озеро, не смогут полноценно совершить свое путешествие по миру, прежде чем вернуться в небо.

В отличие от других стихотворений здесь выделяется три ключевых образа: «травки», «капельки», «сердце», – которые вызывают философские размышления поэта о трагическом земном бытии. Растения обречены на скорую смерть, ведь травки: *Вышли вдоль дороженьки под обод, под ноженьки* [10, с. 190]. Сочувствие автора распространяется и на «капельки», которые, упав на землю, попали в озеро и потеряли себя, растворившись в воде: *Что поторопились – в озеро пролились?* (Там же). Природные образы в стихотворении соотнесены с жизнью человека, что олицетворяет образ сердца: *Что ты, сердце честное, миру неизвестное, / Бьешься не по времени, не в роду, не в племени* (Там же). В стихотворении отразилось мироощущение поэта эпохи безвременья, который чувствует себя ненужным, неуместным в том времени, в котором ему суждено жить.

Случевский обращается не только к образам растений: в стихотворении «Градины выпали! Счета им нет...» (впервые опубликованном в журнале «Русский вестник» в 1891 году) поэт создает образ града и цветов вишни, сбитых его силой. Вишню, которая только что расцвела, поэт сравнивает с *царственным шествием ранней весны* (Там же, с. 194), когда все просыпается после зимней поры. Но эта красота уничтожается градом. Картина, описывающая стихийное явление природы, заставляет автора задуматься о равенстве всех перед судьбой и особенно смертью, так как *Бедные жертвы и их палачи / Гибнут, белея, в безлунной ночи...* (Там же). Вне зависимости от того, кто сильнее и кто причиняет вред, все решает случай: цветы вишни, оказывающиеся случайной жертвой стихии, и сами «градины» – все уравниваются в смерти, одинаково безразличной к ним. Близость подчеркивается поэтом также на уровне цвета: и градины, и цветы вишни белые.

Традиционно белый цвет символизирует чистоту, добродетель, радость и т.п. Однако белый цвет может получать и противоположное значение. По своей природе он как бы поглощает, нейтрализует все остальные цвета и соотносится с пустотой, бестелесностью и в конечном итоге – со смертью. Например, славяне «одевали умерших в белую одежду и покрывали белым саваном» [14, с. 54]. В этом стихотворении белый цвет одновременно символизирует и жизнь, и смерть: с одной стороны, цветущие вишни, с другой – град, побивающий эти цветы. Белый цвет передает холод, чувство опустошенности, соотносится с образом снега, но неявно, а лишь намекая: *Белея, гибнут* [10, с. 194]. Белый цвет противопоставлен темной *безлунной ночи*, перед которой, как и перед смертью, все равны – и *жертвы, и палачи*.

Единство цикла К.К. Случевского «Мгновения» выражается на нескольких уровнях. Все стихотворения представляют собой короткие фрагменты, создающие отдельные картины, впечатление от которых вызывает философские размышления автора. По форме стихотворения, входящие в цикл, являются лирическими миниатюрами, как правило, имеющими двухчастную структуру: в первой части дается зарисовка ситуации из жизни человека или природы, во второй – представлены философские размышления, так или иначе связанные с описанной ситуацией. В цикле выделяются сквозные темы: осмысление быстротечности жизни, противопоставление хрупкой и краткой человеческой жизни вечной природе, мысли о жестокости судьбы и мира, о хрупкости мечты. Ощущение тревоги, одиночества, трагедийности передается не только на тематическом и образном уровнях, но и с помощью ритмики: К.К. Случевский экспериментирует с метрикой, нарушает ровное течение ритма смешением хорея и дактиля («Кукла»), или пиррихиями, которые оказываются более заметны на фоне их отсутствия в предыдущих строках стихотворений («Каждую весною, в тот же самый час...»).

Стихотворения, входящие в цикл «Мгновения», – это стихи, в которых присутствуют размышления о разных мгновениях человеческого бытия, об утерянных возможностях, о надежде, которая живет в сердце человека. Каждое стихотворение цикла пронизано философскими рассуждениями о судьбе, о зарождении жизни и ее завершении, о ее цикличности и фатальности. Бытовые зарисовки из жизни, описание природы, мечтаний и чувств разворачиваются перед читателем в анализируемом цикле. Разнообразность и стремительность лирических моментов, описанных в цикле, намекают на мгновенность человеческого бытия. Цикл обладает не только формальной, но и семантической цельностью, обусловленной близостью и взаимосвязью ключевых образов и тем.

В целом цикл можно разделить на несколько основных тематических групп: «мгновения» как осознание мимолетности, антагонизм «вечности» и «мгновения», антитеза жизни и смерти, природные образы, в которых, содержатся философские размышления поэта о судьбе, о снах, мечтах и чувствах. Цикл «Мгновения» может рассматриваться как отражение философской позиции Случевского, воспринимающего жизнь во всей ее многогранности и полноте.

Перспективами дальнейшего исследования является текстологический анализ, связанный с историей создания цикла «Мгновения» и определением роли Случевского в его составлении, а также рассмотрение других произведений поэта с точки зрения отражения в них авторской философской концепции.

1. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – Ленинград : Советский писатель, 1974. – 340 с.

2. Зотов, С. Н. К пониманию смысла поэтической практики русского модернизма / С. Н. Зотов // Русская литература XX–XXI веков : материалы II Международной научной конференции (Москва, 16–17 ноября 2006 г.). – Москва : Издательство Московского университета, 2006. – 450 с.

3. Ипполитова, А. Ю. Случевский: философия, поэтика, интерпретация / А. Ю. Ипполитова. – Санкт-Петербург : филологический факультет Санкт-Петербургского Государственного университета, 2006. – 319 с.

4. Козырева, А. Ю. Лирика К. Случевского, философские воззрения в системе поэтического дискурса: Циклы «Думы», «Мефистофель», «Черноземная полоса», «Мурманские отголоски» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Козырева А. Ю. – Санкт-Петербург, 2003. – 235 с. – URL: <https://www.disscat.com/content/lirika-k-sluchevskogo-filosofskie-vozzreniya-v-sisteme-poeticheskogo-diskursa-tsikly-dumy-me> (дата обращения: 13.09.2023). – Текст : электронный.

5. Мадигожина, Н. В. Поэтика К.К. Случевского: проблемы полифонизма и прозаизации лирики : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мадигожина Н. В. – Алма-Ата, 1991. – 183 с.

6. Маковский, С. К. Случевский (1837–1904) / С. К. Маковский // На Парнасе Серебряного века / С. К. Маковский. – Екатеринбург, 2000. – 235 с.

7. Мирошникова, О. В. Анализ и интерпретация лирического цикла: «Мефистофель» К. К. Случевского / О. В. Мирошникова. – Омск : ОмГУ, 2003. – 137 с.

8. Мифы народов мира : энциклопедия. – Москва, 2008. – 1147 с. – URL: <https://obuchalka.org/2013022069633/mifynarodov-mira-enciklopediya-tokarev-s-a-2008.html> (дата обращения: 13.09.2023). – Текст : электронный.

9. Сапожков, С. В. Русская поэзия 1880–1890-х годов в свете системного анализа: от С.Я. Надсона к К.К. Случевскому (течения, кружки, стили) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Сапожков С. В. – Москва, 1999. – 21 с.

10. Случевский, К. К. Сочинения К. К. Случевского в шести томах / К. К. Случевский. – Санкт-Петербург : Изд. А.Ф. Маркса, 1898. – Т. 1. – 380 с.

11. Смородинская, Т. Э. Константин Случевский. Несвоевременный поэт / Т. Э. Смородинская. – Санкт-Петербург : ДНК, 2008. – 280 с.

12. Соловьев, В. С. Разбор книги К. К. Случевского «Исторические картинки. Разные рассказы» / В. С. Соловьев. – Санкт-Петербург, 1896. – 157 с.

13. Тахо-Годи, Е. А. Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне : монография / Е. А. Тахо-Годи. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. – 400 с.

14. Шейнина, Е. Я. Энциклопедия символов / Е. Я. Шейнина. – Москва : Издательство «Торсинг», 2001. – 324 с.

N.A. Vorozhtsova

PHILOSOPHICAL ISSUES OF THE CYCLE *MOMENTS* BY K.K. SLUCHEVSKY

The article examines the poems of the cycle «Moments» by K.K. Sluchevsky (1837–1904). The author of the article analyses the peculiarities of the solution of philosophical questions about the transience of life, the cruelties of fate and the world. The author also examines the cross-cutting motives of the cycle about the fragility of dreams, the inconsistency of the world, and the opposition between a short human life and eternal nature. The study proves that the main concepts based on the thematic characteristics can be distinguished in the cycle: a moment as a symbol of captured and lost beauty in human and natural existence, a moment as a symbol of life and death, a moment as the understanding of the insurmountable antagonism between «eternity» and «temporariness». Sluchevsky's «Moments» reflect the idea of the connection between earthly existence and the Divine universe, since the tragic perception of man's earthly existence and the awareness of the inevitability of death is contrasted with the poet's desire to capture the beauty of the moment.

Russian poetry of the 19th century, antagonism between «eternity» and «moment», antithesis between life and death, lyrical miniature, philosophical lyrics.

Н.С. Зелезинская
Белорусский государственный университет
К.А. Дулевич
г. Брест, Республика Беларусь

ФЕНОМЕН БОРЬБЫ ЖАНРОВ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПРО ЗОМБИ, ВАМПИРОВ И ОБОРОТНЕЙ

В статье рассматривается конфликт между требованиями, традиционно предъявляемыми к произведению детской литературы, и образами вампиров, зомби и оборотней, которые в большом количестве присутствуют в детской литературе XXI в. Данный конфликт представлен в ракурсе борьбы жанров. Целью исследования представляется выявление модуса совмещения категории ужасного и норм детской литературы в целостном литературном произведении для разновозрастной детской аудитории. Авторы определяют ключевые характеристики сверхъестественных существ и сопоставляют с их характеристиками в книгах для детей на материале трех современных европейских произведений Б. Кантини, Л. Э. Андерсон и К. Функе. В ходе исследования выделяется ряд неизменных характеристик образов зомби, вампиров и оборотней, ряд возможных, или приемлемых, характеристик и ряд неприемлемых характеристик, связанных с эстетикой насилия и сексуализацией образов вампиров и оборотней. В статье также показаны стратегии компенсации ужасного в детской литературе.

Борьба жанров, детская литература, категория ужасного, апокалиптика, сверхъестественное, зомби, вампиры и оборотни, образ героя.

Введение. Детская художественная литература играет важную роль в становлении личности, формировании мировоззрения и воспитании ребенка вне зависимости от определения ее ведущей функции и возрастных границ. В настоящее время, помимо гедонистической и дидактической, у детской литературы выделяют и другие функции, такие как познавательная, нравственная, коммуникативная, воспитательная, компенсаторная, преобразующая. В силу значимости детского чтения, а также ввиду повышенной восприимчивости детской психики к детской литературе всегда предъявлялись повышенные требования. Многие из них отождествляются с ключевыми характеристиками детской литературы. В первую очередь, детская литература пропитана духом оптимизма и имеет счастливый конец. Добро побеждает зло, укрепляя веру ребенка в окружающий мир.

Ввиду целого набора четко сформулированных многочисленными теоретиками, критиками и писателями требований детская литература демонстрирует высокую степень ригидности. Проявляется она в устойчивой жанровой и персонажной системах (детям всегда читают сказки, короткие стихи, приключенческие романы), наличии положительного героя-ребенка, счастливой концовке и др.

Но в нашем быстроменяющемся мире даже константы культуры меняют свои формы. Начало XXI века как новая историко-литературная эпоха совершает сдвиг в восприятии категории жанра. Жанровая эволюция представляет собой расширение круга образов и мотивов, которые могут соседствовать в литературе определенного жанра. Непривычное соседство жанров с диаметрально противоположными характеристиками приводит к явлению, называемому борьбой

жанров. М.М. Бахтин в своей статье «Эпос и роман» приходит к выводу, что «Историки литературы склонны иногда видеть <...> только борьбу литературных направлений и школ. Такая борьба, конечно, есть, но она явление периферийное и исторически мелкое. За нею нужно суметь увидеть более глубокую и историческую борьбу жанров, становление и рост жанрового костяка литературы» [4, с. 449], а И.О. Шайтанов отмечает, что «каждое произведение должно быть не отнесено к жанру, не втиснуто в классификационную ячейку, а увидено как борьба жанров» [12, с. 32]. Понятия гибридизации жанров и борьбы жанров не являются идентичными, так как первое предполагает смешение любых жанров, а второе – ассимиляцию характерных черт одного из агглютинирующих жанров ради возможности проявиться в произведении, принадлежащем к другому жанру с заведомо противоречащими ему характеристиками. При этом гибридизация и борьба жанров вполне могут иметь место в рамках одного и того же произведения.

Основная часть. Среди нестандартных решений детских писателей и неожиданных литературных феноменов внимание привлекает появление таких персонажей, как зомби, вампиры и оборотни, в детской литературе. Как известно, категория ужасного в детской литературе присутствовала еще в сказках братьев Grimm и под их влиянием переходит в сказки, сочиненные романтиками: «в корнях сказок и ужасов, безусловно, есть сходство: сказка может служить примером того, как кто-то добродетельный побеждает ужасного врага, или рассказ о чьих-то пороках, заставляющих их пожирать тематически соответствующим образом. Многие (хотя и не все) разновидности историй ужасов попадают в аналогичные категории»

[13, р. 51]. Однако в литературе, написанной непосредственно для детей, ужасное все же не было нормой вплоть до последних трех десятилетий, когда слияние ужасного и волшебного стало использоваться в книгах и фильмах (фильмы Джима Хенсона «Лабиринт» (1986), Тима Бертона «Труп невесты» (2005), Стивена Кинга «Оно» (1986), мультфильм «Тайна Коко» (2017), сериал-комедия в жанре ужасов «Уэндей» (2022) и др.).

Цель литературы, где довлеет категория ужасного, – оказать определенное эмоциональное воздействие на читателя, «спровоцировать ощущение безотчетного ужаса и специфического наслаждения им» [8, с. 36]. Аудитории действительно приносит удовольствие прочтение щекочущих нервы историй. Стремление к острым ощущениям, приключениям, новому и опасному – то «окно», через которое ужасное проникло в детскую литературу [14, р. 91]. Тем не менее, ориентация на оптимизм, практически полный отказ от эстетики безобразного и жестокого, уязвимость детской психики и впечатлительность ребенка не исчезли и в наше время. Поэтому мы можем говорить о таком явлении, как борьба жанров, результатом которого становится жанровый синкретизм. Это явление основано на изменении конкретного жанрового канона под воздействием авторских установок, что предполагает закономерное обращение писателей к содержательным и формальным доминантам различных жанровых образований [3, с. 18]. С течением времени, по мере того, как литература развивалась, жанры эволюционировали, углубился «процесс стирания жанровых границ и малосущественной становится соотносимость (иерархия) жанров» [10, с. 275].

Жанровый синкретизм обуславливается особенностью категории жанра: его можно понимать как слияние, изменение разных жанровых конфигураций в одном произведении, бытийная сущность которых двойственна. В результате подобного сращения получается новая эстетическая действительность. Жанровый синкретизм подразумевает непринужденность дистрикции и вариативности различных черт и методов взаимодействия жанров в одном произведении, в его рамках выявляется многомерная жанровая система.

Борьба жанров как феномен имеет место в тех случаях, когда жанры, взаимодействующие в рамках одного произведения, не только достаточно далеки друг друга, но и имеют характеристики, сама возможность сочетаемости которых в одной художественной плоскости находится под вопросом. В этом случае не сами жанры, но часть их характеристик противоречат друг другу, представляются взаимоисключающими: потому что с очень большим трудом можно представить сочетание героя-ребенка (как одной из наиболее устойчивых характеристик детской литературы) с такими сверхъестественными существами, как вампиры, зомби, оборотни и, более того, сращение их в одном образе. Однако творческое воображение писателей и жанровые возможности художественного произведения не знают границ [16].

Поэтому исследование феномена жанровой борьбы, в частности детской литературы и хоррора, предоставляет возможностью выявления ядра и пери-

ферии поэтики жанра, конгруэнтности и несовместимости мотивов и стиливых решений, инварианта и вариантов жанрообразующих мотивов. Согласно нашей гипотезе, ужасное в книгах для детей не может быть тождественно ужасному во взрослой литературе, следовательно, с романами о вампирах, зомби и оборотнях должны происходить какие-то изменения, чтобы об этих персонажах могли читать дети.

Зомби – оживленный с помощью колдовства мертвец, полностью лишенный человеческих чувств и выполняющий любые приказания своего хозяина [7, с. 370]. Хронотоп романов о зомби практически всегда апокалиптический [5, с. 89]. Дж. А. Каддон определил апокалиптику как «художественное произведение, которое шокирует или даже пугает читателя, или, возможно, вызывает чувство отвращения или отторжения» [15, р. 11]. Ужасы призваны создать жуткую и пугающую атмосферу, с чем справляется образ мертвеца, безучастно бредущего без всякой цели странной походкой и активизирующегося в присутствии человека, чтобы пожрать его плоть. Контакт с зомби превращает самого укушенного человека в зомби, теряющего все человеческое и также испытывающего страшный голод к человеческой плоти. Бездушность, неутолимый голод, чудовищно обезображенная внешность и картинные признаки разложения – неотъемлемые характеристики персонажа, которые делают его однозначно негативным. Зомби практически никогда не выступают в качестве центральных сюжетных фигур и не действуют индивидуально – всегда толпой. Медлительность зомби позволяет авторам нагнетать ужас и увеличивать напряжение.

Но при всех своих характеристиках зомби появляются в книжке с картинками для самых маленьких Барбары Кантини «Мортина. Все-все-все страшно захватывающие истории» (*Mortina*, 2021). Атмосферу ужасного призван воссоздавать хронотоп: Зброшенный замок – место обитания Мортины и ее семьи (тетушки Усоплы, оживающего портрета бабушки, собаки из потустороннего мира и неясного количества призраков) и огромный старый парк вокруг замка. За пределами парка – деревня с обычными людьми. Рассказы построены на взаимодействии зомби и людей. Образ героини тоже синкретичен: «Мортина была девочка необычная. Хотя сама она не считала себя странной. Ну да, кожа у нее не розовая, как у всех девочек, а почти белая – с легким серовато-зеленоватым оттенком. Да, глаза совсем круглые, навывкате, и под ними – темные фиолетовые круги. Ну и что? Разве плохой цвет – фиолетовый? <...> Стоило ей захотеть – и любая ее конечность могла в тот же миг отделиться от тела и повиснуть в воздухе. Ведь Мортина была зомби, девочка-зомби» [6, с. 8]. Присутствие черт внешности зомби нивелируется спокойным отношением автора к ним, проявляясь в нарочито разговорной речи и риторических вопросах.

Имя главной героини содержит ассоциации со смертью (итал. *mort*). Мортина не является живым человеком, но назвать ее каноническим зомби-персонажем нельзя: она очень веселая, умная, непоседливая, общительная и добродушная, совсем как обычная девочка. Дедушка-говорящая голова и тетя-зомби учат Мортину правилам поведения и игре в

шахматы. Первый рассказ «Как найти друзей» говорит о проблеме многих детей современных городов, которые живут среди сверстников, но мало общаются, опасаясь насмешек (Мортина боится, что дети испугаются ее фиолетовых кругов под глазами или будут ее дразнить за зеленый цвет кожи). Эта завязка напоминает нам современные подростковые романы о детях с особенностями интеллектуального, психического или физического развития и трудностях в формировании социальных отношений. В таком ракурсе книжка про Мортину – гипербола, так как особенности ребенка в ней доведены до крайности и абсурдности. На Хэллоуин Мортина решает предстать перед ребятами как девочка, переодетая на праздник в костюме зомби. В разгар праздника дети признают костюм Мортины лучшим, что заставляет ее потерять голову от счастья – Мортина в буквальном смысле подкидывает свою голову вверх и выдает себя с головой. Дети ошарашены, но приходят в себя и перестают обращать внимание на непохожесть девочки: наличие отталкивающих внешних черт нивелируется добрым и приветливым характером, страшное отступает на второй план, а в отдельных эпизодах изгоняется комическим. Слова М.М. Бахтина о том, что смех уничтожает страх и пиетет перед предметом, перед миром, делает его предметом фамиллярного контакта и этим подготавливает абсолютно свободное исследование его, объясняют взаимодействие ужасного и смешного в детской книге [4, с. 473].

Можно сделать однозначный вывод, что сюжеты книжки про Мортину не совпадают с сюжетами зомби-романов, а сама героиня по своему характеру очень похожа на обычного ребенка из детской книги. Признаки зомби, таким образом, только внешние, а внутренне Мортина соответствует ребенку 8–10 лет. Но все остальные качества зомби, такие как отсутствие разума, постоянное желание поедать человеческую плоть, медленное передвижение и нахождение в толпе таких же бездумных зомби, делающие из зомби – зомби, у Мортины отсутствуют. Использование образа сверхъестественного существа позволяет автору показать, что внешний вид не важен, важно только то, какой ты на самом деле внутри. Персонаж-зомби также дает автору возможность поднять такой серьезный вопрос, как смерть и ее неизбежность. Основная мораль всех историй раскрывается в рассказе «Магия Озера Тайн», где Мортина говорит, что «лучше быть мертвым снаружи и живым внутри, чем наоборот» [6, с. 192].

В отличие от зомби, вампиры, упыри и вурдалаки – сверхъестественные существа, рожденные европейской культурой. В сохранившихся фольклорных источниках они поддерживают свое существование, потребляя жизненную энергию живых существ и тем убивая их, избегают свет дня и, в свою очередь, преследуются людьми. Вампир – это «сказочный оборотень, мертвец, который, выходя из могилы, сосет кровь живых людей» [7, с. 201]. В романах XX в. вампиры в литературе начали демонстрировать более широкий спектр человеческих характеристик (Р. Брэдбери «Возвращение», 1946). Первой писательницей, которая наделила вампиров чувствами, стала Э. Райс. В «Интервью с вампиром» (1976) тема вампиров сочетается с мотивами секса и романтики.

Центральное место в образах вампиров занимает потребление человеческой крови, за которым следует наличие острых зубов или клыков, с помощью которых можно облегчить эту задачу. В большинстве представлений вампиры являются «нежитью», т.е. ожившими после смерти, которые каждую ночь встают из своих могил или гробов. У вампиров бледная кожа, и их внешний вид варьируется от гротескного до сверхъестественно красивого. Еще одной часто упоминаемой физической характеристикой является неспособность переносить солнечный свет и отбрасывать тень или отражение.

В центре сюжета серии романов Л. Э. Андерсон «Амелия Клык» (*Amelia Fang*, 2018–) история путешествия девочки-вампира Амелии Клык и ее четверых друзей. Амелия и ее родители живут в огромном замке в царстве тьмы, в Ночьгороде (*англ. Nocturnia, от французского слова «nocturne» – ночной*). Семья Амелии уподобляется типичной викторианской семье аристократов [1, с. 18], пока ее отец не отрывается от пола во время игры с королем Владимиром, а у мамы за обедом не выпадает глазное яблоко.

Герои не страшны маленькому читателю, а порой даже смешны за счет гротеска и оксюморона: «Графиня смастерила Амелии, Флоренс, Смертику и королю остроумные маскировочные костюмы для безопасного передвижения по чужой местности» [1, с. 18] – мотив опасности вводится с первой страницы «шиворот-навыворот»: не люди боятся вампиров, а вампиры – людей. Вампиры «не питаются одной только кровью», так как «от такого однообразного питания у них дурно пахнет изо рта» [2, с. 29], «прекрасно чувствуют себя при солнечном свете» и «вряд ли кто любил свое отражение больше, чем графиня Фриволетта» [1, с. 17]. Сама Амелия не живая, у нее есть пара острых клыков и очень бледная кожа, по ночам она спит в гробу, а днем ведет интересную жизнь обычного ребенка. Жизнерадостная, забавная и капризная, но добрая Амелия всегда готова прийти на помощь друзьям.

Детективный сюжет романа «Амелия Клык и лорды-единороги» не типичен для классического произведения о вампирах. Темы дружбы, традиционных семейных ценностей и приключений приближают книгу к классическим образцам детской литературы. Доминирующие топосы романа представляют собой луга и поляны Царства света и город Блескополис: «залитый ярким солнцем луг», «разноцветные цветы», «радужный путь», «гора, окруженная розовыми облаками». В романе отсутствует атмосфера готического романа. Эмоциональной доминантой становится радость, хотя герои испытывают также страх, удивление, разочарование, безразличие, обиду, гнев и беспокойство. Важнее широкая палитра эмоций, испытываемых персонажами, что абсолютно нетипично для эстетики ужасного в литературе.

Те же тенденции в адаптации образов сверхъестественных существ можно увидеть в детских книгах об оборотнях. В германской низшей мифологии человек становился волком по злобе или вследствие мутации и по ночам нападал на людей и скот [9, с. 192]. Все они изображались кровожадными зверями, которые не могут контролировать свою жажду убивать. В новом тысячелетии образы оборотней сильно романти-

зировались, а также эволюционировали в «типичных персонажей, таких же распространенных, как люди по соседству» [13, р. 57]. Сексуализированные герои-оборотни появляются в «Сумерках» С. Майерс, «Последнем Вервольфе» Г. Дункана (2011) и др. Ни одна из характеристик не кажется подходящей для перехода образа оборотня в детскую литературу и, тем не менее, примерами противоположного мнения могут служить десятки книг, самая известная – «Гарри Поттере и Узнике Азкабана» Дж. Роулинг.

В романе немецкого писателя К. Функе «Маленький оборотень» (*Kleiner Werwolf*, 1996) девятилетнего мальчика Руди кусает в подворотне зверь с желтыми глазами, мальчик начинает превращаться в оборотня и на протяжении всего повествования вынужден бороться со своей новой звериной натурой.

Чудик не обладает сверхспособностями от рождения, а приобретает их не по собственной воле уже по ходу истории. История «обращения» рассказывается очень эмоционально: «Это было уже слишком, чересчур! Чудик и так натерпелся. Сначала его кусает в руку та желтоглазая псина. Потом он превращается в заросшее шерстью чудище. Потом на него нападает боксер Клопуса. А теперь вот самая лучшая подруга визжит, увидев его, будто ее режут! Чудик сел на коврик и разревелся. Слезы катились градом по его волосатым щекам, капали на его заросшую шерстью лапу, когда-то бывшую человеческой рукой» [11, с. 26]. Такая эмоциональная реакция свойственна детям его возраста и в контексте ситуации полностью оправдана. Главного героя мы можем описать как типичного ребенка на пороге переходного возраста. Он старается выглядеть храбрее, чем на самом деле, но оказывается ребенком с привычными детскими страхами.

Руди обладает набором внешних атрибутов оборотня в достаточном для узнавания образа объеме (шерсть, острые клыки и когти, желтые глаза, волчий аппетит), однако мальчик старается избавиться от них, его терзает внутренний конфликт, герой напуган и растерян, не понимает и не принимает перемен, что, по сути, происходит с каждым вторым мальчиком переходного возраста, особенно в отношении внешнего вида. Можно охарактеризовать Руди как обычного подростка, попавшего в неприятности. Следовательно, при переносе на ребенка внешних признаков оборотня внутренние качества не переносятся.

В отличие от «Амелии Клык» атмосфера «Маленького оборотня» схожа с готическим романом и с хоррором за счет постоянного упоминания темноты и сырости октябрьских будней, «сырого, холодного ветра», «бледной, тусклой луны», «ослепительно-яркого света луны», «холодного ночного воздуха», «сырой и холодной стены», «темных дождевых туч» и т.п. Эмотивной доминантой романа становится надежда (на «выздоровление»). Повествование наполнено шутками, забавными коллизиями, проказами, не характерными для хоррора и апокалиптики, но типичными для детской литературы.

Основным мотивом всего повествования является дружба. Лучшая подруга Руди Лина не только поддерживает его в темные времена: «Я тебя не боюсь, – сказала она. – Сколько угодно можешь скалить зубы! Имей в виду: даже волки не едят своих друзей» (Там же, с. 92). Именно благодаря Лине, ее храбрости и самоот-

верженности Чудик в конце концов избавляется от проклятия оборотня и превращается обратно в обычного мальчика. Но превращение в волка не проходит бесследно: мальчик научился давать отпор задирам в школе, стал храбрым и бесстрашным. Метафорическое превращение мальчика в волка можно интерпретировать как инициацию – превращение ребенка во взрослого.

Люди, окружающие маленького оборотня, не боятся его, однако важную роль играют придания и мифы об оборотнях, которые заставляют подругу и учительницу Чудика беспокоиться за мальчика: «Люди не очень-то любят волков, ну, вы понимаете, о чем я. Ох, Шульце, это же просто невообразимо, что с тобой могут сделать» [11, с. 48]. Как и в рассказах про Мортину и Амелию, рассуждения о вреде стереотипов и предрассудков имплицитно дидактичны.

Заключение. В романах Б. Кантини «Мортина. Все-все-все страшно захватывающие истории», Л. Э. Андерсон «Амелия Клык и лорды единороги» и К. Функе «Маленький оборотень» действуют зомби, вампиры и оборотни. С миром ужасов и апокалиптики всех героев рождают атрибуты внешности, в двух из трех – готическая атмосфера, второстепенные персонажи сверхъестественного происхождения, но по характеру Мортина, Амелия и Чудик не отличаются от обычных героев детской литературы: их психовозрастные особенности характерны для их сверстников, проблемы типичны для современных европейских детей, ценности и стремления совпадают с детскими и подростковыми. Мортина, Амелия и Чудик неизменно жизнерадостные, веселые, отзывчивые и добрые. Основными темами произведений остаются дружба, приключения, любовь, семья, буллинг, как в классических произведений для детей. Все сюжетные линии, все мотивы в рассмотренных романах не совпадают с тем, что мы привыкли видеть в романах о вампирах, зомби и оборотнях. Внутренние и внешние конфликты разрешаются традиционно, вне связи со сверхъестественной природой героя.

Рассчитанная на юного читателя, детская книга всегда учитывает психовозрастные особенности детей, что выражается в отсутствии классических для жанра ужасов эстетики насилия, кровавых сцен, убийств, пожирания, бездушия, а также слишком сильного напряжения, связанного с переживанием читателем таких чувств, как страх, беспомощность, отчаяние. В детской и подростковой литературе нет и намек на сексуализацию образов вампиров и оборотней, характерную для современной литературы *young adult*.

Более того, писатели не только используют приемы со знаком «минус», но и компенсируют введение «страшных» образов. К элементам поэтики, противостоящим категории ужасного, в первую очередь относится комическое, в значительном объеме использованное каждым автором. Так, смешным становится как раз то, что во взрослой литературе должно было бы вызывать ужас: «волчий» аппетит, обилие шерсти на теле мальчика, желтые глаза и острые когти; отрывающиеся конечности девочки, выпадающая из корзины голова, пропавший ребенок. Кроме того, во всех произведениях много обычных комических приемов из классической детской литературы: старший брат-всезнайка, нервная мама, странный учитель биологии, растрепанная прическа учительницы истории и т.п.

Во всех трех произведениях читателю открывается широкий спектр эмоций героев (как главных, так и второстепенных), что противостоит доминирующим чувствам ужаса и отчаяния монотональных апокалиптики и хоррора.

Эти персонажи – зомби, вампиры и оборотни – вводятся в детскую литературу ради развлечения (так как взрослые, старшие братья и сестры смотрят фильмы и читают книги про вампиров, детям эти образы также интересны). Кроме того, необычные герои приносят новизну в детский роман, который по своей каноничности близок к массовой литературе и не демонстрирует вариативность сюжетов и мотивов. Необычные герои также дают читателю возможность свежего взгляда на старые проблемы буллинга, ссор с родителями, неприятия собственных внешности и характера, скачков настроения в переходном возрасте и оригинальные пути их разрешения. Герой-зомби или вампир – повод посмеяться и отвлечься, остраниться и взглянуть на свою жизнь под другим углом. Важным представляется и то, что инаковость главного героя позволяет задать маленькому читателю вопросы о терпимости, толерантности, верности и преданности в дружбе. Таким образом, сращение образа ребенка с образом сверхъестественного существа не только представляется жанровым экспериментом новейшего этапа художественной литературы и ярким образом феномена борьбы жанров, суть которого заключается в соединении противоречивых, негомогенных, чужеродных по отношению друг к другу характеристик разных жанров в рамках одного произведения, но и обладает на практике достаточно большим художественным, психологическим и дидактическим потенциалом.

Литература

1. Андерсон, Л. Э. Амелия Клык и Дикая бал / Л. Э. Андерсон ; [перевод с английского Н. Савушкиной]. – Москва : АСТ, 2017. – 237 с.
2. Андерсон, Л. Э. Амелия Клык и лорды-единороги / Л. Э. Андерсон ; [перевод с английского Н. Савушкиной]. – Москва : АСТ, 2019. – 240 с.

3. Баранов, А. В. Синкретизм жанров как закономерная черта художественного пространства (на материале русской литературы) / А. В. Баранов // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2012. – Вып. № 3. – С. 17–20.

4. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 504 с.

5. Голышко-Вольфсон, Д. Ю. Век живых мертвецов: XX столетие глазами зомби. О философии, этике и биополитике зомби / Д. Ю. Голышко-Вольфсон // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 62. – С. 82–93.

6. Кантини, Б. Мортина. Все-все-все страшно захватывающие истории / Барбара Кантини ; [перевод с итальянского Т. Стамовой]. – Москва : РОСМЭН, 2021. – 192 с.

7. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : НОРИНТ, 2000. – 1536 с.

8. Ланкин, В. Г. Эстетика / В. Г. Ланкин. – Томск : Томский государственный архитектурно-строительный университет, 2017. – 397 с.

9. Токарев, С. А. Мифы народов мира / С. А. Токарев. – Москва : Советская энциклопедия, 1980. – 1147 с.

10. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Наука, 1977. – 576 с.

11. Функе, К. Маленький оборотень / К. Функе ; [перевод с немецкого Г. В. Снежинской]. – Москва : Махаон, 2019. – 104 с.

12. Шайтанов, И. О. История зарубежной литературы эпохи Возрождения / И. О. Шайтанов. – Изд. 3-е. – Москва : Юрайт, 2016. – 699 с.

13. Boudinot, D. Violence and Fear in Folktales / D. Boudinot // The Looking Glass: New Perspectives on Children's Literature. – 2005. – № 9. – P. 50–57.

14. Carroll, N. The Philosophy of Horror: Or, Paradoxes of the Heart / N. Carroll. – New York : Routledge, 1990. – 272 p.

15. Cuddon, J. A. The Penguin Book of Horror Stories / J. A. Cuddon – London : Penguin Books Limited, 1984. – 607 p.

16. Goodreads: the world's largest site for readers and book recommendations [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.goodreads.com/search?utf8=✓&q=children+vampire&search_type=books&search%5Bfield%5D=on. – Date of access: 22.02.2022.

N.S. Zelezinskaya, K.A. Dulevich

THE PHENOMENON OF GENRE STRUGGLE IN CHILDREN'S LITERATURE ABOUT ZOMBIES, VAMPIRES AND WEREWOLVES

The article deals with the conflict between the requirements traditionally imposed on children's literature and the images of vampires, zombies and werewolves, which appear in children's literature of the 21st century in large amounts. The conflict is considered from the point of the struggle of genres. The objective of the study is to identify the modus operandi of combining the category of horror and the norms of children's literature in a coherent literary work for a diverse audience of children of different ages. The authors identify the key characteristics of supernatural beings and compare them with the heroes of children's books on the material of three contemporary European novels by B. Cantini, L. E. Anderson and K. Funke. The study identifies a) a number of invariable characteristics of zombie, vampire and werewolf images, b) a number of possible, or acceptable, characteristics and c) a number of unacceptable characteristics related to the aesthetics of violence and the sexualisation of vampire and werewolf images. The article also reveals compensating strategies for the horrific in children's books.

The conflict of genres, children's literature, category of the horrible, apocalyptic, supernatural, zombie, vampire, werewolf, the image of the hero.

Р.Л. Красильников

Общеобразовательная школа Центра педагогического мастерства, г. Москва

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА В.Л. АНДРЕЕВОЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена автобиографической прозе Веры Леонидовны Андреевой (1910–1986), дочери Леонида Николаевича Андреева, как источнику информации об истории культуры XX века, в том числе судьбе семьи писателя, ее участии в жизни русской эмиграции первой волны.

Автобиографическая проза, Вера Андреева, Леонид Андреев, русская эмиграция первой волны, источниковедение, история культуры.

Источники личного происхождения XX века невозможно признать хорошо изученными. Это связано с несколькими факторами. Во-первых, их круг до сих пор недостаточно полноценно исследован и даже плохо очерчен, поскольку практически каждый год обнаруживаются и публикуются новые подобные тексты, в особенности созданные авторами, как говорится, не «первого ряда», а накопленный корпус этих текстов (например, собранный на ресурсе «Прожито», создаваемом Европейским университетом в Санкт-Петербурге [17]) еще ждет пристального рассмотрения. Во-вторых, сама природа этих материалов не совсем прояснена: обычно они считаются лишь вспомогательными для изучения судеб и произведений наиболее известных персоналий, в то время как многие из подобных сочинений действительно имеют художественную ценность.

В данной статье мы рассмотрим один из таких источников – автобиографическую прозу Веры Леонидовны Андреевой-Рыжковой (1910–1986). Писательница находится в «тени» своего отца, Леонида Николаевича Андреева, а ее произведения используются, как правило, для лучшего понимания облика этого представителя Серебряного века. Мы же сконцентрируем наше внимание на самой Вере Леонидовне и на ее текстах, на наш взгляд талантливо написанных, дающих интересную информацию о различных аспектах истории культуры XX века.

Жизненный путь Андреевой тесным образом связан со многими событиями прошлого столетия. Она родилась 12 (25) мая 1910 года в Петербурге в семье Л.Н. Андреева и его второй жены Анны Ильиничны (урожденной Денисевич). Ее детство (описанное в повести «Дом на Черной речке») прошло в дачном доме писателя в Ваммельсуу (ныне поселок Серово).

После революции семья Андреевых попала в вынужденную эмиграцию: принадлежавшие им земли оказались расположенными за пределами новообразованного советского государства, на территории обретшей независимость Финляндии. В 1919 году умер Леонид Николаевич, и Анна Ильинична вместе с тре-

мя детьми (Саввой, Верой и Валентином), стремясь обеспечить им более благополучное будущее, в 1920 году отправилась в другие европейские страны. В начале Андреевы жили в Германии (в основном в Берлине), затем в Италии (в основном в Риме), в Чехословакии (семья поселилась в деревне Вшеноры, дети учились в русской гимназии в Праге) и во Франции (в основном в Париже). В 1926 году Вера Леонидовна приняла решение повторно отправиться в Чехословакию, чтобы завершить обучение в гимназии, и начала самостоятельную жизнь (время от времени навещая остальных членов семьи, проживавших во Франции). Через десять лет, в 1936 году, она вышла замуж за эмигранта Григория Семеновича Рыжкова, с которым вместе училась. Они прожили пятнадцать лет в Праге и восемь в Остраве, у них родилось трое детей (Наталья, Андрей и Ирина).

В 1950-х годах семья Андреевых-Рыжковых задумалась о переезде в Советский Союз. Они написали письмо с соответствующей просьбой маршалу К.Е. Ворошилову, который когда-то учился у отца Григория Семеновича. В 1960 году они переехали в СССР и поселились в Орле, недалеко от родного дома Л.Н. Андреева. В 1961 году Григорий Семенович трагически погиб на стройке, Вера Леонидовна снова попросила помощи у Ворошилова и обосновалась вместе детьми в Москве, где прожила до своей смерти в 1986 году [8; 10, с. 365–366].

Андреева публиковала рассказы и статьи в различных изданиях, в том числе в «Орловской правде» и в «Литературной газете». Однако основными ее произведениями стали две книги воспоминаний, которые и стали материалами для нашего исследования. Первая – повесть «Дом на Черной речке» – выходила отдельным изданием в 1974 и 1980 годах [2; 3]. Она посвящена событиям, происходившим с 1918-го по 1920-й годы, в том числе смерти отца. В 1986 году повесть была опубликована в составе сборника, название которому дал роман «Эхо прошедшего», являвшийся продолжением автобиографии писательницы [4]. В нем повествуется о событиях от отъезда

из Финляндии в 1920 году до 1926 года, когда Андреева решила вернуться в Чехословакию, чтобы начать самостоятельную жизнь отдельно от матери.

Каковы особенности анализируемых источников?

Во-первых, «Дом на Черной речке» и «Эхо прошедшего» – автобиографическая проза. Она соответствует определению этого жанра, данному Ф. Леженом: «ретроспективное прозаическое повествование реального человека, рассказывающего о собственном существовании», делающего «особый акцент на истории своей личности» [11, с. 261–262]. Действительно, рассматриваемые произведения посвящены в первую очередь становлению личности Андреевой в определенном окружении и в определенных обстоятельствах, связанных с воспитанием в семье известного писателя, регулярными контактами с творческой элитой, эмиграцией и вынужденными путешествиями по Европе, столкновениями с другими культурами и попытками адаптироваться к ним. Если обращаться к типологии Н.А. Николиной, то перед нами «воспоминания, тяготеющие к беллетризованной форме (содержащие, например, образные характеристики описываемых реалий)» [12, с. 12]. Такая классификация подтверждается авторским определением изучаемых произведений как повести и романа и самой стилистикой источников. В связи с этим необходимо помнить об особенностях субъектной организации автобиографической прозы: «...Создавая мнемонический текст, вспоминающее “я” выступает в трех функциях одновременно – автора как исторической личности, субъекта, ведущего рассказ о собственной жизни, и героя или объекта рассказа, называемого также протагонистом. Это отличает данный вид литературы от других и определяет ее абсолютный эгоцентризм и субъективную сложность» [13, с. 111]. Нескрываемая беллетризованность, художественность прозы Андреевой, безусловно, накладывает свой отпечаток и на отражение в текстах историко-культурных проблем и отличает рассматриваемые материалы от написанных, например, в документальной, хроникальной манере.

Во-вторых, примечателен очевидный разрыв между временем непосредственного восприятия автором 1910–1920-х годов и временем написания произведений (1974–1986 годы). Вероятно, поэтому в прозе Андреевой часто присутствует рефлексия по поводу увиденного и прочувствованного, нередко с точки зрения более старшего возраста. Претерпело ли изменения ее восприятие пережитого с течением времени? На этот вопрос невозможно дать однозначный ответ.

В-третьих, неясна до конца природа особого пафоса андреевской прозы – светлого и оптимистического. Он противоречит общей тональности эмигрантского наследия, наполненного тоской по утраченной родине и ощущением неспособности адаптироваться к чужим культурам. Эта проблематика, безусловно, есть и в произведениях Андреевой, однако в целом книги наполнены юмором, иронией, самоиронией, радостным мироощущением, несмотря на все трудности, связанные со смертью отца, переездом за границу, сменой учебных заведений и мест проживания, в дальнейшем поиском работы, ностальгическими воспоминаниями не только о России, но и о детстве, частично проведенном на финской терри-

тории. Судя по тому, какой драматизм и даже местами трагизм характерен для книги «Детство» единственного старшего брата Андреевой Вадима [1] (посвященной 1907–1919 годам), оптимистическое восприятие жизни было отличительным свойством писательницы, обусловленным счастливыми (по ее мнению) детством и юностью, когда, как известно, адаптация к меняющимся обстоятельствам проходит быстрее и проще.

В-четвертых, книги создавались (или редактировались) после переезда Андреевой и ее семьи в СССР и публиковались в издательстве «Советский писатель». Возможно, поэтому в «Эхе прошедшего» практически отсутствует политический дискурс и встречаются (правда, совсем незначительные по объему) похвалы советской России и противопоставление ее европейским странам, например: «Стоя где-нибудь на перекрестке Больших бульваров, глядя на мельтешащие толпы всяких иностранцев, глазающих по сторонам, рабочего люда, торопящегося по своим делам, бездельников, фланирующих по улицам своего обожаемого Парижа, я чувствовала себя бесконечно чужой, никому не нужной и не интересной. Я была уверена, что в той, другой стране я не буду никчемно стоять в стороне, что перестану быть глупой и тупой, никому не нужной “рослой девицей в теннисных туфлях”... Почему я была так уверена, что в России такими мелочами не заняты? Откуда, совершенно ничего не зная о положении вещей в России, о жизни и работе тамошних людей, я черпала уверенность, что там процветает и искусство, и высшие интересы, что там весело и дружно живется всем? Я это чувствовала всем русским существом своим, я понимала, что только там есть родные мне, близкие люди» [4, с. 340]. Вместе с тем даже по приведенной цитате очень трудно оценить степень ангажированности автора: думала ли она так сама или отдавала должное власти, предоставившей Андреевой возможность переехать вначале в Орел, а потом в Москву.

Наконец, отметим, что, судя по интервью Ирины Григорьевны Андреевой-Рыжковой, дочери писательницы, по крайней мере роман «Эхо прошедшего» был опубликован в сокращенном варианте: «Когда договор был уже подписан, позвонили из издательства и потребовали сократить треть (!) от общего объема в тысячу страниц. К тому времени мама была уже смертельно больна. Повесив трубку, мама сказала, что сделать этого не сможет, нет сил. И тут я осмелилась предложить моей маме сделать это. Никто не знает, как было мне тяжело сокращать по тексту мамины фразы, мысли, абзацы – я ведь была уверена (и до сих пор так считаю), что мамину книгу вообще не нужно редактировать» [9]. К сожалению, полный текст произведения опубликовать (и обнаружить) так и не удалось, и мы не знаем, каких сторон источников коснулась редакция, а возможно, и цензурирование.

Таким образом, констатируем, что перед нами источники с простой историей и на них влияли различные факторы субъективного и объективного свойства. Другими словами, мы имеем дело с рассказчиком, которого не всегда можно признать «надежным».

Учитывая все рассмотренные выше характеристики интересующего нас источника, обратимся к тем

реалиям XX века, которые нашли отражение в книгах Андреевой.

Прежде всего, это детство, описываемое как в «Доме на Черной речке», так и в «Эхе прошедшего». Автор рассказывает об особенностях своего воспитания и образования, круге чтения, играх, укладе и ценностях семьи, деталях материального быта и т.д. Одни описываемые реалии можно считать типичными для эпохи, другие – нетипичными, обусловленными статусом и финансовыми возможностями Л.Н. Андреева и его близких.

Начиная с названия и с первых страниц повести «Дом на Черной речке» основным предметом описания становится массивный двухэтажный особняк, который писатель шутливо называл «Аванс»: «Дом был построен молодым архитектором Андреем Андреевичем Олем, папиным другом и родственником, – Оля был женат на папиной сестре Римме. Папина фантазия задумала создать дом, похожий на старинный норвежский замок, – весь из толстых сосновых бревен, с башней, откуда открывался бы широкий вид на окрестности, на Финский залив, на Кронштадт» [4, с. 23]. «Вилла» становится символом детства в самом начале повести (в лирическом изложении сна о ней) и знаком безвозвратно ушедшего прошлого в финале, где цитируется письмо брата Саввы, в 1936 году во время гастролей приехавшего навестить родные места и констатировавшего уничтожение особняка. Вера Леонидовна повествует о различных уголках этого дома, в том числе о детской, о кабинете (где происходит таинственная ночная жизнь отца), о библиотеке, внося свой вклад в память об уникальном утраченном памятнике, который сейчас сам по себе является объектом для изучения [6].

Неменьший интерес представляет и описание окрестностей вокруг дома на Черной речке, связанных с разнообразными повседневными детскими занятиями: двора, дорожек к заливу, берега, моря, близлежащих дач и деревень. Главная героиня участвует во всех проделках своих братьев: они строят капканы и волчьи ямы по заветам Э. Сетона-Томпсона (пока в одну из них не попадает их бабушка), возводят вулканы (пока Савва не получает сильный ожог), отправляются в плавание на лодке (пока их не застает отец), издеваются над животными (пока не поражаются видом испуганного петуха), громят мебель в оставленных домах (пока их не ловит сторож), воруют ягоды у соседей, враждуют с финскими мальчишками, катаются на санях с горы и т.д.

Детская повседневная жизнь того времени была немыслима без чтения. В круг читательских интересов Веры входят в основном приключенческие романы Л. Буссенара, А. Дюма, Дж. Ф. Купера, Дж. Лондона, М. Рида, Г. Р. Хаггарда и др. Кроме того, она читает популярные тогда книги для девочек: «Лидия Чарская со своими падающими в обморок слезливыми институтками возбуждала острое презрение мальчишек, – чтобы не уронить себя в их глазах, я вслух тоже глумилась над героинями Чарской, но втайне любила несчастную и гордую княжну Джаваху и очень жалела бедную институтку Лиду, так страдавшую – за что? – от ненавистной мачехи» [4, с. 18]. В ней как читательнице возникают внутренние противоречия,

например относительно книги Б. де Сент-Пьера «Павел и Виргиния»: «Само повествование было мне не понятно описанием чувств не совсем братских, которые питал Павел к своей сестре Виргинии, – и недаром, потому что в конце она оказалась вовсе не сестрой ему, и роман кончается свадьбой, – на мой взгляд, совершенно неинтересно. Запомнилась только роскошная природа какого-то тропического острова и замечательное описание бури, когда Павел спасает Виргинию с тонущего корабля» [4, с. 61].

Частью детских воспоминаний, конечно же, становится семья писательницы. Прежде всего, Вера Леонидовна рассказывает о разнообразных занятиях своего отца. Его писательская деятельность кажется восьмилетней девочке таинственной и непонятной: «Всем известно, что он работает, пишет сочинения, я тоже это знаю, хотя не совсем себе представляю, в чем заключается этот процесс. Сколько раз я захожу в папин кабинет, стараясь увидеть там следы его деятельности, но там пусто, прибрано, только на огромном письменном столе стоит пишущая машинка “Ремингтон”» (Там же, с. 16). Лишь потом, когда Вера увидит постановки по пьесам отца в зарубежных театрах и почувствует к себе как к «дочери Андреева» особое отношение, она будет понимать значение того, что создавалось писателем.

Еще одним важным увлечением для Л.Н. Андреева было увлечение цветной фотографией: «Он выписывал пленки откуда-то из-за границы, у него был большой фотографический аппарат на длинных ножках, который он приносил, как только видел что-нибудь примечательное. Он без конца снимал каждый уголок нашего дома и всех родных и знакомых. В период увлечения фотографией в доме только и слышно было разговоров, как о негативах, позитивах, фиксажах и проявителях. Говорилось об освещении удачном и неудачном, об игре света на носу какого-нибудь гостя, и частенько случалось, что папа срывался из-за стола, тащил аппарат, гостя усаживали на фоне какой-нибудь пальмы, и сконфуженно улыбаясь, тот покорно поворачивался, куда ему приказывали, а папа шелкал аппаратом и восторженно кричал: “Ты только посмотри, Аня, какой эффектный свет! Вот это будет снимочек!”» (Там же, с. 25).

Л.Н. Андреев также увлекался изобразительным искусством: восхищался творчеством Микеланджело, И.Е. Репина и В.А. Серова, копировал произведения Ф. Гойи, создавал свои картины: «В холле наверху висела картина, нарисованная папой разноцветными мелками. Это головы Иисуса Христа и Иуды Искариота. Они прижались друг к другу, один и тот же терновый венец соединяет их. Но как они непохожи!» (Там же, с. 27).

Кроме того, Вера Леонидовна рассказывает об интересе отца к морю и кораблям: «Среди этого множества выделялась большая моторная лодка, потом уродливый и неуклюжий баркас с надписью, выведенной белыми буквами, – “Хамоидол”, нечто длинное и зеленое под неблагозвучным именем “Сопля” и крошечный тузик “Лягушонок”. Иногда к пристани пришвартовывалась яхта “Савва”, которая с трудом пробиралась через мелководные места Черной речки, в то время как большая морская яхта “Далекий” при-

нуждена была стоять у причала яхтклуба в Або» [4, с. 34].

Л.Н. Андреев предстает в воспоминаниях дочери как «остроумный и веселый старший друг, учитель и озорной товарищ» (Там же, с. 15). Текст свидетельствует о многих его поступках и выдумках, создававших неповторимую атмосферу в семье: он то рассказывает сказку про страшных хабьясов (из одноименной сказки С.В. Праудфита, известной в России в переводе В.В. Каррика), то пишет на темной комнате для фотографических работ «Палата № 6», то учит Савву свистеть, то устраивает розыгрыши для бабушки. Такой взгляд разрушает сложившийся стереотип о писателе как об исключительно серьезном и тяжелом человеке.

В то же время Вера Леонидовна вспоминает внезапные перемены в настроении отца, неожиданные переходы от веселья и шутливости к мрачности и молчаливости. В 1919 году Л.Н. Андреев умирает, и автор описывает произошедшее со своей точки зрения – девочки, невольно обращающей большее внимание на поведение других людей, с трудом пытающейся разобраться для себя в значении того, что случилось: «Но Савва перестал играть с нами. Вадима не было видно совсем. Мы с Тином были как-то странно одиноки. В доме сделалось пусто, скучно» (Там же, с. 82).

Нельзя не признать, что воспоминания Веры Леонидовны помогают нам лучше представить последние месяцы жизни Л.Н. Андреева, проливают свет на малоизвестные стороны его личности, на важные детали его разнообразного творчества.

Большое количество страниц анализируемой автобиографической прозы посвящено матери писательницы, Анне Ильиничне. Она предстает неизменным помощником отца в его делах и увлечениях: «Мама сопровождала его повсюду. Она умела разбираться в метеорологии, точно определяла погоду на завтра, силу и направление ветра и гребла не хуже любого балтийского матроса» (Там же, с. 35). «Служение» мужу приводило к недостатку внимания относительно других членов семьи: «Ей не только не хватало времени на поддержание отношений с родственниками, но даже собственные дети мало видели ее – вечно занятую, озабоченную, строгую» (Там же, с. 46). По мнению Веры Леонидовны, ее мать стала органической частью той художественной среды, которая образовалась вокруг Л.Н. Андреева: «Очень образованная, всесторонне эрудированная, мама находила себе собеседников среди писателей и художников, бывавших у нас, и всегда находила больше удовольствия в разговоре с мужчинами, чем в праздной болтовне женщин» (Там же, с. 47).

После смерти мужа Анна Ильинична взяла на себя все заботы относительно семьи, решив переехать с детьми из Финляндии вначале в Германию, потом в Италию, Чехословакию, Францию (в конце концов в США). Она смогла воспользоваться наследием Л.Н. Андреева, чтобы обеспечить хотя бы временно относительно безбедное существование своих близких: «Маме обязаны мы были тем, что жизнь протекала в достатке. Это она поддерживала связь со многими странами, переписывалась с издательствами, которые переводили и издавали произведения отца.

Слово “писательница” по-французски переводится, как “фамм де леттр” – женщина писем. Мама говорила, что она “фамм де леттр” не в переносном, а в прямом смысле: в самом деле, такое количество писем на разных языках» [4, с. 160–161]. Имеющиеся средства позволяли Анне Ильиничне по возможности помогать другим русским эмигрантам, например Саше Черному и его супруге, бывшей фрейлине императрицы Марье Ивановне, которая за комнату и еду занималась обучением детей Андреевой (Там же, с. 203).

Анна Ильинична много общалась с М.И. Цветаевой, которая так писала о своей подруге: «Никто ведь не судит богатых, у которых няньки и бонны, или счастливых, у кого – бабушки, почему же меня судят? А судят все – кроме А.И. Андреевой (помните ее? как она танцевала на вшенорском вокзале, от радости, что – хорошая погода??), которая меня по-настоящему любит и понимает и которую судят – все» [16, с. 96]. В этом же письме поэтессы А.А. Тесковой (от 26 мая 1934 года) мы читаем о трудностях, возникших у семьи Андреевых в указанный период: «...А. А. держит чайную при балете Иды Рубинштейн и невероятным трудом зарабатывает 20–25 фр. в день, на которые и содержит своих – себя и ту безработную семью. Живут они в Кламаре, с вечера она печет пирожки, жарит до 1 ч. ночи котлеты, утром везет все это в Париж и весь день торгует по дешевке в крохотном загоне при студии Рубинштейн, кипит несчетное число чайников на примусе, непрерывно моет посуду, в 11 ч. – пол, и до мой – жарить и печь на завтра...» (Там же, с. 97).

Вера Леонидовна также свидетельствует о дружбе своей матери с Татьяной Львовной Толстой, дочерью Л.Н. Толстого: «...она с бесконечным уважением относилась к ней не только как к живой продолжательнице рода Толстых, столь верно повторяющей внешность и манеры отца, но и как к необыкновенно умной, эрудированной женщине, с которой можно было часами беседовать на всевозможные темы, как абстрактные, так и сугубо житейские» [4, с. 380]. Примечательно, что последние годы своей жизни Анна Ильинична провела на Толстовской ферме, созданной под Нью-Йорком другой дочерью Л.Н. Толстого – Александрой Львовной [5].

Таким образом, Анна Ильинична в воспоминаниях своей дочери предстает фигурой, сыгравшей важную роль в сохранении и популяризации наследия Л.Н. Андреева (его был вывезен и сохранен архив мужа), а также в жизни русской эмиграции первой волны.

Спутниками Веры на протяжении практически всего ее детства также были ее братья – старший Савва (Савва) и младший Валентин (Тин). С ними она проводит много времени и в доме на Черной речке, и в эмиграции. Савва был «поразительно красив – смуглый, черненький, с карими глазами» и «избалован ужасно» [4, с. 20]. Вера без зависти относится к привилегированному положению старшего брата в семье: родители его берут с собой в путешествия, мать возлагает на него наибольшие надежды. Рассказчице ближе по положению в семье Валентин, «большой плут», «инициатор всех проказ», «угловой житель» (из-за частого наказания стоянием в углу) (Там же), а впоследствии неизменный спутник сестры в прогулках по европейским городам.

Есть в повести страницы, посвященные сыновьям Л.Н. Андреева от первой жены, Александры Михайловны, умершей в 1906 году, – Вадиму и Даниилу. Первому из них поручили образование детей: «Учителем Вадим был весьма суровым и требовательным. Его система заключалась в том, что он не обременял нас грамматикой, а заставлял много читать, рассказывать прочитанное и писать диктовки и сочинения» [4, с. 21]. Вера Леонидовна также вспоминает о встрече с Вадимом в эмиграции: он к тому времени стал «независимым», «элегантным» поэтом, читавшим свои стихи «просто, без всякого пафоса» (Там же, с. 165–166). О втором единокровном брате Данииле писательница рассказывает очень мало, поскольку он воспитывался в другом доме, у родных своей матери.

Как видим, анализируемые тексты содержат важную информацию о детях Л.Н. Андреева, жизнь и деятельность каждого из которых заслуживают отдельного исследования. Как известно, Вадим стал известным писателем и поэтом, участником французского Сопротивления, одним из помощников А.И. Солженицына, переправлявших его произведения на Запад [14, с. 74–77]. Даниил, пройдя испытание ГУЛАГом, прославился, прежде всего, мистическим трактатом «Роза Мира» (Там же, с. 78–82). Савва учился танцевальному искусству у М.М. Фокина и О.И. Преображенской, гастролировал в составе различных балетных трупп по всему миру, служил почти 30 лет в одном из театров Буэнос-Айреса [15]. Валентин тоже занимался балетом, работал картографом, переводчиком, сохранил значительную часть архива Л.Н. Андреева [7].

Автобиографическая проза Веры Леонидовны наполнена образами и других членов семьи: бабушки Анастасии Николаевны, матери Л.Н. Андреева, его братьев (Павла, Всеволода, Андрея), его сестры Риммы. Значительное место в воспоминаниях занимает тетя Наташа, жена дяди Всеволода, взявшая на себя обязательства по воспитанию детей писателя. В эмиграцию с семьей Л.Н. Андреева отправилась и дочь Анны Ильиничны от первого брака Нина, вызывавшая у рассказчицы зависть своей взрослостью. В Италии героиня повествования живет рядом с сестрой Анны Ильиничны тетей Толей (Викторией Ильиничной), вышедшей замуж за «полуфранцуза-полуйтальянца», к ним в Рим приезжает погостить бабушка по маминей линии Анна Яковлевна, профессор скульптуры и архитектуры. За таким кратким перечислением «второстепенных персонажей» воспоминаний, конечно же, стоят интереснейшие человеческие судьбы, отражающие многие перипетии XX века, и автор старается хотя бы примерно обрисовать эти судьбы пусть и в нескольких абзацах.

В произведениях Веры Леонидовны также можно найти немало примечательной информации о различных выдающихся деятелях культуры, которые так или иначе были связаны с семьей Андреевых. В «Доме на Черной речке» это в основном соседи писателя, тоже приобретшие землю и построившие дачи в когда-то престижном для состоятельных петербуржцев месте. После смерти отца будущая мемуаристка провела лето в «Пенатах» И.Е. Репина и поэтому посвящает несколько страниц устройству усадьбы, особенностям личности и таланта художника и взаимоотношениям в

его семье, например: «Восьмидесятилетний старик был еще удивительно бодр и настолько закален, что даже в море купался чуть ли не до первых заморозков. Сон на свежем воздухе, можно сказать, под открытым небом, также способствовал укреплению здоровья Ильи Ефимовича. Он жил в своих “Пенатах” с дочерью Верой Ильиничной – старой девой со многими странностями» [4, с. 101].

В эмиграции количество встреч со знаковыми для русской культуры фигурами увеличилось, да и смотрит на эти встречи повзрослевшая девушка гораздо более осознанно. Автор с теплым чувством вспоминает о том, как в их доме в Риме жили Саша Черный и его супруга Марья Ивановна, рисует выразительный портрет поэта: «Саша Черный был полной противоположностью своей маленькой жене – высокого роста, с покатыми плечами, с почти совсем седыми свинцового цвета волосами, которые сильно контрастировали с черными бровями и поразительно живыми, молодыми темно-карими глазами. <...> Медлительный, неуклюжий, он был беспомощен, как большой ребенок, – ничего не умел сделать сам по хозяйству, не вникал ни в какие денежные дела, во всем подчинялся железной воле Марьи Ивановны и ее неиссякаемой энергии» (Там же, с. 204).

В чехословацких Вшенорах Андреевы снимали пополам виллу «Боженка» вместе с семейством писателя Е.Н. Чирикова (Там же, с. 254), который устраивал литературно-музыкальные вечера, где выступала М.И. Цветаева (Там же, с. 272). Общение с поэтессой продолжилось во Франции, на побережье Атлантического океана, где две семьи арендовали на лето комнаты в одном и том же доме (Там же, с. 322). Вера Леонидовна пишет о дружбе с С.Я. Эфроном, но о некоей презрительности со стороны Марины Ивановны. Однако впоследствии мемуаристка изменила свое мнение об отношениях с поэтессой, прочитав письмо Цветаевой В.Б. Сосинскому от 26 сентября 1926 года, процитированное в воспоминаниях: «...Очень подружилась здесь с детьми Андреевыми: Верой и Валентином, особенно с Верой. Добрая, красивая, естественная великанша-девочка, великаненок, простодушная амазонка. Такой полной природы, такого существования вне умственного, ПРИ УМЕ, я никогда не встречала и не встречу. От Психеи – ничего, ЕВА ДО АДАМА – чудесная» (Там же, с. 324). Есть в воспоминаниях Веры Леонидовны и другие важные для цветаяеведения материалы, например прощальное письмо поэтессы Анне Ильиничне, наполненное благодарными словами (Там же, с. 346–347).

В прозе Андреевой содержится немаловажная информация о жизни в эмиграции К.Д. Бальмонта и его семьи, например: «Как сейчас вижу печальную картину бальмонтских будней: пасмурный туманный вечер промозглой парижской осени, безлюдная улочка предместья, на перекрестке традиционное быстро, под промокшим брезентом на тротуаре несколько круглых столиков с мраморной столешницей, железные стулья, за одним столиком в углу сидит пара, – взглядевшись, я узнаю Константина Дмитриевича: воспаленное лицо дергается, опухшие глаза мечут молнии вдохновения, рука делает широкие жесты – он что-то декламирует» (Там же, с. 349–350).

Не менее интересны свидетельства об эмигрантском периоде А.Н. Вертинского. Во время поездки на Лазурный берег Вера встречает знаменитого певца, выступающего в местном «Ирем-баре». Вертинский приглашает девушку на танец и оказывается «прекрасным танцором и очень милым собеседником» [4, с. 373]. Были и последующие краткие встречи, во время последней из которых певец признался в своей сильной тоске по родине: «Я в Россию хочу! Я не могу больше жить здесь! Я погибаю! Перед “бывшими” людьми не хочу петь! Не хочу кривляться на этом пепелище бывшей жизни! А там люди живут, дышат, смеются! Я туда хочу – я русский человек, а они заставляют меня петь по-французски» (Там же, с. 379).

Образы К.Д. Бальмонта и А.Н. Вертинского олицетворяют русскую эмиграцию, во второй половине 1920-х годов уже уставшую от разрыва с родиной, от бытовых и психологических проблем, мечтавшую вернуться обратно, в чем-то идеализировавшую Советский Союз. Однако сама Вера Леонидовна практически никогда не жалуется на судьбу, стоически и с интересом воспринимая все выпавшие на ее долю приключения.

Андреева ярко и красочно повествует о своих путешествиях и восприятии других стран. Относительно безболезненная адаптация Веры в эмиграции вполне объяснима. Семья Андреевых постоянно опосредованно контактировала с чужими культурами – через изучение иностранных языков, чтение, искусство (живопись, музыку, кинематограф), материальный быт (яхты, лодки, пишущие машинки, фотоаппараты, сани, лыжи), рассказы родителей и Саввы о поездках за границу. Уже в «Доме на Черной речке», когда Финляндия объявила независимость, Андреевы оказались в вынужденной эмиграции, и Вера Леонидовна описывает «вражду» с финскими мальчишками (Там же, с. 13).

В «Эхе прошедшего» переезды и проживание в других странах становятся основой повествования. Андреева интересно рассказывает о транспорте того времени (пароходах, поездах), о европейских городах (Берлине, Мюнхене, Флоренции, Риме, Праге, Париже и т.д.), о нравах и повседневности иностранцев (немцев, итальянцев, чехословаков, французов, американцев), о русской эмигрантской среде (русской гимназии, общении не только с известными людьми, но и со сверстниками, поисках работы), наконец, о своей рецепции увиденного, услышанного и освоенного (например, разных языков). Автор описывает не только типичное, но и необычные случаи, например церемонию посвящения папой римским одного из священников в кардиналы (на ней Вера оказалась вместе с принявшей католичество тетей Толей) или экзамен в американский госпиталь (ради него девушка выучила за месяц английский язык).

Все вышесказанное позволяет утверждать, что в автобиографической прозе Андреевой разворачивается достаточно масштабная картина повседневной европейской жизни 1920-х годов, увиденная глазами юной русской эмигрантки.

В заключение отметим, что тексты писательницы заслуживают внимания и с точки зрения развития стиля автобиографических источников. Проза Андреевой легко и с интересом читается, поскольку автор

использует различные приемы привлечения внимания. Многие события и персонажи воспоминаний (в том числе сама рассказчица) описываются с юмором и иронией. В произведениях Веры Леонидовны есть лирические отступления (сны, размышления), в оформлении которых сквозят экспрессионистские мотивы начала XX в., например: «Мне часто снится один и тот же сон. Он преследует меня. Стоит мне уснуть, как знакомое чувство тревоги охватывает душу. Делается душно, и больно колотится сердце. Я знаю, что сейчас будет» [4, с. 5]. Время от времени автор прибегает к вставке фрагментов из чужих эго-документов: дневников матери и отца, писем М.И. Цветаевой, брата Саввы и т.д. Эти источники помогают рассказать о том, что писательница не наблюдала сама, но считает ценным для полноты создаваемой картины.

Конечно, невозможно в рамках одной статьи осветить все нюансы такого достаточно объемного источника. Если продолжать его изучение, то можно было бы сконцентрировать внимание на гендерном аспекте воспоминаний, более пристально изучить фрагменты, посвященные творческому, бытовому или межкультурному дискурсам. Однако цель показать автобиографическую прозу Андреевой как интереснейший источник по истории культуры XX века, на наш взгляд, в итоге была достигнута.

Литература

1. Андреев, В. Л. Детство / В. Л. Андреев. – Москва : Советский писатель, 1963. – 291 с.
2. Андреева, В. Л. Дом на Черной речке / В. Л. Андреева. – Москва : Советский писатель, 1974. – 199 с.
3. Андреева, В. Л. Дом на Черной речке / В. Л. Андреева. – Москва : Советский писатель, 1980. – 183 с.
4. Андреева, В. Л. Эхо прошедшего / В. Л. Андреева. – Москва : Советский писатель, 1986. – 384 с.
5. Анна Ильинична Андреева. – URL: <https://corpus.prozhitto.org/person/3190> (дата обращения: 30.12.2023). – Текст : электронный.
6. Боева, Г. Н. О доме как жизнестроительной практике модерна (дом Леонида Андреева на Черной речке) / Г. Н. Боева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 1 (51). – С. 235–239.
7. Валентин Леонидович Андреев. – URL: <https://turgenvmus.ru/valentin-leonidovich-andreev/> (дата обращения: 30.12.2023). – Текст : электронный.
8. Вера Леонидовна Андреева-Рыжкова. – URL: <http://turgenvmus.ru/vera-leonidovna-andreeva-ryzhkova> (дата обращения: 30.12.2023). – Текст : электронный.
9. Интервью с Ириной Андреевой. URL: http://www.rodon.org/andreev/_isia.htm (дата обращения: 30.12.2023). – Текст : электронный.
10. Кен, Л. Н. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками / Л. Н. Кен, Л. Э. Рогов. – Санкт-Петербург : ООО «Издательско-полиграфическая компания КОСТА», 2010. – 432 с.
11. Лежен, Ф. Когда кончается литература? / Ф. Лежен // Автобиографическая практика в России и во Франции / под редакцией К. Вьолле, Е. Гречаной. – Москва : ИМЛИ РАН, 2006. – С. 261–275.
12. Николина, Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы / Н. А. Николина. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 422 с.
13. Ньюбина, Л. М. Человек вспоминающий / Л. М. Ньюбина // Человек. – 2010. – № 2. – С. 107–114.

14. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: библиографический словарь : в 3 томах / под редакцией Н. Н. Скатова. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. – Т. 1. – 733 с.

15. Савва Леонидович Андреев. – URL: <https://turgenyus.ru/savva-leonidovich-andreev/> (дата обращения: 30.12.2023). – Текст : электронный.

16. Цветаева, М. И. Письма к Анне Тесковой / М. И. Цветаева. – Санкт-Петербург : Внешторгиздат, 1991. – 189 с.

17. Центр «Прожито» ЕУСПб. – URL: <https://prozhito.org> (дата обращения: 30.12.2023). – Текст : электронный.

R.L. Krasilnikov

**AUTOBIOGRAPHICAL PROSE BY V.L. ANDREEVA
AS A SOURCE ON CULTURAL HISTORY**

The article is devoted to the autobiographical prose of Vera Leonidovna Andreeva (1910–1986), the daughter of Leonid Nikolaevich Andreev, as a source of information about the cultural history of the twentieth century, including the fate of the writer's family and their participation in the life of the first wave of Russian emigration.

Autobiographical prose, Vera Leonidovna Andreeva, Leonid Nikolaevich Andreev, Russian emigration of the first wave, source study, cultural history.

А.В. Марков

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Владимирский государственный университет

им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ТОПИКА СОВЕСТИ В РОМАНЕ ИВАНА ШМЕЛЕВА «ПУТИ НЕБЕСНЫЕ»

Сходство ситуаций русской эмиграции и эллинизма привело к структурному сходству итогового романа Ивана Шмелева с античным романом. Сходным оказывается и художественный итог: античный роман показывает действие судьбы в разворачивании образов и событий, тогда как роман Шмелева показывает, как совесть становится социальным императивом. Многочисленные параллели в понимании чудесного, видимого, мнимого позволяют реконструировать этот скрытый сюжет совести. Главная героиня романа Шмелева выступает как новая Беатриче, объясняющая ряд богословских положений главному герою. В этих объяснениях совесть превращается из интуиции в проверяемую часть общественной жизни, поддержанную системой чудес и жизненных установок.

Шмелев, модернистский роман, религиозный роман, совесть, топика, символизм, постсимволизм.

Введение

В истории литературы бывают не только линии влияний, но и парадоксальные схождения древней и новейшей формы, связанные со схожими *конструкциями* читательской аудитории, организации литературного производства, статусом литературного языка и проведением границы между литературой, литературным бытом и просто бытом – то, что обычно изучает социология литературы. В этой статье мы рассматриваем схождение античного романа и русского эмигрантского романа, на которое ведет к различным идеям, раскрытие действия которых и составляет цель исследования: если в античном романе преобладает идея *счастливого случая*, то в русском эмигрантском, на том примере, который мы будем рассматривать – идея *совести*.

При этом как *случай* для своей реализации требует несколько раз пересмотреть по ходу чтения романа статус социальной реальности, пророчества, сновидения, гадания, мысли о будущем, так же и *совесть* для реализации тоже несколько раз подрывает привычную социальную реальность, заставляя мыслить всякий раз иначе отношение между пророчеством, моралью, повседневностью и другими художественными предметами. Можно условно назвать и тот, и другой роман «постсимволистским», если исходить из отталкивания от платонической символики в античном романе в пользу развернутого действия; и если видеть разворачивание действий, отталкивающееся от беллетристических клише, которые легко превратить в ряд простых символов, в романе XX века.

Первейшим свойством античного романа следует признать то, что сколько бы мы ни представляли его читателя в своем воображении, кто это, пресыщенный богатый горожанин, желающий сельской тишины, или деловой любитель досуга, или мистик, ищущий аллегорий во всем, или человек, проецирующий на себя чудесные спасения, – все эти догадки не будут

иметь отношения к главному, указание на что и составляет **новизну** нашего исследования: что досужее чтение было редкостью, хотя досуг образованной элиты был не редкостью. В любом случае, послушать оратора сходилось несравненно больше людей, чем тех, кто читал бы наедине, внимательно, да и то такой читатель скорее всего пересказал бы происходящее другим.

Такое чтение можно сопоставить, например, со спортом или киберспортом – хотя играть даже в сложные игры умеют многие, геймер-киберспортсмен – это избранный, это далеко не каждый. То же самое можно сказать о реконструкторах или организаторах массовых мероприятий. Поэтому нужно сначала избавиться от впечатления, которое создает школа, что если все в школе читают различные художественные книги, то привлекательные книги должны образовывать всеобщее чтение. А.Н. Егунов, автор пронзительного описания поэтики античного романа, сравнил сюжеты этого жанра с морской галькой, которую обрабатывала вся последующая традиция [2, с. 69] – и подчеркнул, что герои античного романа, например жрецы, имеют смысл в произведении не как предметы обожания или насмешки, в отличие от героев зрелищ, а как носители сюжетного потенциала, как те, которые позволяют иначе посмотреть на соотношение видимого и действительного (Там же, с. 62). Тем самым романы эти не были изначально просто чтением, они скорее были некоторой моделью отношения к действительности, которую уже потом адаптируют различные художественные достижения внутри литературной традиции.

Ситуация эмиграции искусственно создает сходное сужение аудитории: по-русски читают все меньше по совокупности причин, от экономических до культурных, тем более с трудом принимают некоторые условности, выработанные литературой, в частности многозначность слова, его колеблющиеся признаки значений. «Слова как берега России / в туман уходят

от меня», – писал Набоков. Ситуация тыняновской *тесноты стихового ряда* (и соответствующей декоративной прозы) возможна в метрополии, но не в эмиграции. В эмиграции другая ситуация, узнаваемых шаблонов, литературных и жизненных, – и романский эффект создается не отсылками к шаблонам, не отстраненной игрой с ними, но, напротив, их почти бриколажным принятием. Сравнительно-исторический метод литературоведения, дополненный историей идей, вполне позволяет достичь цели исследования: выявить, как такое принятие клише позволяет создать непротиворечивую концепцию совести как фактора социального развития.

Изложение основного материала

Роман И.С. Шмелева «Пути небесные» (т. 1. 1938; т. 2. 1946) [8] остался незавершенным. Он больше всего отвечает стандарту античного романа [2], представляющего собой деяния и страсти героя и героини, с необходимыми приключениями, резкой переменой участи и декораций, фантастическими допущениями, чудесными избавлениями и искушениями со стороны темных сил, не то призраков, не то звероподобных богов [2, с. 17]. Это сходство проступает и во множестве эпизодов, например действия «идолов», призрачных образов, которыми в романе Шмелева оказываются не только статуи, но и коллекционные куклы, или постоянная трактовка болезненных состояний героини как экзотических.

Несмотря на замысел автора создать религиозную эпопею, в которой житие становится принципом организации повествования, сердечность берет верх не только над рационализмом героев, но и над сюжетными линиями, а уставная организация богослужений выступает семиотическим ресурсом для дальнейшего развития действия, – роман получился скорее переосмыслением традиций русской реалистической литературы. Постсимволизм его выражается в опоре на ряд идей В.С. Соловьева [1; 4]: прежде всего, идею вечной женственности, идею постепенного раскрытия христианства в истории путем сложной диалектики мыслей и событий и идею особой миссии человека в отношении к природе, которая осуществляется не столько через слова, сколько через события. Роман Шмелева так же существует после Соловьева, как античный роман – после платонизма. Этим постсимволизмом объясняется и дантовская стихия в романе: явное уподобление главной героини Дарьи Королевой дантовской Беатриче как богослову небесной жизни. «Дух Софии Премудрости Божией, Вечной Женственности витает над эпохой. Владимир Соловьев вызвал этот дух, Блок сделал его предметом своего артистического служения. Беатриче близко» [5].

Первый том можно отнести к вариациям сюжета «Анны Карениной» Л.Н. Толстого – только воспитание героини, ее сверхчувствительность и мистическая одаренность не позволяют ей уйти к тамошнему «Вронскому», гусару, который погибнет на Балканах, а как окажется во втором томе, будет только ранен – Шмелев явно хотел опять ввести этого героя в следующих томах. Второй том, следуя дантовско-гоголевской структуре, это «чистилище», в котором главные герои обретают возможность как совершен-

ствоваться, так и решать отдельные богословские вопросы в разговоре с другими – так, главные герои обращают садовника по прозвищу Мухомор от наивного натурализма в христианство, объясняя промыслительность явлений природы; а пчеловод Егорыч, напротив, сам объясняет, как сложно организованные природные системы могут иметь собственную систему целеполаганий, в конце концов смыкающуюся со священной историей.

Друг и вдохновитель Шмелева философ И.А. Ильин скептически оценил вторую часть романа [4, с. 41], считая ее тенденциозной и иллюстративной: в частности, объяснение провиденциальности пения петуха он считал произвольным: ведь любое явление природы можно считать наделенным провиденциальностью. Ильин явно продолжал полемику против русского символизма, который он считал недостаточно предметным, полным эстетического и этического произвола, но также, как многолетний клиент Фрейда, не доверял самому представлению о возложении на вещи некоторой миссии – это противоречило фрейдовскому понятию о *разрыве*, зиянии, где только и начинает действовать бессознательное.

Действительно, роман производит впечатление неубедительности: если Даринька – вполне продуманный характер, созданный по образцу тургеневских девушек (и отчасти Настасьи Филипповны у Достоевского) с добавлением беллетристических эффектов начала XX века, то Виктор, несмотря на то, что его прототипом был дядя жены Шмелева [8], – характер крайне непоследовательный. Инженер-изобретатель, успешный и уважаемый всеми, одновременно может вести себя как богатый, как лихой инвестор, инвестируя в свою возлюбленную. С реалистической точки зрения такой характер не может существовать – либо нужно изображать увлеченного кабинетного изобретателя, который может быть социально очень востребован и знаменит, но который постоянно выстраивает свою ценностную систему, глядя на свои чертежи и достижения, – и даже если он претерпевает мировоззренческий или жизненный кризис, этот кризис не приводит к перемене характера. Либо надо изображать человека, действующего среди других, манипулирующего другими, создающего собственный стиль поведения, то есть нового богатого, не могущего совладать со своим характером – но этот человек и любой кризис использует для собственной выгоды, обновив привычные стратегии.

В сравнении с такими героями русской литературы XX века, как Григорий Мелехов или Юрий Живаго, Виктор Вейденгаммер оказывается совершенно схематичным. Такая непоследовательность может напомнить (предвосхищает) скорее систему психоанализа Ж. Лакана: разрыв между инстанцией буквы (объектом маленькое *a*) и поведением как постоянным разрывом между буквализацией и символизацией происходящего, в этом смысле фрейдист Ильин не мог понять до конца итогов романа Шмелева. О лакановском потенциале античного романа как реализации софистических представлений о вымысле и его социальной роли, где инстанция буквы (текста) порождает символизацию не только вещей, но и отношений, в том числе эффектов речи и образа, подробно писала Б. Кассен [3].

Но лучше увидеть в этой непоследовательности структурный момент, а не результат действительной или мнимой эклектики – а именно, что речь идет о некоторой концепции совести. В этой концепции совесть заставляет человека видеть иначе свои прежние действия, но видеть иначе и себя действующего, и тем самым постоянно освобождаться от себя, – тогда как прежние действия оказываются истолкованы как частные символы, каковые обычный символизм, как и прежний позитивизм, не может истолковать правильно. Вообще, Виктор Вейденгаммер, хотя действие происходит в позитивистскую эпоху («Анна Каренина» как литературная новинка настигает героев во втором томе романа), в чем-то символист в духе читателей К. Фламариона, он вполне представим как собеседник Брюсова, соединяющий астрономию, изобретательство, социальные идеи и погружение в спиритизм и магию, – и хотя никакого спиритизма и магии в романе нет, потому что изображается предшествующая этим увлечениям эпоха, вполне «базаровская», это единственное, что делает этого непонятого персонажа хотя бы немного реалистичным.

Главная героиня здесь больше, чем в первой части, выступает как Беатриче для своего Данте: кроме того, что она совершает парадоксальные, но угодные общей экономии мироздания действия, например освобождает рака, который был привезен на обед как главное блюдо, и тем самым заменяет экономику внимания на вполне аристотелевски-дантовское естественное стремление вещей к своему изначальному месту или среде (что сочетается и с необходимым идилическим контуром античного романа, где люди, как и боги, всех возвращают на естественное место), она объясняет три богословских вещи. Первая – она отвечает на вопрос своего Данте о троекратном пении петуха, почему именно три раза – так был петух сотворен провиденциально, чтобы обличить апостола Петра, пробудить в нем совесть и тем самым сделать совестливыми христиан. То есть она заменяет числовую схему инженера историческим развертыванием аффектов, индивидуальных и коллективных, встроенных в священную историю как историю сознания.

Второй том – это движение Беатриче и Данте по Земному Раю, каким выступает идилическое имение Ютово-Уютovo. Как Беатриче у Данте поит в земном Раю повествователя из реки Эвной (Благомысленной), чтобы смыть адскую память и сделать его неуязвимым к обольщению (*Purg.*, XXXI, 10–45), закрепить добрые помыслы как преображающие и ее, и его (46–90) и очистить созерцанием всего мироздания в виде Грифона (91–145), так же через эти три этапа проводит и Даринька своего Виктора. На этом первом этапе он вспоминает, что такое совесть, что это не просто чувство, а определенная процедура обретения себя как что-то сделавшего, а что-то обязанного сделать в будущем.

Следующим вопросом является чудесное спасение героини при попытке свести счеты с жизнью в первом томе: во втором томе путем расследования выясняется, что спасший «Никола-Строгой» – это и не видение святого, потому что был будочник такой же внешности, но и не вмешательство этого человека, потому что он тогда не работал. Так тема совести вы-

водится на новый уровень: она не просто обличает, а соединяет субъекта, о котором уже все известно, например, что святой Николай умеет быть строгим и не попустительствовать греху, и некоторого обобщенного субъекта, стража человека, который милостив именно потому, что милость известна самому человеку. Конечно, в основе этого второго богословского суждения лежит народное понимание «заступничества» не как дополнительного свидетельства святых на суде, как способных указать на трудности и заслуги человека, а как прямого вмешательства в систему событий. Но здесь явления богов-чудотворцев в духе античного романа позволяют говорить, что совесть уже предъявила Виктору Вейденгаммеру полную ответственность за жизнь своей возлюбленной, а значит, и его движение ко спасению, будущее монашество, будет уже определенным. Это как раз закрепление добрых помыслов: как Беатриче и Данте преображаются на глазах в райских жителей, взаимно глядя на переживаемое друг другом, так и Даринька и Виктор преобразятся в иноков.

При этом протагонист пытается истолковать явление Николы-Строгого как вариант вещего сна, тогда как общественность понимает как возвращение святого для участия в делах. Иначе говоря, герой пытается свести опять все к линейному проектированию на количественных основаниях, что один сон порождает некоторое число *эффектов* (действий), тогда как прихожане видят, как их собственные многочисленные и разнонаправленные *аффекты* (эмоциональные образы) могут быть упорядочены только непосредственным вмешательством святого. Именно икона святого далее приводит к религиозному обращению ювелира, спасая от ограбления его искусство и показывая, что все прежние операции в искусстве были направлены к созданию истинного образа, в том числе истинного образа себя, – здесь сюжет Шмелева вполне возвращается к античной *ареталогии*, рассказу о чудесах по добродетели и реалистичном явлении божества, которые, как доказала О.М. Фрейденберг [6, с. 291], восходят к «показам», в том числе шутовским, соединяясь с постсимволистским пониманием отношения материала и формы. Как теория Б. Кассен объясняет «лакановский» уклон романа Шмелева, так теория Фрейденберг объясняет *ареталогию* Ивана Шмелева как единственный способ сделать убедительным будущее монашество и блаженство главных героев.

Наконец, третье богословское утверждение завершает вторую книгу романа и во вполне дантовском духе соединяет космологию и доказательство бытия Божия. Бытие Божие выводится из равенства всех вещей перед безмерным и бездонным, перед непостижимым: и былинка, и звезда, и человек состоят в равном отношении к этому бесконечному и потому это бесконечное и существует; иначе невозможно было бы допустить мысли о равенстве вещей, которые, исходя из бытового опыта, совершенно не равны. Совершенно по-дантовски звучит этот абзац Шмелева:

«Виктор Алексеевич смотрел, прислушиваясь к крикам петухов. Вспоминал мартовскую ночь, когда перед его душевным взором дрогнуло все небо, вспыхнуло космическим пожаром, сожгло рассудок...

и он почувствовал бездонность. Ярko вспомнил, как там, в не постижимой мыслию глубине, увидел тихий, постный какой-то огонечек, чуточный прокол, булавочную точку света... о, какая даль!.. – и, в микромиг, ему открылось – не умом, а чем-то... сердцем?.. – “надо та-ам?.. за этим, беспредельным... искать Начало?!.. где – там?.. Но там – все тоже, тоже, как это разломившееся небо!.. дальше нельзя, закрыто Тайной”» [8].

Здесь проблема достоверной совести получает свое окончательное решение: она возможна как переживание того, отрицание чего приводит к недопустимым допущениям. Как Данте-протагонист видит противоречивый облик Грифона, совмещающий несовместимое и при этом совершенно реальный, и только тогда переживает единственно допустимое и счастливое, так и Виктор понимает, что многообразие вещей и есть то, что уже вызвало в нем ликование, когда он честно и совестливо себе признался, что он знает, а чего не знает о жизни. Если, как показывают современные исследования, метафора «голоса совести» таит в себе ряд опасностей и интеллектуальных тупиков [7], то такое новое софистическое понимание совести как явления, чуда, визуального порядка после развития визуальных романских образов оказывается если не более убедительным, то менее противоречивым.

Выводы

Отношение между традициями античного романа и житиями и то, как Шмелев мог из житий перенять топику античного романа, – тема дальнейших исследований. При решении этого вопроса необходимо реконструировать и «богословие сердца» от Тихона Задонского до оптинских старцев, которое и повлияло на Шмелева и создало специфический «эффект софистики» (или «лаканизма») его романа: а именно, понимание образа как перформативного и символов как качественно различных, из которых символ *сердца* и оказывается центральным и напрямую приобщающим Богу. Цель этой статьи была другая – показать, что несмотря на некоторую художественную неубедительность протагониста романа и укорененность романа в беллетристических традициях, именно некоторая непоследовательность его организации и позволила свойствам античного романа действовать в полную силу. Как в не вполне продуманной конструкции всегда видны конструктивные элементы, выпирающие и заявляющие о себе, так и в романе «Пути небесные» вдруг начинает действовать конструкция Данте, которого Шмелев вряд ли читал внимательно, но которая только и позволяет объяснить, что такое совесть.

Художественная концепция совести в романе Шмелева может быть реконструирована так. Совесть начинается с понимания того, что кто-то уже был обличен совестью, что апостолу открылся «крик совести», по словам Дариньки. Этот крик может быть только локализован в системе образов священной истории, визуализован как часть домостроительства спасения, и тогда совесть может учитывать те поступки, которые ведут ко спасению или противоречат ему, а не просто реагировать на поступки этого дня. Эту совесть и обретает Виктор, каясь в прежних сделках с совестью, когда он оправдывал свои неверные дей-

ствия слишком сильными эмоциями, тем, что он не может не отреагировать на происходящее.

Далее, совесть уже открывается не как индивидуальное вхождение в священную историю, понятую как романная ареталогия, а как социальный фактор, как то, что позволяет говорить о спасении людей в безвыходных ситуациях. Даринька, спасенная Николой-Строгим и одновременно раскрывающая образ старца как критика натуралистического понимания природы и истории, указывает, что совесть – это общее принятие не-натуралистических, сердечных причин поступков, когда Другой засвидетельствовал, что этот поступок был верен. Таким Другим и выступает уже умерший святой, явившийся как призрак, но и как эффект самого присутствия совести, совести честного будочника, потому что само предстояние Богу для неочистившегося – тайна: Данте тоже должен почувствовать опасность утонуть, прежде чем увидит Грифона, и его спасают Нимфы – идеальный ареталогически-идиллический образ. И такое торжество ареталогической образности и позволяет героям в будущем принять *монашеский образ*.

Наконец, совесть оказывается пониманием очищения как единственного способа видеть не только реальность привычного, но и реальность действительного. При этом действительность производится не нами, она дается свыше. Если прежде за действительность мы принимали некоторые движения ума и сердца, располагая их в определенной иерархии, то теперь преимущество сердца как органа познания событий, а не просто свойств, не противоречит равенству всех явлений, равенству всех обличий Грифона. Тем самым протагонист романа Шмелева очищается не только от эмоциональных, но и от интеллектуальных заблуждений, понимая, как возможна действительность, – как ее принять так, что любое другое ее принятие будет искаженным и ущербом для совести. Такое динамическое и визуализированное понимание совести и создает единство романа.

Литература

1. Герчикова, Н. А. Личный фонд И. С. Шмелева в РГАЛИ. Неизвестная редакция романа «Пути небесные» / Н. А. Герчикова, Л. В. Хачатурян // Вестник архивиста. – 2008. – № 4. – С. 135–141.
2. Егунов, А. Н. Греческий роман и Гелиодор / А. Н. Егунов // Гелиодор. Эфиопика / перевод А. Н. Егунова. – Москва ; Ленинград : Academia, 1932. – С. 7–93.
3. Кассен, Б. Эффект софистики / Б. Кассен ; перевод А. А. Россиуса. – Москва : Университетская книга, 2000. – 252 с.
4. Любомудров, А. М. Творческая полемика И. А. Ильина и И. С. Шмелева: из истории создания романа «Пути небесные» / А. М. Любомудров // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. – 2009. – № 8. – С. 38–44.
5. Седакова, О. А. Дантовское вдохновение в русской поэзии / О. А. Седакова // Prosodia. – 2015. – № 2. – Текст : электронный. – URL: <https://magazines.gorky.media/prosodia/2015/3/dantovskoe-vдохновение-v-russkoj-poezii.html> (дата обращения: 01.08.2023).
6. Фрейденберг, О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – 2 изд. – Москва : Восточная литература, 1998. – 800 с.
7. Чернавин, Г. И. Совесть в газовом свете / Г. И. Чернавин // Filozofija i društvo. – 2022. – Т. 33, № 4. – С. 826–833.

8. Шмелев, И. С. Собрание сочинений. Том 5. Пути небесные: роман / И. С. Шмелев ; примечание Ю. А. Кутыриной. – Москва : Русская книга, 1993. – Текст : электронный. – URL: <https://traumlibrary.ru/book/shmelev-ss05-05/shmelev-ss05-05.html> (дата обращения: 01.08.2023).

A.V. Markov

THE TOPIC OF CONSCIENCE IN IVAN SHMELEV'S NOVEL *PATHS OF HEAVEN*

The similarity between Russian emigration and Hellenism has led to the structural affinity between Ivan Shmelev's novel and the ancient novel. The literary results can be compared and contrasted: the ancient novel shows the action of fate in the deployment of images and events, whereas Shmelev's novel shows how conscience becomes a social imperative. Numerous parallels in understanding the miraculous, the visible and the imaginary allow us to reconstruct this hidden plot of conscience. The heroine of Shmelev's novel acts as a new Dante's Beatrice, explaining some theological positions to the protagonist. In these explanations conscience turns from intuition into a verifiable part of social life supported by a system of miracles and life attitudes.

Shmelev, modernist novel, religious novel, conscience, topic, symbolism, post-symbolism.

Е.А. Сафрон, Я.Д. Кумагер
Петрозаводский государственный университет

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ИДЕАЛОМ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ В РОМАНЕ Я. СЕДЕРБЕРГА «ЮНОСТЬ МАРТИНА БИРКА»

Статья посвящена анализу конфликта, созданного столкновением идеалов любви, религии и призвания главного героя романа «Юность Мартина Бирка» Я. Седерберга. Выявлена одна из возможных причин крушения идеалов протагониста – неотвратимая сила рока.

Я. Седерберг, художественный конфликт, идеал, действительность, поэзия, религия, роман взросления, литература рубежа веков.

Литература Швеции рубежа XIX–XX веков неразрывно связана с именем Яльмара Седерберга (1869–1941), писателя и журналиста, одного из первых романистов, чьи произведения были переведены более чем на двадцать языков. В России Я. Седерберг известен благодаря романам «Доктор Глас» («Doktor Glas», 1905) и «Серьезная игра» («Den allvarsamma leken», 1912). «Юность Мартина Бирка» («Martin Bircks ungdom», 1901) – роман о взрослении и становлении личности, о крушении юношеских надежд главного героя и о столкновении с жестокой реальностью. Цель настоящего исследования – анализ конфликта, созданного столкновением идеалов любви, религии, поэзии и призвания главного героя романа Я. Седерберга с действительностью.

Поставленная цель требует решения следующих задач:

- 1) выявление комплекса представлений главного героя романа о любви, карьере, религии и поэзии;
- 2) исследование причин крушения идеалов героя.

Для выполнения поставленных задач были использованы такие методы, как: аналитический, описательный, сопоставительный, метод мотивного анализа.

Научная новизна исследования обусловлена фактом анализа проблемы конфликта на материале романа, который еще не известен русскоязычному читателю. Актуальность данного исследования заключается в более обстоятельном знакомстве русскоязычных читателей с творчеством Я. Седерберга, в частности – с его относительно автобиографическим романом «Юность Мартина Бирка», поскольку это произведение может послужить еще одним ключом к постижению многогранной личности одного из самых известных шведских писателей XX в.

Шведская литература рубежа веков сама находилась в состоянии перманентного конфликта из-за влияния разных литературных школ и направлений, ведущих непримиримую борьбу друг с другом. В 1870–1880-е гг. благодаря творчеству А. Стриндберга и писателей «Молодой Швеции» на смену романтизму пришел реализм, а вместе с ним – годы длительных

поисков, «внутреннего брожения», а также неуверенности в завтрашнем дне [5, с. 438].

Реалистические тенденции в искусстве соседствовали с неоромантизмом, приверженцы которого стремились к эстетизации прошлого, описывали и возводили в абсолют не современную им серую и унылую действительность, а красочный идеальный далекий мир (например, В. фон Хейденстам, Г. Фрединг, Э.А. Карлфельдт и др.).

Творчество Я. Седерберга исследователи обычно характеризуют как «эстетически сложное» [2]: его относят то к критическому реализму, то к неоромантизму [4, с. 180]. «Юность Мартина Бирка» (1901) – второй роман Я. Седерберга после дебютного произведения «Заблуждения» (1895). Жанр его можно определить как роман взросления [3]. Он состоит из трех частей, каждая из которых соответствует определенному жизненному этапу, пройденному Мартином Бирком. Основные события происходят во второй части, когда герой оканчивает гимназию и поступает на службу в ведомство, но ключевую роль играют именно внутренние переживания персонажа – его размышления, духовные искания и разочарования в прежних идеалах. В третьей, заключительной части автор изображает романтические отношения взрослого Мартина Бирка с женщиной, имя которой не упоминается, и его достаточно пессимистичные размышления о будущем. На протяжении всего романа Я. Седерберг описывает разочарование Мартина Бирка в трех аспектах жизни – в религии, поэзии и любви. Проблематику романа можно считать социально-философской, поскольку Я. Седерберг описывает как душевные переживания и нравственные потрясения главного героя, к примеру его религиозные искания или рассуждения о выборе жизненного пути, так и проблемы современной ему действительности, в частности «двойные стандарты» («dubbelmoral») [9], позволяющие мужчинам наслаждаться всеми радостями жизни, а женщинам – лишь зависеть от них и считать удачное замужество главной целью своего существования.

Л. Лотасс, характеризуя героев Я. Седерберга, отмечает их «неизлечимое одиночество; они стоят в стороне и наблюдают за собой и своим окружением. В этом одиночестве заметны черты вечернего сияния и старости. <...> Детерминизм управляет, ему прислуживает меланхолия – все неумолимо окрашивается неизбежной скоротечностью» (здесь и далее перевод наш. – К. Я.) [9]. Судьба управляет жизнью человека в романах, драмах и рассказах Я. Седерберга, единственное, что остается героям, – с «несокрушимой силой» духа нести свой крест.

Главный герой романа «Юность Мартина Бирка» – личность думающая, созидательная, которой не чужды черты романтического мировосприятия. В юности он чувствует кипящую внутри творческую энергию, желает стать пророком для людей; герою необходимо выразить свои мысли на бумаге, поэтому он обращается к литературе. Но Мартина Бирка ждет горькое разочарование: люди не готовы слышать его правду, а издатели не готовы платить за его произведения. Без средств к существованию герой не может жить и творить, но писать в угоду читающей публике, идти вразрез со своими принципами и представлениями он не способен. Мартину служба в ведомстве, куда он устраивается по воле отца, поначалу видится временной деятельностью, возможностью заработка, неким подспорьем для начала поэтической карьеры, но вскоре признается самому себе, что привык к установившемуся в его жизни порядку, должен продолжить работать на госслужбе, чтобы не умереть с голоду. Постепенно герой чувствует, как сливается с толпой, живет работой и будничными переживаниями, оставив все меньше времени высоким, духовным размышлениям: *Он чувствовал, что вот-вот должен раствориться в толпе. Он не мог решить, был ли он в сущности как все остальные, и была ли эта судьба его справедливым жребием, или, быть может, он был слишком большим исключением, чтобы выделяться среди других* [10, с. 104].

С. Левандер отмечает, что одной из характерных особенностей Мартина Бирка являются его «поразительная неподвижность и застой» [8, с. 2]. В мире героя время застывает, т. к. он разочарован и сам погружается в состояние стагнации: *Здесь оно остановилось, время. С помощью перемен человек измеряет течение времени; мне же нечем было его измерить* (Там же, с. 3). Статичность Бирка начинает формироваться еще в семье, члены которой привыкли прятаться от проблем именно в бездействии (Там же, с. 7).

По словам Б. Хольмбэка, Я. Седерберг особую миссию возлагает на мотив условий, будь то возможности, которые есть у героев, или риски, на которые они идут [7, с. 60], поэтому возлюбленная Мартина Бирка не имеет шанса, который есть у «достойных», по меркам шведского общества конца XIX – начала XX в. женщин, выйти замуж из-за отсутствия приданого; главный герой романа, в свою очередь, также не может жениться на ней из-за материальных проблем.

Я. Седерберга также считают одним из ярчайших писателей, которые изображали на страницах своих произведений героев-фланеров [6, с. 4]. Фланер – литературный тип горожанина, бесцельно прогуливающегося по улицам, «пытающегося достичь свободы от

общества и в то же время сохранить различные связи с различными обществами» [1, с. 60–61]. Мартин на протяжении романа, в особенности во второй части, фланирует по улицам Стокгольма, сливаясь с толпой спешащих прохожих, размышляя об искусстве, религии, любви, о жизненном предназначении. По сути дела, бесцельные блуждания вместе с толпой символизируют покорность героя судьбе: он отдается течению города, не пытаясь плыть против потока.

Ощущение бессмысленности существования усиливается и из-за оторванности от семьи: несмотря на волю консервативных и строгих родителей, ожидающих, что их сын продолжит род Бирков и займет место госслужащего, женится на девушке из приличной семьи, сам герой мечтает о карьере поэта, хочет написать стихи, которые будут «чудеснее любой музыки», или прозу, «ясную и бесстрастную» [10, с. 55], используя такие слова, которые станут понятны всем, но при этом не потеряют своей художественной ценности. В прессе появляется одиночное упоминание о публикации одного из его стихотворений, но известности творения героя не получают. Писатель иронично замечает, что кульминацией своего творческого пути Мартин Бирк считает получение поста председателя Шведской Академии, после чего он не сочинит уже больше ни строчки.

Ироничное изображение неудавшихся литературных устремлений героя выражается и в образе неназванного поэта, с которым Мартин случайно знакомится на стокгольмской улице. Я. Седерберг рисует карикатурный образ поэта с бледным лицом, редкой рыжей бородой, в тонком драповом пальто, который называет себя декадентом, предпочитает темное время суток и тихую грусть, а также оказывается носителем *самых известных венерических заболеваний* (Там же, с. 83). Как подмечает автор, известность герой приобретает за счет того, что «с неслыханной простотой» пишет самые красивые строки о чем угодно – в основном о девушках, цветах, июньских ночах на родине в Сконе. Ирония звучит и в вопросе Мартина Бирка о том, почему стихи поэта, в сущности, ничем не отличаются от тех, которые занимают призовые места в Академии. Свою мысль он поясняет следующим образом: *Мне нравятся твои стихи. Но я не вижу связи между ними и твоей духовной жизнью, которую ты только что описал...* (Там же, с. 84). Герой считает, что творчество должно отражать мировоззрение поэта, его богатый внутренний мир, но понимает, что такие произведения не печатаются и не продаются.

На протяжении второй части романа читатель наблюдает за эволюцией представлений Мартина Бирка о религии. Герой под влиянием современных ему философских учений и собственных теологических исканий проходит путь от понимания Бога как высшего существа, решающего судьбы людей и требующего безусловного и безграничного почитания, до видения его через призму пантеистической концепции, согласно которой божественная сила растворена в явлениях природы и существует в каждом предмете. Однако на метафизический вопрос о существовании или отсутствии высших сил Мартин Бирк не находит ответ, признавая несовершенство языка одной из при-

чин заблуждения людей в вопросах религии. Крушение иллюзии проходит для героя болезненно: он чувствует себя одиноким в своем видении религии, и это осознание еще больше увеличивает пропасть между ним и семьей, в частности матерью: *Убедившись в твердости своей веры в бессмертие, он быстро понял, что очень далеко ушел от голубого рая детства* [10, с. 73–74].

Понимание героем Бога и понимание творчества взаимообусловлены: в начале своего становления как поэта он верит, что литература – это удел не только «избранных» и что, выбрав ясные и простые слова, поэт сможет донести свою истину до любого. Однако в итоге осознает, что нет никакого «искусства для всех», что его творение смогли бы понять лишь его коллеги по цеху, такие же писатели. Свое разочарование он выражает в стихотворении, в котором гневно обращается к Богу и бранит его за человеческое несовершенство (Там же, с. 73).

Герои в романах Я. Седерберга бессильны перед волей рока, поэтому представляется закономерным, что писатель обращается к образу куклы. Так, в первой части романа в эпизоде визита к дяде Абрахаму, имеющему коллекцию тряпичных кукол и кукол-марионеток, Мартин обнаруживает Красного Турка. По словам самого дяди, это «не какая-то обычная марионетка: он умеет думать и размышлять так же, как и мы. И когда ты дергаешь за ниточки, марионетка начинает шевелиться и говорит сам себе: *«Я существую со свободной волей, я двигаюсь так, как хочу и только по собственному желанию; хэй, нет ничего веселее, чем так кружиться!»* Но когда ты перестаешь дергать за ниточки, он думает, что устал, и говорит сам себе: *«Больше не буду шевелиться, ведь нет ничего прекраснее, чем абсолютно неподвижно висеть на крючке на стене»* (Там же, с. 28–29). В этих образах автор выражает свое видение мира: судьба – это кукловод, контролирующий каждое движение куклы и подчиняющий своей воле, а человек – марионетка, движущаяся лишь тогда, когда дергают за ниточки. Я. Седерберг фаталист: несмотря на то что герои его романов, новелл и пьес неординарные и самобытные, они не могут плыть против бурного течения жизни, как бы ни старались. Вероятно, одна из причин крушения идеалов религии, карьеры, любви Мартина Бирка может заключаться именно в этом: герою уготована другая судьба, другой путь, и, рано или поздно, после блужданий, он должен вернуться на «дорогу жизни» и продолжить уготованный судьбой путь.

На формирование представлений Мартина Бирка об искусстве, любви, религии влияют общественные законы и негласные правила межличностных отношений, наивные представления о жизненном предназначении и карьере, которые он усваивает еще в детские годы. По мере взросления иллюзии героя рассеиваются. Несмотря на то что Мартин Бирк значительно отличается от своего окружения – семьи, друзей, коллег, давних знакомых и школьных приятелей, он принимает «правила игры», по которым живет общество, и становится полноправной его частью, не бежит от людей, но и не чувствует духовного родства и абсолютного понимания. Крушение юношеских идеалов приводит к духовному опустошению юноши, однако

финал романа остается открытым: может быть, Мартин Бирк сможет облегчить душевные терзания в объятиях возлюбленной, но, вероятно, от самого себя и горького разочарования в жизни герою убежать не удастся. Его юность «утекла» вместе с сомнениями, фрустрацией и бесконечной рефлексией.

По мнению Л. Лотасс и ряда исследователей, в художественном мире Я. Седерберга человек не имеет права выбора, так как за него решено заранее: «Судьба управляет жизнью человека в романах, драмах и рассказах Я. Седербега, единственное, что остается героям, – с несокрушимой силой духа нести свой крест и облагораживать жизнь по мере необходимости. Судьба ведет героя по его пути. Обстоятельства зачастую являются преградами для героя, но он не в состоянии с ними бороться» [8, с. 24].

Роман «Юность Мартина Бирка» написан на рубеже веков и отражает чувства, господствовавшие как в Швеции, так и во всей Европе в то время: страх перед будущим, нравственные терзания, неспособность адаптироваться к глобальным переменам и др. Все это смутно ощущает и Мартин Бирк, буквально «герой нового времени», изображенный на страницах романа Я. Седерберга, находящийся на границе между ускользающим прошлым и неминуемо приближающимся будущим.

Литература

1. Герасимова, М. А. К вопросу о возникновении социальных фланеров в эпоху постмодерна / М. А. Герасимова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2015. – Т. 15, вып. 4. – С. 60–61.
2. Леонова, Е. А. Литературы скандинавских стран (конец XIX – начало XX века) / Е. А. Леонова. – URL: http://www.ae-hb.org.ua/texts/leono-va_____scandinavian_XIX-XX__ru.htm (дата обращения: 27.08.2023). – Текст : электронный.
3. Лисовская, П. Богемный и тоскующий Стокгольм: книги Яльмара Седерберга / П. Лисовская // Arzamas. – URL: <https://arzamas.academy/materials/2138> (дата обращения: 27.08.2023). – Текст : электронный.
4. Полтанова, Е. А. «Женская перспектива» в психологическом романе Швеции XX–XXI веков / Е. А. Полтанова // Вестник ННГУ. – 2015. – № 2–2. – С. 180–184.
5. Хачатурян, Д. К. Шведская литература [второй половины XIX в.] / Д. К. Хачатурян // История всемирной литературы : в 8 томах / АН СССР ; Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва : Наука, 1983–1994. – На титл. л. изд.: История всемирной литературы : в 9 томах. – 1991. – Т. 7. – С. 435–441.
6. Eng, A. Flanörromanen vid sekel- och millennieskifte. En jämförande studie / A. Eng. – Karlstads universitet, 2009. – 26 s.
7. Holmbäck, B. Den röda stjärnan. Några anteckningar om slutkapitlet i Martin Bircks ungdom / B. Holmbäck // Samlaren. Tidskrift för svensk litteraturvetenskaplig forskning. – Uppsala : Almqvist & Wiksell, 1983. – S. 40–61.
8. Levander, S. “Det är med förändringarna man mäter tidens gång”. Tid, rörelse och genre i Hjalmar Söderbergs Martin Bircks ungdom / S. Levander. – Institutionen för kultur och estetik. – Stockholm, 2021. – 27 s.
9. Lotass, L. Hjalmar Söderberg / L. Lotass // Söderbergsällskapet. – 2012. – URL: <http://www.litteraturbanken.se/> (дата обращения: 23.08.2023). – Текст : электронный.
10. Söderberg, H. Martin Bircks ungdom / H. Söderberg. – Stockholm : Bokförlaget Aldus, 1974. – 133 s.

E.A. Safron, J.D. Kumager

**THE CONFLICT BETWEEN THE IDEAL AND REALITY IN J. SÖDERBERG'S NOVEL
*MARTIN BIRCK'S YOUTH***

The article analyses the conflict created by the clash of the ideals of love, religion and vocation of the protagonist of the novel "Martin Birck's Youth" by J. Söderberg. One of the possible reasons for the collapse of the protagonist's ideals, the inevitable force of fate, is revealed.

J. Söderberg, artistic conflict, ideal, reality, poetry, religion, coming-of-age novel, literature of the turn of the century.

Е.Ю. Шестакова

Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического)
федерального университета в г. Северодвинске

ТЕМА ДЕТСКИХ СТРАДАНИЙ В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

В настоящей статье рассматриваются особенности художественного воплощения темы детских страданий в повести В.И. Белова «Привычное дело». Проблема несчастного детства рассматривается автором в тесной связи с социально-экономическими условиями жизни русской деревни 1960-х годов.

В.И. Белов, повесть, «Привычное дело», тема детских страданий, образ ребенка.

Тема детских страданий заявляет о себе со всей очевидностью в русской литературе второй половины XIX столетия. Эта тенденция охватывает довольно большой круг писателей эпохи: Ф.М. Достоевский, Н.Г. Помяловский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.Г. Гарин-Михайловский. Страдания и унижения ребенка как тема русской беллетристики второй половины XIX века проявляется в контексте особых идейных установок. Писатели стремятся указать на виновников мучений маленьких героев. Ситуация укладывается в понятие «преступление против детства», где есть потерпевший (ребенок), обвинитель (автор) и обвиняемый (родители, учителя). Вся эта конфигурация возможна при одном обязательном условии: общепринятым, устоявшемся представлении о детстве как безусловно счастливой и безмятежной поре, норме, нарушение которой влечет за собой неизбежное осуждение.

В конце XIX – начале XX века тема детских страданий нашла широкий отклик в произведениях В.Г. Короленко, А.П. Чехова, Ф.К. Сологуба, Л.Н. Андреева, М. Горького. Проблематика несчастного детства рассматривалась в контексте ведущих художественно-эстетических направлений и течений эпохи (реализм, символизм, декаданс), философских воззрений (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше), острых проблем современности. Главная задача писателей этого времени – напомнить о необходимости возвращения к основополагающим нравственным законам, представлениям о любви и уважении друг к другу. В этом виделся оптимистический путь решения проблемы детских страданий.

В произведениях последующих поколений отечественных писателей (А. Платонов, М.А. Шолохов, В.П. Катаев, В.О. Богомолов, В.Г. Распутин, В.П. Астафьев и др.) тема тяжелого детства раскрывается в обязательной связи с социально-историческими событиями (революция, Гражданская война, Великая Отечественная война). Герой-ребенок осмысливается жертвой преобразований, происходящих в стране, испытывает все трудности военной поры, становится в один строй со сражающимися взрослыми. В 1950–1960-е годы тема детских страданий не теряет своей актуальности. Несчастное детство, трагическое поло-

жение ребенка оказались особенно близки русскому писателю второй половины XX века Василию Ивановичу Белову (1932–2012).

Тема детства и образ ребенка являются одной из художественных доминант творчества автора. В ее решении нашел отражение целый ряд важнейших духовно-нравственных, этических, философских, социальных, педагогических взглядов писателя, сопряженных с острыми проблемами современности. Во многих беловских произведениях преломляются события и переживания собственного детства, неразрывно связанные с историческими событиями. Обращение к теме детства позволило писателю раскрыть своеобразие творческой манеры, обнаружить оригинальность, самобытность, уникальность художественного мышления.

В повести «Привычное дело» (1966) широко представлена тема детства. Героям-детям автор посвящает целые главы, раскрывая их и как общность, объединенную крепкими родственными узами, и как отдельных персонажей, обладающих индивидуальным темпераментом, неповторимым взглядом на окружающий мир, людей и природу. В повести изображены дети разных возрастов, что также определяет своеобразие личности каждого из них.

Писатель предпринимает попытку воссоздать специфику младенческого мирозерцания и мироощущения в главе «Детки». Шестинедельный Иван, девятый ребенок в семье Ивана и Катерины Дрыновых, пребывает в состоянии безмятежности и счастья: *Ему было хорошо* [1, с. 144]. За время своего недолгого пребывания в оторванности от материнской пуповины он успел перейти от способности *ощущать твердое и мягкое, теплое и холодное, светлое и темное* (Там же) к различию звуковых оттенков. Главной потребностью младенца является утоление голода, и эта жажда *не исчезала даже во сне* (Там же). Ваня еще не обладает умением *отвлеченного, нефизического сознания* (Там же) своих желаний, не различает состояния между сном и явью. Его существование не омрачено ни горем, ни страданием, поскольку он еще слишком мал для их понимания.

Полуторагодовалый Володя ведет *борьбу с младшим шестинедельным братом за люльку* (Там же, с. 145).

Причиной такого поведения является состояние острой детской тревожности. Малыш не просто воспринимает люльку своей собственностью, он болезненно переживает отсутствие матери, вынужденной зарабатывать на хлеб насущный. Ощущая собственную незащищенность, ребенок обретает внутренний покой и безмятежность, находясь в колыбели: *Еще ему хотелось, чтобы рядом была мать, и эта тоска, боль оттого, что матери нет рядом, сама собой выливалась в жажду завладеть люлькой.* <...> *Володька лежал в люлке довольный и успокоившийся* [1, с. 145]. Подобная «зависимость обусловлена подсознательной «памятью» ребенка о его внутриутробном нахождении, которое связано с безопасностью и комфортом» [13, с. 146]. Обратим внимание, что мальчику *хочется, чтобы люлька качалась, чтобы оцеп скрипел как обычно* [1, с. 145]. И это не случайно, так как образ колыбели, хранящей воспоминание о матери, «сопряжен с движением, колебанием, которое испытывает плод, находясь в утробе матери при ее перемещении» [13, с. 146].

В отличие от младшего брата, Володя уже хорошо знает *все звуки родимой избы* [1, с. 145]. Скрип двери особенно болезненно воспринимается ребенком, так как он подразумевает, что бабушка – единственный постоянно рядом находящийся близкий взрослый человек – вышла из дома. Ее отсутствие вызывает у мальчика приступ *невыносимой тоски* и чувство *одиночества*, поскольку *тоска по всегда отсутствующей матери точила его сердечко, а когда ухodiла бабка, ему было и вовсе невозможно* (Там же).

Маруся, четырехлетняя сестра Ивана и Володи, также мучается от того, что мамы постоянно нет дома. Девочке не свойственно яркое проявление эмоций, ее внутреннее состояние обычно скрыто от посторонних глаз. Однако только одно *«упоминание о матери» «отражается» на ее личике «долгой изумленно-тревожной улыбкой»* (Там же, с. 146). Радость буквально преображает задумчивую девочку, она озаряется светом, исходящим из глубины души. Ласковое слово *мамушка* (Там же), произнесенное героиней, подтверждает ее любовь к матери.

В раскрытии глубинных переживаний героини особое значение обретает образ люльки. Эта особенность была отмечена в работе исследователя, определившего, что одним из художественных приемов писателя является «изображение вещей», «направленное на выражение мироощущения героев, их душевных порывов и состояний» [5, с. 9]. Внутренняя тоска девочки по матери выражена через замечание автора, сделанное вскользь, но заключающее в себе важнейший смысл: *...ей иногда тоже очень хотелось в люльку* [1, с. 146]. Кроме отмеченного, образ люльки предстает «главным элементом домашнего пространства» семьи, «символизирующим идею рода» [13, с. 144]. Бабка Евстоля просит маленькую Марусю покачать братьев, находящихся в колыбели, то есть «выступить в роли функционального двойника собственной матери», что, в свою очередь, «обретает особый психологический драматизм, поскольку, качая братиков, Маруся думает об отсутствующих родителях» (Там же).

Образ снега выражает высокую степень переживаний героини. Для Маруси он важен потому, что по

нему *ушла мама* [1, с. 146]. Природный образ и скрытая тревога ребенка становятся единым целым, снежный холод выражает острое чувство незащищенности девочки, ее уязвимость, ранимость, оставленность. Это чувство усиливается от осознания того, что *и папы нет* (Там же). В детском сознании семья как сплоченная целостность распадается. Героиня перестает чувствовать тепло и уют родного окружения, что лишает ее душевного покоя.

Маруся «отличается от остальных детей в семье глубокими недетскими переживаниями, которые тем драматичнее, что девочка не может их выговорить» [13, с. 145]. Возвращаясь из больницы домой, мать интуитивно угадывает тоску и печаль дочери. Еще не видя девочки, она *вдруг почувала, как у нее чего-то тоскливо и больно сжалось в груди* [1, с. 168]. Писателю «удается передать проявления глубочайшей внутренней связи матери с детьми» [3, с. 64]. Автор создает тип «эмоционального» портрета маленькой героини, делая особый акцент на глаза: *И столько детской тоски по ласке, столько одиночества было в этих глазенках, что Катерина сама заплакала, бросилась к ней, прижала девочку к себе* [1, с. 168].

Образ-вещь (*большая тряпичная кукла* (Там же)) обретает важный смысл в постижении внутреннего мира Маруси. Очевидно, что игра с куклой, воспроизводящая отношения матери и дочери, помогает девочке скоротать дни тягостного ожидания возвращения самого близкого и родного человека. Как верно замечено исследователем, проблема «недостатка материнского внимания <...> в повести поставлена предельно остро: Катерина почти не бывает дома, и для Маруси постоянное отсутствие матери, являющейся смыслом всей ее маленькой жизни, – трагедия» [13, с. 144–145].

Средней дочери Дрыновых, Катюшке, приходится выполнять роль постоянно отсутствующей матери, что влечет за собой неизбежность раннего взросления. Ее школьные уроки всегда аккуратно приготовлены с вечера. Когда утром плачет младший брат Володя, девочка немедленно просыпается и берет ребенка на руки. Ее строгого руководства опасаются шестилетние близнецы Миша и Вася (*Катюшка каждый раз велит им умыться, такая начальница*), а также *ленивый соня* [1, с. 147] Гришка. Гришка про себя называет сестру *учительницей*, недовольно отмечая, что она *все видела – как Гришка жил и что он делал* (Там же). Перед началом покоса Катюшка *по-взрослому затолкала выехавшую из Гришкиных штанов рубаху* (Там же, с. 221). Мать уже приучает девочку к крестьянскому труду, понимая, что она должна стать хорошей помощницей в ведении домашнего хозяйства.

На первый взгляд, все перечисленное не выходит за рамки обычного воспитания в крестьянской семье: «В традициях русской крестьянской на шестом году жизни дети включались в трудовую активность взрослых – мальчики обычно пасли телят, овец, гусей; девочки учились прясть и ткать, нянчили младших детей, помогали матери по хозяйству. Воплощение этих традиционных устоев находим и в повести В. Белова» [4, с. 42]. Писатель акцентирует внимание на ином аспекте, напрямую связанном с проблемой детских

страданий. Катюшка в полной мере осознает опасность, нависшую над жизнью матери после первого приступа болезни, становится *невеселой: иной раз несет <...> ложку ко рту, да так и не донесет, задумается* [1, с. 169]. Однако самое страшное потрясение в ее маленькой жизни происходит позже, во время сенокоса. Девочка вместе с братом Гришей становится свидетельницей второго сердечного приступа Катерины, приведшего через некоторое время к смертельному исходу. Заметив, что мать упала, Катюшка и Гриша сразу понимают, что случилась непоправимая беда: *Гришка <...> чуть не упал с черемухи, заплакал, ободрал до крови живот, слез на землю. Подбежала Катюшка, и они с Гришкой заревели в голос, заревели на весь лес* (Там же, с. 223). Болезнь и смерть матери становятся травмой, которая, несомненно, останется в душах детей на всю жизнь. Дальнейший жизненный путь Катюшки будет связан с оставлением отчего дома, работой и жизнью у чужих людей.

О старших детях семьи Дрыновых (Татьяне и Анатолии) сообщается не прямо, а косвенно, в монологе бабки Евстолии. Тема страданий оказывается ведущей при описании их жизни. Главный мотив детских жалоб – оторванность от дома и семьи. Татьяне *«напостыло» жить «в чужих людях, ведь уж год скоро, как в няньки отправили, а домой-то охота»* (Там же, с. 154). В изображении Анатолия основным становится мотив плача: *Анатошка-то <...> всю неделю в школе и живет, а как придет на выходной, так и заплачет: «Не посылай, – говорит, – бабушка, меня в школу-то, лучше, – говорит, – буду солому возить», В понедельник-то рано надо вставать, встанет, пойдет да и заплачет* (Там же). Но и находясь в родном доме, Анатолий не обретает желанного душевного умиротворения. Он обеспокоен серьезным ухудшением здоровья матери, внутренне напряжен и тревожен.

Близнецы Миша и Вася – самые жизнерадостные, непоседливые, озорные и беззаботные среди детей Дрыновых. Впервые они появляются на страницах повести в эпизоде, описывающем один день из жизни семьи (глава вторая, часть первая «Детки»). Мальчики просыпаются совершенно счастливыми, их *насквозь пронизывает <...> утренний необъяснимый восторг*, от которого *им захотелось то ли завизжать, то ли полететь* (Там же, с. 146). Близнецы воспринимают друг друга единым целым, все делают вместе: *Васька дотронулся пальцем до самовара, и Мишка дотронулся, Мишка подул на палец, и Васька подул* (Там же, с. 147). Их не тревожат никакие заботы о малышах и домашних делах. На младших братьев, Володю и Ивана, мальчики смотрят с отстраненным любопытством, воспринимая их некими непонятными существами, один из которых плачет, а другой молчит. Детей переполняет жажда движения, поэтому, не умывшись и не дожидаясь еды (Там же), они быстро одеваются и выбегают на улицу. Мальчики очень общительны и нередко к себе в гости приводят *человек шесть сотоварищей* (Там же).

Среди героев-близнецов особенно пристальное внимание уделено образу Васи. Значимыми в изображении маленького героя становятся два эпизода. В одном из них раскрывается творческая одаренность

мальчика, его душевная чуткость к устному слову – сказкам бабушки Евстолии, которые он готов слушать бесконечно. Из всех детей именно Вася нетерпеливо подталкивает рассказчицу к продолжению занимательной истории. Второй эпизод связан с орденом, полученным Иваном Африкановичем во время Великой Отечественной войны. Вскользь услышанные разговоры взрослых о прошедших военных событиях приводят мальчика к мысли надеть *на пузо орден Славы* [1, с. 178]. Ребенок понимает, что орден дается за проявление мужества и храбрости, и, пока в игровой форме, приобщается к «воплощению доблести и отваги» [13, с. 148]. Мальчик в какой-то степени становится «соучастником» военного подвига отца, его смелости и бесстрашия.

Выше нами уже отмечалась особая роль образности в художественном мире В.И. Белова. В повести «Привычное дело» орден становится особым знаком судьбы, прообразом трудного будущего. Безбоязненность, сила духа, способность переносить любые испытания понадобятся Васе в дальнейшей жизни. Трагические события нарушают безмятежное существование близнецов. Вася и Миша – единственные из детей Дрыновых, попавших после смерти матери в приют. Переживания детей не раскрываются автором в полной мере, об их судьбе мы узнаем из рассказа-жалобы бабки Евстолии и покаянного слова Ивана Африкановича, произнесенного на могиле жены. Отец уверяет себя: *Да ведь они санапалы у нас, двойники-то. Остались там, хоть бы им что* [1, с. 260]. В этом замечании скрывается многое: и душевная стойкость, проявленная детьми в тяжелой ситуации, и гордость за сыновей, мужественно переносящих разлуку с домом и семьей.

Обращаясь к теме детских страданий, писатель рассматривает ее в контексте современности. Он показывает, что сложившиеся социальные, экономические условия в жизни русской деревни 1960-х годов таковы, что женщина, мать большого семейства, не имеет возможности заниматься домом и детьми. Она вынуждена оставлять только что родившегося младенца (это происходило после каждого родов), других малолетних детей и идти работать на ферму. О трудовой и семейной жизни Катерины рассказывает бабка Евстолия: *Встанет-то в третьем часу, да придет уж вечером в одиннадцатом, каждой-то божий день эдак, ни выходного, ни отпуску много годов подряд, а робетешка-ти? Ведь их тоже – надо родить, <...> ведь это тоже на организм отраженье давало. А она как родит, так сразу и бежит на работу* (Там же, с. 241). В этом кроется причина трагедии, разыгравшейся в семье Дрыновых: Катерина, надорвавшись от чрезмерной физической нагрузки, умирает в расцвете лет. Дети остаются сиротами, самые маленькие из них (Иван, Володя) совсем не будут помнить матери. По сути, «со смертью матери разрушается целостность своего мира семьи и мира детства, пространства дома» [8, с. 51]. Можно согласиться с мнением исследователя, что «Белов острейшим образом чувствует трагизм отдельной человеческой судьбы и трагизм сельской семьи в целом» [5, с. 7].

Иван Африканович, глава семьи, бывший фронтовик-разведчик, в мирной жизни не способен своим

трудом прокормить семью. Все занятия, традиционно относящиеся к «мужской» работе, почти не приносят дохода. Иван Африканович не отказывался трудиться, напротив, «он вставал раньше Катерины, после вторых петухов, и еще затемно пилил дрова», «когда обозначалась зоря, брал топор, рыбную сумку и шел к реке и озеру, проверять верши, наловились ли рыба», «от утренней зари до вечерней косил колхозное сено, а ночью уходил пешком за семь верст в лес и обкашивал поляны для своей Рогули (коровы), затем возвращался обратно, спал два часа и снова уходил на колхозный покос» [7]. Уход из родной деревни на заработки также не увенчивается успехом.

Не случайно повесть «Привычное дело» из-за остроты поднятых в ней социальных, экономических, нравственных проблем жизни деревни и крестьянской семьи встретила серьезные препоны во время первой публикации. Журнал «Новый мир» и редакция «Советский писатель» отказались печатать повесть. Некоторыми критиками высказывались мнения о том, что писатель «оклеветал колхозное крестьянство» [10, с. 52]. При этом «писатели-“деревенщики” не скупилась на оценки самого высшего порядка» (Там же), по достоинству оценив произведение.

Хорошо зная бедность деревенской жизни, бесправие крестьянина, обреченного непрестанно тяжело трудиться в колхозе и дома, Катерина и Иван Африканович желают своим детям иной, лучшей участи. Поэтому они настойчиво, стараясь не обращать внимание на жалобы Татьяны и Анатолия, направляют их устраивать свою жизнь в городе: <...> *оба с Катериной в голос, пусть, говорят, паспорт получает, чего в колхозе молодым людям?* [1, с. 155]. Писатель отразил начавшийся процесс угасания деревни.

Примечательно, что В.И. Белов, обращаясь к теме детских страданий, раскрывает ее, следуя традициям своих литературных предшественников, когда описание трагического положения ребенка сопровождалось обнаружением причин возникновения такой ситуации. При очевидном сходстве можно отметить и существенные различия в обрисовке проблемы несчастного детства. В произведениях Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.Г. Гарина-Михайловского обязательно присутствует обличительная интонация. В повести Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» (1849) обличение вложено в уста героини: *Что ж мамаша так любит дедушку, а он ее не любит? <...> Отчего же Иисус Христос сказал: любите друг друга и прощайте обиды, а он не хочет простить мамашу?* [6, с. 415]. В очерки «Пошехонская старина» (1883–1884) М.Е. Салтыкова-Щедрина включены рассуждения автора о педагогической «системе»: *педагоги, служащие ей не только за страх, но и за совесть, делают ребенка злосчастным* [11, с. 79]. В очерке Н.Г. Гарина-Михайловского «Исповедь отца» (1896) обвинение звучит еще более определенно и персонафицировано: *Этот крошка приходил сюда, на землю, чтобы спеть свою маленькую, очень коротенькую песенку любви. Ты <отец> мог этому певцу дать все счастье, – оно от тебя зависело. Ты дал ему? Ты отнял у него это счастье* [2, с. 42]. В повести В.И. Белова «Привычное дело» ближний и дальний социальный мир, окружающий маленьких героев, не подвергается

прямой критике. Несовершенство условий жизни, приводящих к трагическим последствиям и детским страданиям, представлено в монологах-исповедях Ивана Африкановича, рассказах-жалобах бабки Евстоли, повествовании от третьего лица. Герои лишь констатируют тяжесть существования, повествуют о глубине личных переживаний, но не критикуют и не обличают.

Повесть В.И. Белова «Привычное дело» относится к «деревенской прозе» – «термин, который вошел в критический и литературоведческий обиход в 1960-е годы» [9, с. 8]. Произведения о трудном детстве, созданные В.П. Астафьевым («Последний поклон», 1968), Ф.А. Абрамовым «Трава-мурава», «Братья и сестры») и др., становятся «обращением к художественному осмыслению своей жизни в пространстве деревни и России» [8, с. 50]. Тема тяжелого детства здесь соотнесена с социальными, экономическими, нравственными проблемами русской деревни, историческими катаклизмами 1930–1960-х гг. Вместе с тем, можно говорить о разных повествовательных дискурсах произведений: «Последний поклон» написан от первого лица и строится как воспоминание автора о своем детстве, повествование в «Привычном деле» ведется от третьего лица. В произведениях Ф.А. Абрамова «детство так сопряжено со взрослой жизнью, что ни на мгновение не является беззаботным временем, становясь этапом жизни, ограниченным во времени и пространстве, эмоциональные смыслы которого исчерпаны в настоящем времени, уже ставшим прошлым» (Там же, с. 51). Впрочем, вопрос и преемственности и новаторстве В.И. Белова в раскрытии темы детских страданий требует отдельного детального исследования.

Таким образом, одной из важных тем, поднятых в повести В.И. Белова «Привычное дело», является тема детских страданий. Основное внимание в произведении уделено описанию жизни семьи, в которой дети страдают от постоянного отсутствия матери, ранней трудовой повинности, невозможности оставаться в родном доме из-за необходимости продолжать обучение, угасания русской деревни. В раскрытии внутренних переживаний маленьких героев важное значение обретает образ-вещь (люлька, кукла, орден). Тема несчастного детства включена автором в контекст современности и осмыслена в рамках «деревенской прозы». Причины тяжелого положения героев-детей, представленные в повести, обусловлены социально-экономическими условиями жизни русской деревни 1960-х годов. Обращаясь к теме тяжелого детства, В.И. Белов следует традициям отечественной литературы о «несчастном детстве», представленной в произведениях Ф.М. Достоевского, Н.Г. Помяловского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.Г. Гарина-Михайловского и др. Одновременно с этим проблема несчастного детства в его произведении получает оригинальное решение, проявляющееся в обращении к проблемам современности, попытке передать специфику младенческого миропостижения, вниманию к образу-вещи, соединении природной образности и внутренних переживаний героя-ребенка, введении монологов-исповедей, рассказов-жалоб персонажей, отсутствии прямой критической направленности текста.

Литература

1. Белов, В. И. Собрание сочинений. В 5 томах. Том 1. Рассказы, повести, очерки / В. И. Белов. – Москва : Современник, 1991. – 608 с.
2. Гарин-Михайловский, Н. Г. Собрание сочинений. В 5 томах. Том 4. Очерки и рассказы, 1895–1906 / Н. Г. Гарин-Михайловский. – Москва : Художественная литература, 1958. – 724 с.
3. Головкина, С. Х. Нравственные традиции формирования семьи в повести В. И. Белова «Привычное дело» / С. Х. Головкина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 6 (75). – С. 63–66.
4. Головкина, С. Х. Образное воплощение темы детства в повести В. И. Белова «Привычное дело» / С. Х. Головкина // Вестник Вологодского государственного университета. Сер. Исторические и филологические науки. – 2021. – № 4 (23). – С. 40–44.
5. Дворянова, Н. В. Художественное постижение истории и современного состояния семьи в творчестве В. И. Белова 1960–1970-х годов : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. В. Дворянова. – Москва, 2008. – 25 с.
6. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 томах. Том 2. Повести и рассказы, 1848–1859 / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1972. – 527 с.
7. Мелкумова, К. К. Взгляд на семью сквозь призму социально-бытовых проблем (по повести В. Белова «Привычное дело») / К. К. Мелкумова // К особенностям инициатив с географическим признаком объективирующих концепт Sibirien в немецкой концептуальной картине мира. – URL: <https://textarchive.ru/c-2149214-p40.html> (дата обращения: 31.08.2022). – Текст : электронный.
8. Неверович, Г. А. Хронотоп детства в деревенской прозе / Г. А. Неверович // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1–2 (56). – С. 49–51.
9. Партэ, К. Русская деревенская проза: светлое прошлое / К. Партэ. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2004. – 204 с.
10. Розанов, Ю. В. Повесть В. И. Белова «Привычное дело» в общественно-политической ситуации 1960-х годов / Ю. В. Розанов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 7 (184). – С. 51–55.
11. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений. В 20 томах. Том 17. Пошехонская старина / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 624 с.
12. Суворкина, Е. Н. Колыбель: культуролого-этнографический подход к исследованию первого внеутробного локуса / Е. Н. Суворкина // Вестник славянских культур. – 2017. – Т. 46. – С. 86–93.
13. Федорова, А. В. Детская игра как прием гендерного моделирования в повести В. И. Белова «Привычное дело» / А. В. Федорова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2017. – № 6 (81). – С. 143–149.

E.Y. Shestakova

THE TOPIC OF CHILDREN'S SUFFERING IN V.I. BELOV'S NOVELLA *THE USUAL THING*

The article examines the features of the artistic embodiment of the theme of children's suffering in V.I. Belov's novella «The Usual Thing». The problem of unhappy childhood is considered in close connection with the socio-economic conditions of life in the Russian village in the 1960s.

V.I. Belov, novella, «The Usual Thing», the theme of children's suffering, the image of a child.

УДК 811.161.1
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Е.А. Военушкина
Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

КАТЕГОРИЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ДОСТОВЕРНОСТИ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ ТЕКСТЕ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ

В данной статье приводятся результаты наблюдения над корпусом зафиксированных текстов сказочной прозы, где основным элементом фабулы является рассказ о встрече с нечистой силой или любым другим представителем иного, потустороннего мира. Особое внимание уделяется роли категории персональности как элементу убедительности и достоверности в том, что говорящий воспринимает встречу со сверхъестественным как произошедшее с ним (или его близким) в реальной действительности.

Лингвофольклористика, семиотика, мультимодальная лингвистика, сказочная проза.

Введение

Изучение естественной коммуникации сегодня является приоритетом во многих разделах не только филологии, но и гуманитарных наук в принципе. По всей видимости, это связано со сменой исследовательского фокуса: внутренние мотивы человеческого поведения становятся актуальны в такой же степени, как и внешние. Такой подход называется антропоцентрическим. «Антропоцентризм обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [7, с. 212].

Данный подход возможен еще и благодаря технологическому прогрессу. Стоит вспомнить, насколько сложной была фиксация фольклорных текстов в конце XIX и начале XX века. Даже братья Соколовы отмечали: «Как описать мимику, жесты, интонацию певцов и рассказчиков? Как подметить все это, а подметив, сохранить и передать другим? Ведь один готовый текст песни без соответствующей записи интонации, артистических приемов исполнения и т. д. – не точен, как запись песни без нот» [11, с. 43].

Еще одна сложность, которая вставала у исследователей на пути к истине, – это приоритет письменной формы над устной. Это объясняется логикой развития науки, так как зафиксированный, а именно записанный вербальный текст являлся долгое время объектом исследования в филологии. Однако с точки зрения эволюции языка, безусловно, устная речь является наиболее архаичной и сформировалась задолго до появления письменности.

Эволюция научной мысли сейчас оказалась на такой стадии, когда появились технические возможности фиксации устной речи. Анализ любого текста, насыщенного разными типами информации, становится возможным благодаря формированию мультимодальной лингвистики.

В особом положении находится фольклорная речь. Такая речь является устной и спонтанной уже по своей сути, поскольку посредством коммуникации носители той или иной культуры обмениваются и передают элементы традиции следующим поколениям. Как правило, в ходе ритуала или обряда усваиваются и накапливаются самые важные концепты традиции и правила мироустройства, принятые в отдельном обществе.

Конечно, на особенности усвоения определенных правил влияет и жанр фольклорного текста. Однако, по своей сути, такая речь является естественной с точки зрения устной спонтанной коммуникации. Фольклорная речь воспринимается адресатом как единство слова, жеста, интонации, т.е. как изначально мультимодальная. Насыщенность любого ритуала разными семиотическими модусами А.К. Байбурин объясняет тем, что «с начала и до конца ритуала его участники как бы находятся на сцене» [1, с. 202]. Для участников обряда наиболее важно понимать традицию самому и обеспечить понимание друг друга, поскольку для этого используются все возможные формы речи: «так называемые темные слова, глоссолалии, изменение тембра голоса, скорости речи и т.п.» (Там же).

Гипотеза исследования заключается в том, что не только вербальные признаки повествования, но и другие семиотические ресурсы (интонация, жесты, поза, тональный и акустический центр высказывания и др.) отражают убеждение и уверенность говорящего в произошедшем в реальности, а отделяющая жанры сказочной прозы категория персональности не является основным показателем достоверности, как это было принято в фольклористике долгое время.

Материал, методы, обзор

Исследуемым речевым материалом являются транскрипции мультимодальных «текстов» сказочной прозы. Мультимодальный текст – это «многоком-

понентное смысловое и функциональное единство, информация которого передается по вербальному, визуальному и просодическому каналам с помощью разных семиотических кодов» [10, с. 17].

Элементами каждого информационного канала являются разные единицы. Минимальным компонентом вербально-просодического модуля является элементарная дискурсивная единица (далее – ЭДЕ). Традиционно считалось, что основной единицей речи являются предикативные конструкции [8, с. 119], но и современные исследователи устного дискурса учитывают не только синтаксический критерий строения речи, а также и не-сегментные единицы просодики. В данном случае релевантен термин ЭДЕ, поскольку использован в корпусном исследовании «Рассказы о сновидениях» [6], где анализируется устная речь носителей русского языка.

Кроме формального разделения речи на отрывки в транскрипции указываются просодические характеристики: паузы, их длительность, завершенность/незавершенность ЭДЕ, акценты, несущие акценты и другие дискурсивные явления, влияющие на смысл высказывания.

Визуальный канал представлен жестами, направлением корпуса и взора. Используется жестовая классификация Г.Е. Крейдлина: регулятивные, иллюстративные и эмблематичные жесты [4].

Автору статьи удалось обработать 97 «текстов» несказочной прозы. Материалом для мультимодального анализа мифологических текстов являются видеозаписи фольклорного архива научно-исследовательской лаборатории «Филологические исследования духовной культуры Севера» Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. При научно-исследовательской лаборатории сформирован фольклорный архив. В результате экспедиций 1994, 1996, 1997, 2007, 2008 годов набран основной материал для исследования. Экспедиции проходили в Усть-Цилемском и Прилузском районах Республики Коми, а также некоторые записи сделаны в Юрьянском районе Кировской области.

Выбор несказочной прозы в качестве материала для исследования был сделан неслучайно. Жанрами несказочной прозы считаются былички, бывальщины, поверья, легенды и другие мифологические рассказы. Однако в данной статье основной упор делается на первые два жанра, поскольку именно в них фиксируется жанровое разделение путем применения категории персональности. Основными критериями, по которым происходит разделение сказочных жанров от несказочных, являются функционально-коммуникативная характеристика и отношение к вымыслу в этих фольклорных произведениях.

Тексты жанров сказочной прозы регламентированы в большей степени, в отличие от текстов несказочной прозы, поскольку в первой группе носитель традиции передает конкретные мотивы, напевы, которые могут варьироваться в соответствии с территорией распространения. Соответственно в текстах несказочной прозы наблюдается большая вариативность и спонтанность, и даже схожесть с устной речью, потому что в быличках и легендах передается не столько устойчивый мотив, сколько определенные правила мироустройства. Эти произведения настолько тесно сплетаются с бытовым дискурсом, что, как правило, в них не отмечаются специфические стилистические и

художественные средства, в них могут отсутствовать такие традиционные композиционные элементы нарратива, как зачин и концовка. «Их время тоже не выделено, оно сливается с физическим временем рассказчиков и слушателей» [13, с. 33].

Если в быличке и в исторической сказке наличие вымысла является проявлением эстетической функции, то в быличке – это скорее информирование и назидание. В первой группе жанров говорящий осознает художественный вымысел. Для жанров второй группы характерна установка на достоверность [9, с. 9]. Данная категория важна постольку, поскольку указанные неэстетические коммуникативные функции могут реализоваться лишь с уверенностью говорящего в том, о чем он говорит.

Для выражения анализируемой категории в лингвистике выделяются определенные языковые средства. Ими являются разные лексические, морфологические и синтаксические маркеры. Как правило, выделяются следующие:

- а) модальные слова типа *вероятно, возможно, может быть* и т. п.;
- б) модальные частицы *разве, неужели, ведь, да, же* и др.;
- в) предикаты мнения типа *думать, полагать*;
- г) модальные глаголы и предикативы *мочь, можно, должен* [2, с. 159].

Безусловно, это не единственные средства выражения семантики достоверности в высказывании. В этой статье не ставится цель перечисления всех средств выражения достоверности, поэтому указаны лишь наиболее типичные и объединенные по синтаксической структуре и функции. Кроме указанных, также выделяются модальные слова, которые выполняют роль предиката, модальные фразы с формами 1 л. ед. ч., видо-временные формы: формы настоящего-будущего СВ со значением уверенности, инфинитивные конструкции и т.д. (Там же, с. 159–161).

С точки зрения логической операции (или пропозиции), которая лежит в основе ситуации достоверности, считается, что говорящий оценивает степень полноты своих знаний относительно события реальной действительности (Там же, с. 162).

Объективно информация, лежащая в основе высказывания, достоверность которого оценивает говорящий, подразделяется на следующие подтипы:

- 1) *непосредственная информация*, полученная в результате личного опыта, опирающаяся на чувственные каналы восприятия;
- 2) *косвенная информация*, которая с помощью определенных умозаключений дает возможность оценивать ситуацию;
- 3) *информация, полученная опосредованно*, кем-то переданная субъекту (Там же, с. 162–163).

Субъективная оценка информации, лежащей в основе высказывания, оценивается говорящим с точки зрения истинности и соответствия реальной действительности. Говорящий дает оценку вне зависимости от полноты информации, посредственном или опосредованном ее получении.

Соответственно, как говорящий оценивает свое собственное знание, выделяются следующие типы ситуаций:

1) *ситуация простой достоверности*, когда говорящий не подвергает сомнению истинность своего высказывания. «Данная ситуация выражается с помощью повествовательных высказываний с глаголом в изъявительном наклонении и не содержит эксплицитных маркеров достоверности» [2, с. 167];

2) *ситуация категорической достоверности*: говорящий может подвергать сомнению истинность своего высказывания, что выражается модальными словами, рассеивающими сомнения (конечно, безусловно, на самом деле и т.д.);

3) *ситуация проблематической достоверности*, когда говорящий выражает сомнение по поводу истинности пропозиции по причине, например, забывчивости.

В проанализированных мультимодальных текстах несказочной прозы объективность информации позволяет стать жанрообразующим признаком. Имеется в виду содержание понятий *быличка* и *бывальщина*. По предположению И.С. Веселовой, *бывальщина* отличается от *былички* только формой передачи. Адресант излагает бывальщину от 3 л., а не от 1 л., как это делается в быличке [3]. Соответственно фабула былички – это непосредственная информация, а бывальщины – опосредованная, поскольку была получена от знакомого, родственника, друга и т.д.

С точки зрения оценки истинности своего высказывания, а дальше и мифологического текста, могут выявляться следующие примеры быличек: *Мы вот раньше... сено убирали. Туда... у реки убирали сено. Сидим на поле... у нас раз копно упало, два копно упало. Она сидит и-ии... там... <одна> тоже на листьях все работали. Там Анька сидит и говорит: «Лешак-от все и валит. Так вы видите или нет?» Как всю копну подняло и загребло все вверх! Вот бабы-те наматюкались... он опустил. Вот как раньше жили [ВФ 2302, Островская А.И., ЭДЕ № 1–13]; А тут вот опять... к сыну ездила... в Таврический. Крыльцо-то большое... а тут <НРЗБРЧ> то наше крыльцо то небольшое. Оно и при них. А там тоже... старушка была: «Аристарховна сколько я тебя не видала! Иди, посидим, поговорим». Я говорю: «Давай! Посидим, поговорим». Она поглядела на меня, да и говорит: «Подойди, говорит, к зеркалу. Да посмотришь в это... зеркало. Тебе, говорит, намного хуже стало!» Да я говорю: «Я ж не цветущая была. Что я цвету да хорошею?» Старая да, вот и худею. Она принесла зеркало... и говорит: «Посмотришь-ка». Я говорю: «А что мне смотреться?» Я говорю: «И сейчас смотрелась да... платок накидала». «А что, говорит, не посмотришь?» Я говорю: «Не нужно, не буду я смотреть-то». Она говорит: «Видишь, какая ты». А я говорю: «А чего?» Она говорит, а я вот с одной, говорит, сидела и говорила. И говорю: «Ой, какая ты худая стала, врешь, наверно». А я говорю: «Что я <НРЗБРЧ> пожила и хватит. Вру так вру, а может ещё поживу». Она говорит: «И все ты вот своё говоришь!» А я говорю: «А что, как ваше надо? Не буду ваше, и говорю не ваше!» Я долго жила, она вперед меня умерла.*

А говорит, той женицине сказала. Годы не прошло, и она умерла. «Что-то затосковала, говорит, затосковала». «Не надо так, говорит, делать». Зачем друг дружку ту угроблять то?! [ВФ 2302, Ли-

стова Е.А., МТ № 10, ЭДЕ № 1–52]; *Чёрт её знат, чего она знала. И она... знала... немозожко то. Вот... ходят к ей в огород никака курица не зайдёт, и в свои <НРЗБРЧ> чужое ходят... во своё не заходят. Картошку не перерывают... ниче. Не знаю!* [ВФ 2302, Листова Е.А., МТ № 11, ЭДЕ № 1–9]; *Вот-то какой-то пришёл... ко мне... мужик, а я не знаю. Я его... так за нос схватила дак он убежал. Не знаю, какой-то человек. Он мне пришел да задевает, со мной ничего не говорит да молчит. Ничего не говорит. Может во сне видела, да не знаю я ничё. Схватила за нос, да и ушёл уж. Не знаю, какой человек да никого нет. Не знаю, вот и поманило <НРЗБРЧ> не знаю* [ВФ 2302, Рудакова А.В., ЭДЕ № 1–21].

В первых двух приведенных примерах быличек можно выделить ситуацию простой достоверности, когда говорящий непосредственно сам был очевидцем встречи со сверхъестественным, а маркеров, транслирующих сомнения, здесь нет. Более показательны с точки зрения сомнения говорящего следующие два примера. Здесь очевидны маркеры сомнения: *Чёрт её знат, чего она знала. Не знаю!*; *Вот-то какой-то пришёл... ко мне... мужик, а я не знаю. Не знаю, какой человек да никого нет. Не знаю, вот и поманило <НРЗБРЧ> не знаю.* Выделенные модальные слова и устойчивые выражения со значением недовольства и досады от неполного понимания произошедшей ситуации. В данном случае информантки выражают сомнение в подробных обстоятельствах встречи, что довольно важно для мифологического нарратива, но сама бытийность встречи не подвергается сомнению. В первом случае рассказчица сомневается в том, что именно знала женщина, которая хотела ее сглазить. Эта позиция выражена предикативно, глаголами в форме настоящего времени. Во втором же случае говорящая сомневается, кого конкретно (*какой-то; не знаю, какой человек*) она видела, но саму встречу сомнению не подвергает, что выражено неопределенными местоимениями.

Что же касается бывальщин, то относительно объективной оценки передаваемой информации и, как уже было сказано, средством различения жанров является пропозиция, переданная рассказчику другим лицом. Сверхъестественное событие, произошедшее в фабуле нарратива, не произошло непосредственно с рассказчиком, но он и слушатель, как представители одного культурного поля, сразу понимают, о чем речь. Например, в бывальщине о том, как одного мальчика изругала одна старушка. Она же его и нашла за шкафом. Как только ребенок был найден, он сразу принялся куда-то бежать. Старушка заговорила воду, дала ему выпить этой воды, и только тогда он успокоился. Поскольку информация этого текста была получена рассказчицей опосредованно, она сразу же и обозначает канал полученной информации: *Одна женицина... с Демьянова приехала. Ну вот, парнишка пять дней дома не ночевал...* [ВФ 2302, Островская А.И., МТ № 1, ЭДЕ № 1–5]. В других мифологических текстах также наблюдается данная тенденция: *Рассказывали вот... ну один мужчина тоже шел...* [ВФ 2302, Островская А.И., МТ № 5, ЭДЕ № 6–7]; *Манило, у меня вот... мачеху манило. Не раз манило...* [ВФ 2302, Листова Е.А., МТ № 8, ЭДЕ № 1–2]; *Уехали в магазин, мне там как-то дали лоток... шерстяной. Ну ладно... мы поехали в магазин.*

Мы поехали в магазин... тятя говорит... [ВФ 2302, Листова Е.А., МТ № 9, ЭДЕ № 1–5].

Отмечается особенность преодоления дистанции между рассказчицей, ее информантом, который эту историю передал ей, и слушателем. Александра Ивановна, как и другие информантки, нивелирует эту опосредованность с помощью передачи истории от первого лица. Выглядит это следующим образом: рассказчица при любом удобном случае обозначает собственную непричастность к произошедшему в мифологическом тексте, обозначая это глаголом в форме 3 л. *говорит*. Например: *Одна бабушка только его изругала. «Я, говорит, не ругала; Она пришла сюда и говорит. И стала рассказывать: «Так и так. Вво... да... Да он, видишь, стоит заступом...»*. Используя лексику '*говорит*', а затем прямую речь и повествование от первого лица, рассказчица фиксирует, что встреча со сверхъестественным произошла не с ней, а затем пытается воссоздать фабулу истории для слушателя, будто все, о чем она рассказывает, происходит в момент рассказывания.

С точки зрения субъективной оценки, как говорящий оценивает свое знание, полученное от другого человека, можно отследить следующие примеры. В бывальщине, где мачеха изругалась и потеряла коров в лесу, на следующий день их нашел отец рассказчицы: *Сейчас, говорят, догонит нас. Да нет, да нет, да нет, да нет, да искали. И так вот... тятя... в тёмну побежал. (Я-то вот уже ничего не помню этого. Это он рассказывал всё). Побежал в тёмну, бежит, бежит, бежит... тухо. Ничего не видно, ни где, никто не откликается... вот. И на корове было... колокол навязан... колокол. И колокола не слышно. Ну и потом, говорит: «Где-то бежал, бежал. Это что, говорит, вроде, говорит, как наши бык...»* [ВФ 2302, Листова Е.А., МТ № 8, ЭДЕ № 46–47]. В рассказе о том, как девушка пошла на Пасху в клуб, а обратно ее принесли и потом она до смерти так и не смогла ходить, можно отследить следующие маркеры сомнения: *Так я вот только наверно с девочками раньше дак... <НРЗБРЧ> не ругайтесь так. Вот вечером-то они туда ходить. В Лаське-то у нас... пошли две девочки... Иль на Паску... ага... на Паску... А что вот говорят... старичок, **наверное**, како-нибудь богушко был...* [ВФ 2302, Листова Е.А., МТ № 13, ЭДЕ № 9–13, 41–43].

В приведенных примерах можно отметить такую же тенденцию, как и в быличках. Имеется в виду выражение сомнения по поводу подробностей встречи, а не наличия самой встречи. Насчет последнего как раз таки и нет сомнений, поскольку встреча со сверхъестественными силами довольно логично встраивается в рамку мироустройства представителя мифологического мышления. Как только нарушается негласное правило, например идти на священный праздник (Пасху) развлекаться или обругать кого-либо, тогда и происходит четкое разграничение того, что правильно или неправильно делать в данной культуре.

Как видно из указанных примеров, тенденция к сомнению в обстоятельствах встречи не зависит напрямую от жанра мифологического текста, будь то быличка или бывальщина. Соответственно разграничение былички и бывальщины с точки зрения персональности на уровне жестикюляции и просодии не

особенно актуально, поскольку говорящему не так важно, от кого именно была получена информация: встреча произошла с самим говорящим или с его знакомым, родственником и т.д.

Результаты и обсуждение. Выражение категории персональности на уровне жестов и просодии

Данные, полученные в результате мультимодальной транскрипции текстов несказочной прозы, позволяют подтвердить эту гипотезу.

Поскольку говорящий является участником текста как элемента фиксации события, которое происходило в действительности, то категория лица может быть и не так важна, но степень его включенности в событие указать стоит. На это обратила внимание В.А. Черванева, исследователь предложила для несказочной прозы коммуникативные модусы, которые наиболее объективно отражают роль говорящего внутри нарратива и позволяют вывести критерий по разделению жанров несказочной прозы. В соответствии с событийным статусом рассказчика в повествовании выделяются следующие коммуникативные модусы: делал, видел, слышал, был/находился рядом [12, с. 114–117].

Модус «я делал» содержится в выражении личного мистического опыта. Говорящий сам был свидетелем встречи со сверхъестественным, которая произошла по его инициативе или же внезапно и неожиданно. Например, в быличке Лобановой Агнии Павловны, как она загадала, куда и за кого выйдет замуж, ей приснилась гора, так и вышло в действительности. Женщина вышла замуж за человека, чей дом располагался возле горы: *Я уж дома жи... дома ещё... девушкой была я. Аааа... у меня братья старшие, я четвёртая уж была. Сестра замуж ушла. Бра... братья... обоих взяли... ещё... в армию. Нет... от это уж после арми... после войны уже было. Я за коровами ходила, коров доила на ферме. Один от брат женился... ушёл. Другого убили... ну... а эти еще малы... не робили. Еще после меня трое, ну... яяя... я в ферме коров доила, а там бабы. Знаешь, все рассказывают. Мне интересно было... они там тоже гадают... да раньше, как гадали да... ну там. Ну че как раньше они жили да... как прями да тоже... гуляли да это все. Все рассказывали про себя и... ии рассказывают. Та вот я про себя загадала... так вот... про себя загадала: уйду ли замуж? Ну и сказали, говорят. А одна говорит: «Я вот... семянами обсыпалась кругом, легла спать дак... ну... потом чё-то увидела... куды идти... взвоз, взвоз, на повить заезжают, да взвоз какой увидела. Ну... я домой пришла, сперва на печь легла... а на печи какое-то жито было...* [ВФ 1338, Лобанова А.П., МТ № 42, ЭДЕ № 1–57]. Из примера видно, что мифологический текст насыщен деталями, порой не относящимися к сущности беседы. Имеется в виду, например, сколько было братьев у информантки, что с ними стало и т.д.

В самом начале повествования Агния Павловна использует жестовые указания на саму себя – автодейксис, причем используются сразу две руки в совокупности с элементом вербального модуса – личным местоимением (я), что позволяет предполагать содержание данного высказывания как перформатив «прошу поверить» [5, с. 192].

Упоминание судьбы братьев в содержании рассказа сопровождается активной жестикуляцией – использованием дейктических жестов ладони, причем повествование о каждом брате дополняется разным расположением и направлением, как бы подчеркивая, что у каждого был свой путь в жизни.

Мультимодальный текст данного рассказа изобилует большим количеством иллюстративных жестов, имитирующих действия рассказчицы. Например, как женщина обсыпала себя горстью жита [ЭДЕ № 67–70], при сбывшемся сне Агния Павловна интенсивно разворачивает корпус в сторону горки, причем конфигурация и интенсивность жеста позволяют сделать вывод, что гора информанту казалась действительно большой, поскольку ладонь располагается над головой и поднимается вся рука [ЭДЕ № 76–80, 105–114].

Следующий коммуникативный модус «я видел» представляет пропозицию, когда говорящий не вступал в контакт с потусторонними силами, но был свидетелем этого события. В качестве примера можно привести текст, записанный от Лидии Ивановны Семенюк: *А у меня, например, лично было. Алёна у меня внучка. Третий курс, между прочим, закончила, СГУ-то этот самый. Вот вчера... последний экзамен был... на пятерку сдала. Я говорю: «Не автоматом? – «Нет, бабушка, сдавала». Ну ладно, хорошо, сдавала дак. Три пятерки, дак. Да че у вас-то? К ебени матери-то, это самое... мучают. Пять экзаменов надо было девке сдавать! Ой... ой. Ну дак вот тут... ладно две четверки да три пятерки. Дак слава богу... вот. А первого, говорит, приеду... Это самое... домой тут, да она не здесь... да она с матерью... да ко мне-то тоже приедут. Ну вот... Это самое... и у ней был... стоматит. Стоматит этот настоящий. Ну мы лежали с ней в больнице... у нас ниче, все... все покрьюсь... белый налёт во рту... [ВФ 1336, Семенюк Л.И., МТ № 36, ЭДЕ № 1–37].* История закончила тем, что Лидия Ивановна обратилась к знахарке, которая прочитала молитву и вылечила внучку стоматит. С точки зрения мультимодального анализа, можно выделить следующие маркеры модуса «делал». Вербально это выражается средствами категории достоверности: использованием наречия (лично) с указанием на свою персону и личного местоимения (я) в форме Р. п. Закономерен попутный комментарий о своей внучке. Информант рассказывает, где учится девушка и как сдала экзамены. Зная, что с ней беседуют преподаватели университета, женщина сетует на большое количество экзаменов.

С точки зрения мультимодальности, данный комментарий произносится с повышенной скоростью речи, а также с использованием иллюстративного дейктического жеста головы с указанием темпоральности. [5, с. 206]. Событие, которое произошло вчера, осознается говорящим сзади, как направление на оси времени (сагиттальной) [ВФ 1336, Семенюк Л.И., МТ № 36, ЭДЕ № 7].

Несмотря на то что событие, о котором говорит информантка, уже произошло, используется дейктический жест с указанием по сагиттальной оси вперед, а не назад. Предполагается, что такое указание связано с категорией достоверности и убедительности. Произошедшее говорящий хочет представить не как что-то завершенное, а как то, что находится сейчас

перед ним, чтобы слушающий был полностью погружен в диалог и убедился вместе с рассказчиком, что встреча со сверхъестественным была и в какой-то степени оживает перед ним. Не просто так используются иллюстративные жесты, ярко имитирующие действия знающей старушки, как она читала молитвы, как позевала [ВФ 1336, Семенюк Л.И., МТ № 36, ЭДЕ № 45–47]. При этом полностью утрачивается визуальный контакт со слушателем, поскольку все тело и коммуникативное пространство рассказчика занято имитацией произошедшего тогда – меняется выражение лица, закрываются глаза. В конце рассказа используется эмблематический жест – отмахнуть рукой – при выражении *как рукой сняло*.

Коммуникативный модус «я слышал» представляет собой конкретный или обобщенный опыт других людей. Причем говорящий не является свидетелем данного события. В рассказе, как одна колдовка тяжело умирала и просила мужа привести кого-то, чтобы передать свой дар, знающая женщина смогла легко отпустить дух только тогда, когда передала свой дар другой женщине: *Они тяжело умирают из-за того... что им надо обязательно это... эти заговоры кому-то передать. Например, если они вот знают, то они... надо их вот кому-то передать. Вот одна женщина в Искре была... там очень она на худое-то очень знала. Ну и так она тяжело умирала... дак потом она мужа то просила... ради Христа-бога хоть кого... хоть кого-то приведи... [ВФ 1336, Семенюк Л.И., МТ № 37, ЭДЕ № 1–12].*

Как и в предыдущих коммуникативных модусах, отмечается наличие указательных жестов при упоминание местонахождения и/или лица, имеющего значение для говорящего. При упоминании места жительства колдовки (в Искре) информантка указывает ладонью вверх. По всей видимости, данный жест является когнитивным: «Несуществующий объект указания представляется существующим и, соответственно, говорящий может на него посмотреть и тем самым задать искомую плоскость» [5, с. 59]. Также наблюдается имитирующий жест – резкий удар боковой стороной ладони. Он дополняет вербальное содержание модуса – душу испустила [ВФ 1336, Семенюк Л.И., МТ № 37, ЭДЕ № 19].

Как отдельный модус В.А. Черванева выделяет пропозицию «я был рядом». В подобной ситуации не отмечается источник получения информации либо становится непонятно, от кого получены сведения. Здесь можно привести пример мифологического текста, записанного от Лобановой Агнии Павловны. В деревне, где она жила, говорили, что если пройти вечером возле мельницы, то можно увидеть черную собаку, не доходя до города эта собака исчезала мистическим образом: *Вот тут говорят. Тоже мельница вот тут была... да по речке-то. Да говорят... всё манило. Это... собакой, говорят, чёрной. Идешь по мосту... вечером... в сумерке... чеерная собака выйдет... и идёт возле тебя. Не кусается и ниче ш... пойдёшь дальше... до полного города дойдёшь... и никого, собаки нет. Ничё, никуда [ВФ 1338, Лобанова А.П., МТ № 54, ЭДЕ № 1–15].* Теоретически подобные рассказы можно соотносить с жанром поверья, поскольку категория персональности здесь выражена

лишь формами глаголов во 2 и 3 л. (идешь, идет, не кушается, пойдешь, дойдешь). Как показывает мультимодальный и дискурсивный анализ текстов подобного рода, рассказы с коммуникативным модусом «я был рядом» намного короче «текстов» с модусами «я делал», «я видел», «я слышал». Среднее количество ЭДЕ в таких рассказах ограничивается двадцатью элементами. Визуальный модус, как правило, представлен менее интенсивно. В указанном рассказе информантка использует лишь указательные когнитивные жесты при упоминании месторасположения мельницы.

Заключение

Таким образом, категория персональности, ставшая основным жанрообразующим признаком, разделяющая мемораты от фабулатов, является не самой важной с точки зрения коммуникации. Говорящему в принципе важно то, что встречи со сверхъестественным возможны в реальной действительности. Мультимодальный анализ «текстов» показал, что коммуникативные модусы «я был», «я видел» и «я слышал» наиболее насыщены личными переживаниями и включением в ситуацию рассказывания, поскольку говорящий пытается воссоздать картину, которая происходила в реальной действительности с помощью жестикюляции и интонационных колебаний. При этом используя разные средства вроде автодейксиса или ручных указательных жестов, эмблематических жестов.

Противопоставлением упомянутым коммуникативным модусам является ситуация «я был рядом», поскольку отдаленно напоминает поверье или суеверный рассказ. В данных мультимодальных текстах представляется как бы коллективный опыт взаимодействия с нечистой силой, поэтому говорящий не включен в ситуацию рассказывания настолько, как в предыдущих модусах. Максимум, на который способен информант, – это иллюстративные когнитивные жесты со значением указания на месторасположение пространства, в котором произошла встреча со сверхъестественным.

Сокращения

ВФ – видеофонд фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина.

МТ – мультимодальный текст и его номер в мультимодальном корпусе.

ЭДЕ – элементарная дискурсивная единица, минимальный компонент вербального информационного канала.

Источники и их сокращения

ВФ2302 – Подосиновское собрание – Подосиновский район Кировской области (записи 1994 г., собиратели –

Г.С. Савельева, А.В. Панюков). Зафиксирован материал от следующих информантов: Островская Александра Ивановна, Листова Евдокия Аристарховна, Рудакова Алена Васильевна.

ВФ 1338, 1336 – Прилузское собрание – Прилузский район Республики Коми (записи 2007 и 2008 гг., собиратели – Т.Н. Бунчук и Е.А. Шевченко). Проанализированы тексты от следующих информантов: Семенюк Лидия Ивановна, Лобанова Агния Павловна.

Литература

1. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – Санкт-Петербург, 1993. – 240 с.

2. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность: коллективная монография / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин [и др.]. – Ленинград, 1990. – 264 с.

3. Веселова, И. С. «Несказочная» проза: мифологические нарративы / И.С. Веселова // Фольклор и фольклористика. Современная научная парадигма и образовательные технологии. – URL: <http://etmus.ru/folyklor-i-folykloristika-sovremennaya-nauchnaya-paradigma-i-obrazovatelyne-tehnologii/> (дата обращения: 05.07.2023). – Текст : электронный.

4. Григорьева, С. А. Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. – Москва, 2001. – 255 с.

5. Гришина, Е. А. Русская жестикюляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования: монография / Е. А. Гришина. – Москва, 2017. – 744 с.

6. Кибрик, А. А. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / А. А. Кибрик, В. И. Подлесская. – Москва, 2009. – 736 с.

7. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX в. – Москва, 1995. – С. 144–238.

8. Лаптева, О. В. Русский разговорный синтаксис: монография / О. В. Лаптева. – Москва, 1976. – 399 с.

9. Померанцева, Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре : монография / Э. В. Померанцева. – Москва, 1975. – 194 с.

10. Сергеева, Ю. В. Мультимодальный текст как предмет искусства / Ю. В. Сергеева // Традиционное и новое в лингвистике, переводоведении, лингвокультурологии и лингводидактике : сборник статей / под редакцией Г. А. Баевой. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2017. – С. 16–21.

11. Соколов, Б. Поэзия деревни: руководство для собирания произведений устной словесности / Б. Соколов, Ю. Соколов. – Москва, 1926. – 178 с.

12. Черванева, В. А. Границы достоверности мифологического рассказа: был-видел-слышал-был / В. А. Черванева // Русская речь. – 2017. – № 5. – С. 112–117.

13. Чистов, К. В. Русская народная утопия. (генезис и функции социально-утопических легенд) : монография / К. В. Чистов. – Санкт-Петербург, 2003. – 538 с.

Е.А. Voenushkina

THE CATEGORY OF PERSONALITY AS AN ELEMENT OF RELIABILITY IN A MULTIMODAL TEXT OF NON-FAIRYTALE PROSE

The article studies the corpus of fixed texts of non-fairy tale prose, where the main element of the plot is a story about meeting an evil spirit or any other representative of the netherworld. Particular attention is paid to the role of the category of personality as an element of persuasiveness and reliability of the fact that the speaker perceives the meeting with the supernatural as something that happened to him (or his relatives) in reality.

Folklore linguistics, semiotics, multimodal linguistics, non-fairy tale prose.

Г.М. Ермоленко

Пятигорский государственный университет

ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛАХ О МОДЕ

В статье рассматриваются основные тактики, применяемые авторами англоязычных глянцевого журналов о моде с целью оказания на читателя манипулятивного воздействия. Описывается суггестивный потенциал применяемых средств. Доказывается факт мимикрии информирующих текстов в рекламные.

Стратегия манипулирования, суггестивное воздействие, тактики, мимикрия, рекламный текст.

За последние десятилетия интерес к феномену манипулирования вырос многократно. Манипулятивное воздействие изучается в рамках психологии, политологии, социологии, философии, а при изучении с лингвистической точки зрения требует привлечения экстралингвистического контекста. Особую популярность изучение манипулятивных стратегий приобрело в последние десятилетия преимущественно в рамках изучения политического и рекламного дискурсов. В отечественной науке этот факт можно связать с зарождением в 90-х годах прошлого столетия политических дебатов, появлением рекламы и огромного количества СМИ: «Стало необходимо убеждать широкий круг лиц, неравных друг другу по уровню образования, культуры и т.д., но требующих равного отношения. В демократических государствах стало необходимо убеждать при выборах, в условиях плюрализма мнений и политической жизни, в условиях политической борьбы – политикам стало необходимо учиться убеждать людей в своей правоте» [10, с. 58].

Основной целью данного исследования является коммуникативно-прагматический анализ текстов англоязычных журналов о моде, который позволяет очертить круг языковых средств и тактик, используемых адресантом (автором статьи) для реализации манипулятивной стратегии с целью оказания суггестивного воздействия на адресата (читателя).

В качестве материала нами были выбраны электронные версии журналов *Glamour*, *Marie Claire*, *Vogue*, относящиеся к дискурсу электронных СМИ, поскольку в отличие от печатных вариантов они благодаря своей интерактивности и мультимедийности обладают большим манипулятивным потенциалом, осуществляя сразу несколько функций: эмотивную, фатическую, когнитивную, имплицативную [7, с. 121].

Несмотря на достаточно долгую историю изучения, ученые до сих пор не пришли к единому мнению, что есть манипулятивное воздействие.

Часть исследователей ставят знак равенства между манипулированием и убеждением. В частности, А.В. Антонова в своем исследовании определяет «речевую манипуляцию как убеждение путем воздей-

ствия особыми средствами языка на неконтролируемые и плохо контролируемые реакции массового реципиента при возможной критической оценке информации» [2, с. 40].

В.И. Карасик противопоставляет убеждение манипуляции, опираясь на критерий скрытости/открытости оказываемого воздействия [3].

К.Ф. Седов разграничивает манипуляцию продуктивную, идущую во благо реципиенту, и негативную (конфликтную), вызывающую фрустрацию у адресата [9, с. 217].

С.П. Анохина трактует отношения между убеждением и речевым манипулированием как родовые видовые [1, с. 9].

По мнению Г.А. Копниной, «сущность манипулятивного воздействия заключается в том, чтобы переложить ответственность за совершаемые действия на адресата, причем так, чтобы у последнего создалась иллюзия свободы в принятии решения» [5, с. 21].

О.М. Литвишко определяет манипулирование как «целенаправленное и мотивированное воздействие на аудиторию, обусловленное стремлением навязать реципиенту собственное мнение, изменить существующий у него взгляд на проблему, его намерения и установки» [8, с. 27].

В зарубежной практике наибольший вклад в исследовании феномена манипуляции принадлежит нидерландскому лингвисту Тен Адрианус ван Дейку, который исследует манипуляцию в рамках дискурсивных исследований. По его мнению, манипуляция – сложный комплексный феномен, который необходимо рассматривать с трех точек зрения: «Как злоупотребление властью (социальный аспект), как контроль над сознанием (когнитивный аспект) и как дискурсивное взаимодействие» [11, с. 359].

Несмотря на то что теоретически любой речевой акт имеет своей конечной целью воздействие на адресата, не всякое воздействие при этом является манипуляцией. Ключевым моментом в реализации манипулятивной стратегии является не прямое, завуалированное при помощи различных лингвистических и экстралингвистических средств суггестивное воздей-

стве на реципиента с целью добиться от последнего определенного перлокутивного эффекта.

В эпоху тотального потребления мода, как механизм по формированию поведения людей, привлекает к себе внимание исследователей во всех известных социальных науках. Тот факт, что мода является, пожалуй, одной из наиболее манипулятивных социальных сфер и может оказывать влияние на потребительское поведение, диктуя и пропагандируя необходимые ей ценности, на наш взгляд, не вызывает сомнения.

Мода обладает высоким манипулятивным потенциалом, поскольку опирается на глубинные психологические установки: стремление к подражанию, к установлению собственной значимости в социуме. Кроме того, мода – это семиотическая система, позволяющая человеку транслировать собственное Я социуму. Именно этими глубинными установками пользуются авторы статей англоязычных глянцевого журналов в стремлении оказать на читателя определенное воздействие.

В ходе исследования нами были проанализированы 200 статей англоязычных глянцевого журналов Glamour, Marie Claire, Vogue (их электронных версий) в разделе FASHION. Исследование показало, что 90% статей глянцевого журналов, представленных в данном разделе, содержат помимо эксплицитной информации латентную рекламу тех или иных товаров и соответственно обладают всеми характеристиками, присущими рекламным текстам. А именно:

- прагматической направленностью (имеют своей целью побудить к покупке того или иного товара);
- креолизации текста (использование как вербальных, так и невербальных компонентов);
- диффузией стилей;
- оценочностью;
- образностью;
- диалогичностью (попытка вовлечь адресата в диалог при помощи риторических вопросов, вопросно-ответных конструкции и т.п.);
- композицией (содержание в тексте логотипа, слогана, изображения).

При этом задействуются суггестивные механизмы, поскольку главная цель любой рекламы – побуждение к покупке рекламируемого товара. В этом смысле реклама даже менее манипулятивна, поскольку адресат заведомо осведомлен о ее конечной цели. В статьях же убеждение проводится завуалированно «благодаря маскировочной функции рекламного сообщения – коммуникативной мимикрии – ситуации, при которой сообщение определенного вида коммуникации заимствует элементы другого вида коммуникации (“маскируется”), для того чтобы скрыть свои цели полностью или частично» [4].

Рассмотрим в качестве примера типичную статью из Vogue:

Have you ever walked through the knee-high grasses of the American prairie? Odds are likely not, but that shouldn't stop you from getting in on summer's romantic trend and wearing one of the best prairie dresses. The year 2020 marked the rise of cottage core, a craft-centric trend that applied to both dreamy dresses and a desire for a life filled with at-home DIYs. But in 2022 the lens is

shifting. With the rise of Victorian-era dramas like HBO's The Gilded Age and epic westerns like The Power Of The Dog, there's a cultural pull toward the wistful appeal of the vintage aesthetic.

For more established iterations, try a light white dress with a billowy bottom. Or go for a pastel floral-print dress – an ideal option for dressy daytime occasions.

Ahead, find five takes on the prairie dress that feel modern and un-frumpy. Whichever way you choose to embrace the aesthetic, just make sure you find a field somewhere to frolic in.

Traditionally the prairie dress is defined by a few key details: ruffles, a high neckline, voluminous sleeves, and a billowy body. Generally they're fabricated in light cotton or linen, ideal for time outside in warmer temperatures. But this season brands are incorporating fresh twists to the classic, choosing thin shoulder straps or an oversized collar as alternatives to the traditional (and often constrictive) neckline. With the rise of shorter hemlines, you'll also find a number of options that hit above the knee this year [14].

Приведенная статья обладает всеми характеристиками рекламного текста.

Использование конструкций с побудительной семантикой – *that shouldn't stop you from getting in on summer's romantic trend and wearing one of the best prairie dresses; try a light white dress; go for a pastel floral-print dress* и т.д. – призвано оказать на адресата суггестивное воздействие и побудить к покупке такого модного в этом сезоне платья.

Диалогичность достигается использованием вопросно-ответной конструкции: *Have you ever walked through the knee-high grasses of the American prairie? Odds are likely not.*

Композиционно статья содержит не только текстовую часть, но и изображения рекомендуемых к покупке платьев со ссылками на них и логотипами брендов.

Оценочность достигается при помощи эпитетов и выражения личного отношения автора статьи. В статье 4 раза встречается слово *ideal* и 3 раза слово *best*.

Автор статьи создает идеальную картинку ленивого, неспешного времяпрепровождения загородом:

A desire for a life filled with at-home DIYs; make sure you find a field somewhere to frolic in; These pretty floral designs will look great with the addition of mules and a basket bag.

Используя эпитеты *warm, cool, comfortable, ideal*, автор буквально заставляет почувствовать читателя спасительную прохладу платья: *For a warm day outdoors, a floaty white dress will keep you comfortable, even in the sun, ideal for time outside in warmer temperature.*

В ходе анализа текстов модных журналов, мы опирались на гипотезу, что, будучи направленными на массового адресата, они имеют своей целью не только передачу конкретной информации, но и формирование у реципиента определенных установок и ценностей, которые намеренно кодируются посредством различных как лингвистических, так и экстралингвистических приемов и позволяют адресанту реализовывать манипулятивную стратегию, оказывая суггестивное воздействие на адресата. В прагмалинг-

вистике под стратегией понимается «способ действия в определенном типе дискурса, оказывающий речевое воздействие на партнера по коммуникации, используемый с целью достижения основной цели общения при эффективном применении имеющихся ресурсов, обретающий характерную лексико-семантическую и грамматическую формы, порождающий обусловленные речевые реакции» [6, с. 39].

Стратегия актуализируется в текстах при помощи различных тактик, включающих в себя как вербальные, так и невербальные средства. В частности, в исследуемых текстах англоязычных журналов о моде манипулятивная стратегия актуализируется при помощи тактик, затрагивающих фонетический, лексический, грамматический, графический, стилистический уровни, а также надязыковой уровень – уровень сознания.

В ходе исследования в текстах англоязычных журналов о моде нами были выделены следующие речевые тактики, позволяющие оказывать суггестивное воздействие на читателя.

Тактика побуждения

Самой частотной по реализации тактикой является употребление конструкций с побудительной семантикой.

Make sure to keep this page bookmarked, as I'll be adding new pieces to it as the ones here sell out or if, somehow, the deals get even better as the sales go on [13].

You should treat every day like a special occasion.

Forget heels – these should be your new favorite event footwear [12].

Стереотипизация

Прием стереотипизации рассчитан на возбуждение в реципиенте глубинной установки «быть как все», «не выделяться из толпы», «быть своим».

And when it comes to accessories, this season's most in-demand net bags and basket bags are certifiably perfect for an end-of-summer beach trip [13].

This £15 Uniqlo bag is trending on TikTok – and every discerning member of the fashion set has one [12].

Однако вполне ожидаемо, тактика стереотипизации не столь популярна, как тактика нишевости/избранности.

Нишевость/Избранность

Данная тактика тесно связана с тактикой стереотипизации, поскольку вступает с ней в прямую конфронтацию. С одной стороны, человек – существо социальное, стремящееся в большинстве своем не выбиваться из общей массы. С другой стороны, авторы модных журналов, подчеркивая элитарность той или иной вещи, делают упор на избранность адресата, играют на стремлении человека быть уникальным, не похожим на других.

Smart shoppers, this is also your moment to think ahead and recharge your sweater collection before those cool breezes start whipping in [14].

It also includes subtler options from brands like The Row and Loewe, because selecting a designer sneaker doesn't have a one-size-fits-all approach [13].

В данных примерах автор указывает на избранность своих читателей, подчеркивая, что только ис-

кусенные и умные покупатели продумывают покупки заранее, что дизайнерская обувь не для всех.

For the uninitiated, Shopbop is part of the Amazon family of brands and has its own store on Amazon's site as well as its own home page [13].

В последнем примере автор использует конструкцию *for the uninitiated* (для непосвященных) и тут же дает пояснения, тем самым посвящая реципиентов в круг избранных, делая их «причастными тайному знанию».

Одним из способов реализации тактики нишевости/избранности является прием отсылки к предпочтениям известных личностей (в статьях их часто именуют *influencers*¹).

These faux-croc loafers are a hit among celebrities like Nicole Kidman and Bella and Gigi Hadid [12].

The sale even includes sneakers from Veja, which is one of Kate Middleton's go-to brands for everyday wear. Consider this pair royally approved [13].

One of Meghan Markle's favorite brands, Rothy's is a destination for comfortable, breathable footwear [12].

Авторы статей, используя имена известных людей, как бы предлагают купить принадлежность к избранному кругу, как бы говорят «купи и стань такой, как Николь Кидман/Кейт Миддлтон и т.д.».

К одному из подвидов тактики нишевости/избранности можно отнести тактику уникальности, когда тот или иной предмет одежды/аксессуар представляется как единственный в своем роде:

Imitated by many but bested by none, Gucci's instantly recognizable horsebit loafers go with anything [12].

Никому не удалось превзойти лоферы Гуччи, и вы можете стать их счастливым (избранным) обладателем.

Интимизация

Тактика интимизации текстов реализуется авторами при помощи персонализации (обращении от 1 лица), использования местоимений *we* и *you*, а также междометий и диалогизации. Все эти приемы позволяют имитировать устную речь для установления доверительного, дружеского контакта с реципиентом.

Для достаточно большого процента исследованных текстов характерна субъективность, использование тактики апелляции к личному опыту адресанта, транслирование собственного опыта, проекция его на адресата, модальность (выражение личного отношения, оценки).

I Found the Ultimate Bra For Women Who Hate Bras.

It's so comfortable, I forget I have it on.

Every summer, I go through the same predicament: Like many women, I love the simplicity of forgoing a bra <...>

I highly recommend wearing it out and about as well. The amount of support it provides is impressive – even to an underwire devotee like me – and its customizable straps make it a great go-to for a myriad of outfits and creative fashion looks [13].

¹ Influencer – оказывающий влияние на общественное мнение.

Еще одним способом реализации тактики интимизации является прием ассоциирования автором себя единым целым с читателем.

...*We'll be wearing classic (and not-so-classic) loafers for the foreseeable future* [12].

Our trusty high-waisted jeans are back and we love them more than ever. Actually, who are we kidding? They never really went anywhere did they? [12]

Употребление местоимений *we* и *you* в текстах обладает мощным фатическим потенциалом, как и вопросно-ответные конструкции, употребление которых реализуют функцию диалогичности, характерную для рекламных текстов.

Употребление междометий также можно отнести к достаточно частотному способу реализации тактики интимизации.

Oh, and we suggest styling them with crew socks no matter your outfit [12].

They also needn't be uncomfortable. Instead, comfort and lift are now synonymous with style and sex-appeal, allowing you to achieve the boost you desire without having your blood circulation cut off. Phew! [12]

Ссылка на авторитетное/экспертное мнение

Достаточно часто авторы прибегают к тактике ссылки на авторитетное мнение. Это могут быть как комментарии штатных сотрудников (признанных знаменитостей моды), так и приглашенных комментаторов.

*Keep scrolling for the list of the best designer sneakers with my stamp of approval. By Julia Marzovilla*² [13].

As a shopping writer with an extensive sneaker collection – from hot new sneakers (opens in new tab) to classically cool white pairs (opens in new tab) – I'm here to help with a go-to list of the best designer sneakers for everyday wear [13].

К одному из способов реализации данной тактики можно отнести рубрику «отзывы потребителей». Характерной особенностью данного приема является неизменная положительность приводимых отзывов.

Апелляция к чувственно-эмоциональной сфере

Использование тактики апелляции к чувственно-эмоциональной сфере обуславливается необходимостью не только информировать читателя, но и влиять на его эмоциональную сферу, а через нее на покупательскую способность. Данная тактика широко применяется для апелляции к прошлому позитивному опыту реципиента, с целью возбуждения в нем ностальгических воспоминаний о прошлом (детстве, молодости и т.п.).

Reformation is showing respect to the classics: There's the old-school strap and the moccasin stitching that your childhood pair once had [12].

В частности, в вышеприведенном примере автор апеллирует к детским воспоминаниям реципиента, а поскольку у большинства детство ассоциируется с чем-то позитивным, с периодом, в который мысленно хочется возвращаться, применение данной тактики программирует реципиента на положительные эмоции, на желание приобрести мокасины «такие, как в детстве».

Одним из видов апелляции к чувственно-эмоциональной сфере, на наш взгляд, можно отнести апелляцию к экономии средств. Применение данной тактики становится все более частотным на волне популярности так называемого осознанного потребления.

Hello, logos! Prada's iconic loafer is an investment shoe you'll wear season after season [12].

If you're partaking in the retailer's shopping holiday, you might want to consider a beautiful pair of jeans as they'll allow you to seamlessly transition from season to season like a sartorial rockstar [14].

Wear it to a wedding, then to the races, then to a christening and repeat [12].

В приведенных примерах авторы в качестве аттрактивной черты описываемых предметов одежды называют возможность их долгого ношения (что, несомненно, сэкономит читателю его финансы).

Сюда же относятся тексты, описывающие тот или иной предмет гардероба, как идеально подходящий к любому случаю и сочетающийся с почти любой вещью в гардеробе адресата:

We spoke with LA-based wardrobe stylist and fashion consultant Sarah Nearis (opens in new tab) about the types of boots every woman should invest in and keep on rotation [13].

А также статьи о распродажах:

This means that not only do you get high-speed shipping courtesy of Amazon Prime, but you get the chance to scoop up some usually high-priced items at a far more wallet-friendly price point.

It's that time of year again, folks! Nordstrom is having its annual anniversary sale, which means that, until the end of July, you can save tremendously on fashion, beauty, home goods, and more across the site.

Push-up bras provide that little bit of extra confidence for those who feel they require it so, if that's you, you'll probably be looking for the best ones to invest in [12].

Утверждение

Широко используется прием утверждений-триумфов, когда какая-либо мысль выдается за истину (очевидно, что и т.п.).

Sure, sandals are for summer and boots are for winter, but the best loafers for women are special: They look great year-round, especially in transitional weather [12].

Данный прием основан на том, что сначала адресату предъявляется общеизвестная истина, с которой он внутренне не может не согласиться, а следом дается любая информация, которая по инерции так же воспринимается, как истинная.

You'll also want something that's easy to move in (for when it's time to dance), comfortable to sit in (for when it's time for cake), and highly Instagram-able (for all those grid posts) [12].

Тактика контраста

Данная тактика, как ясно из ее названия, основывается на использовании приема противопоставления, действия «от противоположного».

They're not your mother's loafers, and that's the point [12].

Want to stay warm without looking like the Michelin man? [13]

² Колумнист Мэри Клэр.

Стилистические приемы

Формат статьи не позволяет нам подробно остановиться на том разнообразии стилистических приемов, которые применяются для успешной реализации стратегии манипулирования. Отметим лишь, что среди самых популярных стилистических приемов ожидаемо наиболее используемыми являются эпитеты, метафора и сравнение.

При этом среди эпитетов наиболее частотными являются суперлативы: *best, supersoft, the most stylish, the biggest TikTok hair trends, most in-demand net bags, the coolest new pair of sneakers, ultra-cool Chelsea boot, bestseller, iconic, top-ranked* и т.д.

Также характерно достаточно частотное употребление окказиональных многокомпонентных атрибутивных комплексов, которые, очевидно, обладают большим эмоционально-экспрессивным потенциалом, чем узуальные.

*It's banana-shaped: not only very cool, but **mum-would-be-proud** levels of functional, too* [12].

*Setting the Power leggings apart from hundreds of subpar leggings out there is their wildly flattering fit, sweat-wicking fabric, and **comfy-for-all-day** feel* [13].

*Wearing a few all-time classic pieces at once is **the best-ever-end-of-summer** outfit* [13].

*Despite the long sleeves, this **floaty-but-flattering** maxi would suit spring and summer vows just as much as autumnal ones* [12].

*Style it with a white or black button down shirt that's just a touch oversized for a **cold-weather-approved** ensemble* [13].

Среди ассоциативных средств, наиболее частотными являются метафоры, основанные на ассоциации шоппинга с охотой и применением специй, для придания остроты блюду:

*And if you're still **on the hunt for deals**...*

*...Some of us **are still on the hunt for the perfect blazer or trouser*** [13].

*The duo of pins takes inspiration from Rodrigo's 2022 Met Gala outfit (opens in new tab) and Betsey Johnson's Spring/Summer 1997 runway show, where teal and pink butterfly headpieces **peppered** the runways* [13].

*...Opt for a minimal pair of **cool** white sneakers to **spice up your monochromatic** outfits, no matter the season* [13].

Графические средства

К графическим средствам, широко применяемым в статьях англоязычных журналов о моде, можно отнести гиперссылки, по которым реципиент может сразу перейти на страницу заинтересовавшего его товара, жирный шрифт, выделение курсивом. Особенно активно курсив и гиперссылки используются в статьях *Glamour*. Количество слов, выделенных курсивом, может достигать до 10 на статью из 300 слов. При этом слова выделяются курсивом абсолютно случайно, и, вероятно, данная тактика выполняет аттрактивную функцию.

Помимо вышеуказанных графических приемов, используется капитализация слов:

*It has an adjustable strap, smooth zip-top closure and fits **ALL** of your essentials inside* [12].

Разделение слов дефисами:

*They go with **ev-er-y-thing*** [12].

Цифровое написание и использование восклицательных и вопросительных знаков:

*It's not often a single item stops us in our tracks, but the Uniqlo round mini shoulder bag – for which the related hashtag has over **40 million (!)** views on TikTok right now – has got us standing to attention* [12].

Еще одним доказательством того, что исследуемые статьи являются, по сути, латентной рекламой, является тот факт, что журналы вынуждены соблюдать закон о рекламе и сопровождать все статьи надписью мелким шрифтом:

All products featured on Vogue (Glamour) are independently selected by our editors. However, when you buy something through our retail links, we may earn an affiliate commission [12; 14].

Marie Claire is supported by its audience. When you purchase through links on our site, we may earn an affiliate commission. Here's why you can trust us [13].

Таким образом, проведенное исследование наглядно показывает, что подавляющее большинство проанализированных статей в разделе FASHION англоязычных журналов о моде в результате коммуникативной мимикрии обладают всеми характеристиками рекламного текста и помимо информирующей функции выполняют функцию манипулирования, которая в итоге является преобладающей. В ходе реализации манипулятивной стратегии авторами модных журналов задействуются различные как вербальные, так и невербальные тактики, вызывающие у читателей эмоциональный отклик. В результате чего достигается необходимый адресанту перлокутивный эффект – намерение приобрести тот или иной товар.

Литература

1. Анохина, С. П. Убеждение и манипуляция. Сходства и различия / С. П. Анохина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2013. – № 3 (13). – С. 5–9.
2. Антонова, А. В. Система средств речевой манипуляции в британском политическом дискурсе: реципиентоцентрический подход : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Антонова А. В. – Самара, 2011. – 40 с.
3. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – Москва : Институт языкознания. РАН. – ВПГУ, 1992.
4. Кашкин, В. Б. Коммуникативная мимикрия и социальная власть / В. Б. Кашкин. – URL: <http://kachkin.narod.ru/Articles2003/CommMimicry.htm> (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.
5. Копнина, Г. А. Речевое манипулирование : учебное пособие / Г. А. Копнина. – Москва : Флинта, 2012. – 170 с.
6. Кошкарлова, Н. Н. Конфликтная языковая личность в соответствующем типе дискурса / Н. Н. Кошкарлова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 2 (46). – С. 36–40.
7. Литвишко, О. М. Лингвокреативность в дискурсе электронных СМИ: средства и методы / О. М. Литвишко, Н. С. Руденко, Ю. П. Чалая // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 1. – С. 117–130.
8. Литвишко, О. М. Система стратегий речевого манипулирования в электронном тексте (на материале фейковых вирусных текстов первого года пандемии) / О. М. Литвишко

ко, А. Г. Моногорова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2022. – № 3. – С. 24–33.

9. Седов, К. Ф. Дискурс как суггестия: иррациональное воздействие в межличностном общении / К. Ф. Седов. – Москва : Лабиринт, 2011. – 336 с.

10. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 227 с.

11. Dijk, T. A. van. Discourse and manipulation / T. A. van Dijk // Discourse and society. – London: SAGE Publications, 2006. – Vol. 17, N 2. – P. 359–383.

12. Glamour UK. – URL: <https://www.glamourmagazine.co.uk/topic/fashion> (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.

13. Marie Claire – URL: <https://www.marieclaire.com/fashion> (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.

14. Vogue. – URL: <https://www.vogue.com/fashion> (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.

G.M. Ermolenko

WAYS TO IMPLEMENT THE MANIPULATION STRATEGY IN ENGLISH GLOSSY FASHION MAGAZINES

The article deals with the main tactics used by the authors of English glossy fashion magazines in order to exert a manipulative influence on the reader. The suggestive potential of the used means is described. The fact of mimicry of informing texts into advertising ones is proved.

Manipulation strategy, suggestive influence, tactics, mimicry, advertising text.

А.В. Ленец, Е.В. Фирсова
Южный федеральный университет

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫХ ОБЪЕКТОВ В ШВЕЙЦАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье представлено лингвистическое воплощение природно-ландшафтных объектов в швейцарской лингвокультуре. Проанализированы 265 слов, концептуализирующих поля «природа» и «ландшафт», из произведений немецкоязычной литературы Швейцарии. Элементы природно-ландшафтного кода актуализируются в швейцарской лингвокультуре, сохраняя национально-культурную специфику. Уникальность природно-ландшафтного кода швейцарской лингвокультуры реализуется в его языковой вербализации.

Лингвокультурный код, природно-ландшафтный объект, концепт, швейцарский, национальная специфика.

Введение

Одним из ключевых понятий в современной лингвокультурологии является понятие лингвокультурного кода, которое находит свое выражение в подвидах, актуализирующих концепты определенной лингвокультуры и отражающих национально-культурную специфику языковой картины мира конкретного народа [1; 2; 3]. При этом единого мнения у исследователей о разграничении культурного и лингвокультурного кодов пока нет, и очень часто они используются синонимично [3; 4; 5 и др.]. Некоторые исследователи считают, что содержательные единицы языка образуют культурный код в культурологическом аспекте, а формальные – лингвокультурный код [1; 6]. Убедительным в этой связи является мнение С.В. Ивановой и З.З. Чанышевой, которые утверждают, что «лингвокультурный код появляется в результате вербализации культурных кодов как языковая сущность, распрямление которой ведет к декодированию кодов культуры» [1, с. 75].

Исследуя культуры, сосуществующие в общем языковом пространстве, особенно важно учитывать национальную специфику каждой лингвокультуры и репрезентацию коллективных представлений о природно-ландшафтном коде в языке. Основная сложность, возникающая при изучении швейцарского природно-ландшафтного кода, заключается в отсутствии достаточного количества эмпирических исследований. *Актуальность* настоящего исследования заключается в изучении национальной специфики природно-ландшафтного кода швейцарской лингвокультуры, который позволяет понять культуру и языковое сознание этноса, т.к. код точно отражает ее космогонические и архетипические особенности.

Цель настоящей статьи – представить лингвистическое описание природно-ландшафтного кода в швейцарской лингвокультуре на материале художественной литературы Швейцарии. Обозначенная нами цель требует решения следующих *задач*: 1) определе-

ние понятия «лингвокультурный код», его дифференциальных признаков; 2) анализ языковых маркеров природно-ландшафтного кода как универсального явления культуры; 3) установление ядерных объектов природно-ландшафтного кода в швейцарской лингвокультуре на материале художественной литературы.

Материал и методы исследования

Описание природы и ландшафта в художественном произведении позволяет заключить о принадлежности к той или иной культуре самого автора, т.к., как справедливо заметил Й.В. Гете, «природа, не имея органов речи, создает языки и сердца, при посредстве которых говорит и чувствует». Материалом для исследования послужили примеры из произведений художественной литературы четырех швейцарских авторов – Й. Спири (1827–1901) *Heidis Lehr- und Wanderjahre* и *Heidi kann brauchen, was es gelernt hat* [7; 8], Ф. Дюрренматта (1921–1990) *Der Besuch der alten Dame* и *Durcheinandertal* [9; 10], К. Йегги (1982) *Das Gemälde der Tänzerin* и А. Капю (1961 – наст. вр.) *Königskinder* [11; 12]. Произведения швейцарских авторов изобилуют языковыми средствами, эксплицирующими природно-ландшафтный код швейцарской лингвокультуры.

Единицей анализа явились лексемы, тематически репрезентирующие объекты природы и ландшафта и зафиксированные в художественной литературе Швейцарии. Всего было собрано и проанализировано 1984 лексических единицы и словосочетания. В настоящей статье представлены результаты анализа 265 лексических единиц и словосочетаний.

Методы сплошной выборки, наблюдения и описания использовались для отбора языковых единиц, вербализирующих природно-ландшафтный код в швейцарской лингвокультуре. Использование концептуального, стилистического и контекстуального методов способствовало выявлению ключевых объек-

тов/концептов и описанию лексической репрезентации в художественном тексте.

Обзор литературы

Современные лингвокультурологические изыскания специализируются на изучении корреляции языка и культуры, а также ставят перед собой задачу исследовать культуру через призму языка. Такие понятия лингвокультурологии, как «культурный код», или «код культуры», а также «лингвокультурный код» входят в ядро центральных понятий лингвокультурологии и достаточно часто употребляются в качестве синонимов [3; 4; 5 и др.]. Тем не менее, указанные понятия требуют разграничения. Под термином «культурный код» понимается совокупность знаков и их сочетаний, существующих в рамках определенного исторического периода развития отдельной национальной культуры, отражающих объекты культуры как таковые, и нашедших свое вербальное или невербальное выражение в текстах культуры [13, с. 161], а под термином «лингвокультурный код» соответственно совокупность языковых знаков, отражающих содержательную сторону наименований объектов культуры и имеющих вербальное воплощение [6, с. 4]. Единицами лингвокультурного кода являются вербализованные концепты [6]. Обобщая многочисленные трактовки данного термина, следует заключить, что под «концептом» в лингвокультурологии понимается компонент концептосферы, абстрактная единица мышления, отмеченная лингвокультурной спецификой, включающая в себя ассоциативную составляющую и имеющая вербальное выражение [14, с. 247–248]. Коды культуры обладают национально-культурной спецификой.

Причинами отсутствия единой классификации (лингво)культурных кодов является существующее множество кодов культур, а также их динамичная природа [15, с. 102]. Анализ существующих лингвокультурных кодов позволяет сделать вывод о том, что, с одной стороны, лингвокультурный код в исследованиях представляет собой единство, обладающее символикой на уровне целого (французская семиотическая традиция Р. Барта), а с другой стороны, совокупность знаков, где каждый характеризуется наличием относительно самостоятельного фигурального значения (тартуско-московская семиотическая школа Ю.М. Лотмана) [16]. На сегодняшний день за основу классификации культурных кодов преимущественно принимается типология кодов культуры, предложенная В.В. Красных [3, с. 6]. В рамках данной классификации, базирующейся на учете социально значимых сфер человеческого бытия, выделяются соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный коды [3]. Однако каждый из этих культурных кодов включает множество подвидов. Многообразие подвидов каждого из вышеперечисленных культурных кодов объясняется множеством и разнообразием объектов окружающего мира. Каждый из предлагаемого множества лингвокультурных кодов сформирован на основе общности образной и символической тематики.

Природно-ландшафтный код отражает коллективные представления человека об окружающем его

мире, природных феноменах и элементах ландшафта, актуализируя такие концептосферы географической парадигмы, как «природа» и «ландшафт». Окружающая человека природа определяет концептуализацию пространства и вербализацию представлений об этом пространстве. В фокусе описания природы находится, прежде всего, растительный и животный мир [17]. К одному из подвидов лингвокультурного кода исследователями относится природно-ландшафтный код культуры [5, с. 87]. Основными концептосферами пространственной парадигмы являются «природа» и «ландшафт». Заключая в себе, прежде всего, культурные знаки, природно-ландшафтный код выступает в качестве вторичной семиотической системы по отношению к естественному языку [4, с. 41].

Вместе с тем, большинством ученых (М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков, Х. Сарач, Е.Г. Кольовска) природно-ландшафтный код выделяется в общей лингвокультурологической парадигме. Под *природно-ландшафтным кодом* понимается множество природных явлений и объектов, которые составляют определенный ландшафт, пейзаж, характерный для той или иной местности, а также формируют среду обитания отдельно взятого этноса [18, с. 3399]. Природно-ландшафтный код обладает ядром, центральными концептами, актуализирующими объекты действительности, которые рассматриваются как совокупность природных объектов, специфических для той или иной лингвокультуры.

Единицам природно-ландшафтного кода присущ дуализм: они универсальны, с одной стороны, и национально-специфичны – с другой. Универсальность единиц природно-ландшафтного кода обусловлена, прежде всего, архаичными представлениями о мире. Очевидно, что с первобытных времен людей окружали одинаковые природные объекты, которые позднее концептуализировались в культурные коды. Так, в качестве ядра природно-ландшафтного кода выступают такие концепты, как 'гора', 'лес', 'море', 'поле', 'река' и др. [19, с. 113].

Специфика языковой реализации природно-ландшафтного кода отражает национальное самосознание, национально-культурную идентичность, языковую картину и мироощущение отдельно взятого этнокультурного сообщества и выражается в единых элементах, так называемых «культурных универсалиях», под которыми понимаются общие и/или присущие всем человеческим культурам концепты различных аспектов жизни и выделяются на всех этапах развития [3, с. 5]. Культурные универсалии – это система понятий, благодаря которой становится возможной типологизация и классификация отдельных аспектов культуры. Культурные универсалии, как и любая система, разбиваются по различным категориям, отражающим быт и повседневную жизнь человека [20].

Будучи универсальной категорией, природно-ландшафтный код отражает природно-ландшафтные условия жизнедеятельности человека в целом, безотносительно его территориального проживания и национальной принадлежности, однако, если говорить о конкретном этносе, то нужно учитывать особенности ландшафта, в котором проживает именно этот этнос. Несмотря на то что культурные коды раз-

личных народов совпадают, лингвокультурные коды, вербализирующие все те же единицы культурных кодов, имеют множество различий. Специфика реализации единиц лингвокультурного кода состоит в различном пережитом опыте, отображенном в национальном сознании того или иного народа. Поэтому единицы природно-ландшафтного кода, хотя и обладают универсальностью содержания, но при их сопоставительном анализе в лингвокультурах очевидны различия.

Словарь природно-ландшафтного кода имеет следующий состав универсальных ядерных концептов: элементы стихий (*земля, воздух, вода, огонь*); концепты ландшафта (*земля/вода, гора/долина, река/озеро/море*, и др.); концепты природы, т.е. растительного (*деревья/цветы/трава* и др.) и животного (*животные, птицы*) мира. Исследователи представляют языковые единицы, которые являются носителями специального значения, детерминированного определенной культурой.

Результаты исследования

Сочетание всех элементов природы и ландшафта характеризует среду обитания определенного народа и является носителем природно-ландшафтного кода этой лингвокультуры. Среда обитания этноса задает ценностные, пространственные, качественные и другие ориентиры в основных горизонтальных и вертикальных оппозициях.

Лексика **природы Швейцарии** (как, впрочем, и любой другой страны) представляет собой микросистему языка, отражающую мировосприятие человеком окружающего мира/действительности. Данная микросистема характеризуется общностью номинаций, их характеристик и представлена следующими категориями:

- *объекты растительного мира;*
- *объекты животного мира;*
- *объекты стихий и природные явления.*

Методом сплошной выборки нами были сформированы группы лексических единиц, репрезентирующих концепты природы. Всего в данной выборке было проанализировано 178 лексических единиц и словосочетаний. Далее остановимся на указанных группах объектов более подробно.

Растительный мир Швейцарии широко представлен в анализируемых нами произведениях. Растительный мир является неотъемлемой частью швейцарской местности, изобилуя различными видами древесных пород и кустарников, а также разнообразными цветами. Встречаемые нами наименования различных деревьев и цветов характерны для швейцарской местности. Данная группа представлена такими языковыми единицами: *Apfel, Ast, Baum, Blume/Blümlein/Blümchen, Blatt/Blättlein/Blättchen, Brombeere, Busch/Gebüsch, Blauglöckchen, Fichte, Gras, Kraut/Kräutlein, Kastanienbaum, Lindenbaum, Weideröschchen, Nelke, Thymian, Holunder, Himbeere, Tanne* и др.

При этом нами выявлено значительное количество примеров (15% от общего количества примеров), связанных с описанием деревьев, лесов, в том числе и хвойных, растущих по склонам гор: *Hinter der Hütte standen drei alte Tannen mit dichten, langen, unbeschnittenen Ästen* [7, с. 10].

Интересно, что при описании природы особое внимание уделяется альпийской флоре, т.е. горным растениям – травам и цветам, которые отличает буйство красок: *Es (das Kind, Heidi)... hatte auf dem ganzen Wege ihm noch genug zu erzählen und ihm alle Stellen zu zeigen, wo die Geißen am liebsten weideten und wo es im Sommer am meisten von den glänzenden, gelben Weideröschchen und vom roten Tausendgüldenkraut und noch anderen Blumen gebe* [8, с. 23].

Неприхотливость альпийских растений в уходе, многообразие видов и сортов цветов и трав, а также декоративность в течение сезона делают альпийские цветы и травы чрезвычайно популярными среди садоводов Швейцарии, а также широко используются при оформлении городов страны, например при высаживании в кашпо или клумбах: *Ein grauer Rauch über den Kaminen, und Geranien vor den Fenstern, Sonnenblumen, Rosen in den Gärten beim Goethetor...* [9, с. 42].

Следует отметить, что одной из особенностей швейцарского варианта немецкого языка является частое употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов *-chen, -lein, -li*. При этом диминутивный суффикс *-li* характерен только для швейцарского варианта немецкого языка и алеманнского диалекта, что семантически маркирует уменьшительность [21, с. 64]. Данный суффикс встречается в 3% от общего количества проанализированных нами примеров в произведениях (*Blümchen, Blättlein, Schäfchen, Schwänli, Bärlü* и др.).

Животный мир является неотъемлемой составляющей швейцарской природы. Леса, горы и долины Швейцарии изобилуют различными видами диких животных и птиц, в озерах и реках водятся разные виды рыб. Швейцария знаменита не только дикими видами животных и птиц; в поселениях и городах разводят овец, коз и свиней, а коровы, являясь туристической достопримечательностью, считаются символом Швейцарии и дополняют альпийский пейзаж. Группа «животный мир» представлена такими языковыми единицами, которые репрезентируют объекты животного мира: (*wildes*) *Tier, Vögelein, Steinadler, Lämmergeier, Fisch/Fischchen, Forelle, Kuh, Kalb, Geiß/Ziege, Gemse, Kitz, Schweinlein/Schweinchen, Wolf, (Braun)Bär/Bärlü, Luchs* и др.

В произведениях описание животного мира (щербет птиц) тесно переплетается с иллюстрацией швейцарского ландшафта: *Einzelne Frühglocken tönten aus den Tälern herauf, und oben in den Tannen sangen die Vögel ihre Morgenlieder* [7, с. 131].

В 5% проанализированных примеров при описании альпийских горных ландшафтов и лесов Швейцарии авторами упоминаются и дикие животные: *Dann flüchten die Gemsen bergauf. Sie flüchten immer bergauf, das befiehlt ihnen ihr Instinkt. Für die Gemsen kommt alle Gefahr von unten... der Braunbär, der Wolf, der Luchs, der Mensch – immer sind ihre Mörder aus den Wäldern unten im Tal heraufgestiegen* [12, с. 19].

Разведение домашнего скота в Альпах имеет многовековую историю, что объясняет широкую представленность данной формы деятельности в произведениях и на языковом уровне: *...es gut hatte daheim, wo draußen auf des Vaters Feldern die schönen Kühe und Schäflein weideten und er... bei ihnen auf der Weide stehen... konnte...* [7, с. 129].

Несмотря на то что *природные стихии и природные явления* сопровождают человека всю историю его развития, в произведениях швейцарских писателей их описание встречается довольно редко. *Вода*, являясь качественным продуктом естественного происхождения, играет существенную роль в экосистеме Швейцарии (27% примеров по данной группе), где это показатель сбалансированной экосистемы страны и лечебный источник: *Der Arzt, der sommers das Kurhaus betreut hatte, wurde nicht mehr benötigt, das Wasser der Heilquelle als Tafelwasser benutzt...* [10, с. 38].

Одной из отличительных черт *воздуха* в Швейцарии является высокий уровень защиты воздуха от загрязнений. Этот факт отмечается и авторами произведений (8% примеров по данной группе): *...Heidi saß am Boden hinter einem Hügelchen, das dicht mit duftenden Prünellen besät war; da war die ganze Luft umher so mit Wohlgeruch erfüllt, daß Heidi noch nie so Liebliches eingeatmet hatte* [7, с. 21].

Богатая палитра *природных явлений* (*Regen, Schnee, Frost, Gewitter, Wind, Schneesturm, Lawine, Donner, Sonne, Himmel, Wolke, Stern u др.*), с которыми человек сталкивается ежедневно, наполняет жизнь красками и эмоциями (5% примеров по данной группе). Использование описания природных явлений в произведениях швейцарских писателей позволяет авторам описать чувство защищенности жителей Швейцарии: *Der Morgenwind wehte leise und wonnig und bewegte nur sachte die letzten blauen Glockenblümchen, die noch übrig geblieben waren von der großen Schar des Sommers und nun noch wohligh ihre Köpfchen in warmen Sonnenschein wiegten* [8, с. 18]. При описании природных явлений авторами учитываются и особенности ландшафта страны: *Fernsehen war im Durcheinandertal noch nicht möglich; nur das Heulen der Winterstürme, der bald einsetzende Schneefall, die Stille der folgenden Nächte, drauf wieder Schneefall, drauf wieder Totenstille* [10, с. 40].

Выявленные нами лексемы, репрезентующие природные объекты, позволяют заключить о разнообразии описываемых объектов растительного и животного мира. Анализ установленных языковых единиц показал, что большинство (40%) от всех единиц данной группы приходится на подгруппу «природные стихии и природные явления». Показатели по подгруппам лексем «объекты растительного мира» и «объекты животного мира» распределились примерно в равной степени: третья часть от всех проанализированных примеров (32%) группы природа приходится на подгруппу «объекты растительного мира», и несколько меньший показатель (28%) приходится на «объекты животного мира». Обратимся к группе объектов ландшафта Швейцарии.

Как известно, **ландшафт Швейцарии** – маленькой горной страны – чрезвычайно разнообразен. Самые крупные озера Швейцарии – Биль, Женевское и Нойшатель – расположены на севере страны. Методом сплошной выборки нами были сформированы группы лексических единиц из текстов швейцарской художественной литературы, которые относятся к лексико-семантической группе **ландшафтной лексики**. Большинство нарицательных обозначений ландшафта в произведениях швейцарской литературы

конкретизируются, привязывая действие к определенной местности (например, *Bad Ragaz, Jaunpass*). Ландшафтные особенности страны разнообразны, что учитывается писателями швейцарской литературы. Лексические экспликации ландшафта Швейцарии представлены описаниями гор, рек, озер, лесов, долин и лугов. Всего в данной выборке по группе «ландшафт Швейцарии» 87 лексических единиц и словосочетаний, которые представлены в следующих подгруппах объектов:

- название поселений и городов;
- наименования горного рельефа и возвышенностей;
- наименования равнинного рельефа;
- наименования водных объектов.

Первая группа достаточно обширна и включает как названия больших городов Швейцарии, так и небольших поселений. Вариативность наименований мест действия произведений отсылает к разнообразию природных и ландшафтных особенностей городов, поселений Швейцарии. Анализ произведений позволил нам выявить следующие названия: *Basel, Bern, Gullen, Greyerzerland, Luzern, Maienfeld, Thun, Zürich u др.* Следует отметить, что в анализируемых произведениях упоминались также населенные пункты Германии и Австрии, которые не учитывались нами при подсчете. При этом в подавляющем большинстве используются наименования городов (87% примеров от общего количества по данной подгруппе): *Dann... waren sie auf dem Gästeparkplatz nach kurzer Beratung übereingekommen, für den Heimweg hinunter ins Flachland nicht die öde Schnellstraße über Thun und Bern, sondern die abwechslungsreiche Abkürzung über den Jaunpass hinunter ins Greyerzerland zu nehmen...* [12, с. 10].

В связи с тем что большая часть швейцарского рельефа находится в горной системе Альп, в следующей группе субъектов объединены в группу *наименования различных гор и возвышенностей*. Горный рельеф сопровождается скалами и обрывами. Лексическая экспликация особенности наименований рельефа Швейцарии проявляется в точном указании наименований гор, возвышенностей, горных хребтов и отдельных вершин: *die Alpen/Alp, Berner Oberland, Schesaplana; Berg/Gebirge, Hügel/Hügelchen u др.* Уникальный горный рельеф является настоящей визитной карточкой Швейцарии и в художественной литературе: *So verging eine gute Zeit und Heidi hatte so oft und so lange zu den hohen Bergstöcken drüben aufgeschaut, dass es nun war, als hätten sie alle auch Gesichter bekommen und schauten ganz bekannt zu ihm hernieder, so wie gute Freunde* [7, с. 59].

Наряду с горной местностью швейцарский ландшафт располагает лугами, долинами, равнинами, низменностями и лесами, которые также широко представлены в произведениях: *Feld, Flachland, (Ab)Hang, Schlucht, Schneefeld, Simmental, Tal, (Greyerzer) Unterland, Wald, Weide, Wiese u др.: Die bewaldete Talseite, an der das Kurhaus lag, wird durch eine kleine, aber tiefe Schlucht gespalten* [10, с. 109]. При этом леса, располагающиеся вдоль долины, создают атмосферу гармонии и умиротворения: *Lachend sprang sie in die Weide, drehte eine Pirouette und tanzte, so gut es in der nassen Wiese möglich war* [11, с. 26]. Описание Альп и

Альпийских лугов нередко вызывает чувство тоски у героев: *Am Abend konnte es (das Kind, Heidi) oft lange, lange nicht einschlafen, denn sobald es allein war und alles still ringsumher, kam ihm alles so lebendig vor die Augen, die Alm und der Sonnenschein darauf und die Blumen* [7, с. 89].

Другим важным ландшафтным признаком Швейцарии является большое количество *озер*, большинство из которых в результате таяния горных ледников имеет естественное происхождение (*Fluss, Meer, Rhein, Schwarzsee, See u. öp.*): *Auf dem Heimweg radelte Helena ein Stück am See entlang und überlegte, wie sie mit dem Gehalt durchkommen sollte* [11, с. 25].

В группе объектов ландшафта самую большую подгруппу представляют «особенности равнинного рельефа» (34%). Несмотря на то что очевидной географической особенностью Швейцарии являются горы, в проанализированных примерах авторы концентрировали внимание читателя на подробном описании равнин, которое способствовало представлению внутреннего состояния героев и контрастному описанию ландшафта. Примерно равные показатели у двух подгрупп – «название поселений и городов» (27%), «особенности горного рельефа и возвышенностей» (25%). Самая небольшая подгруппа представлена «водными объектами и их наименованиями» (14%), что указывает на нерелевантность лексических единиц данной подгруппы при описании ландшафта Швейцарии.

Заключение

Настоящее исследование вносит вклад в описание лингвокультурных кодов Швейцарии, в иллюстрацию лексической манифестации природно-ландшафтного кода в швейцарской литературе. Исследование языковой репрезентации природно-ландшафтных объектов посредством различных методов лингвистического анализа позволило выявить особенности лингвокультурного кода Швейцарии в художественной литературе. К объектам группы «природа» относятся объекты растительного мира, объекты животного мира, объекты стихий и природные явления. К объектам группы «ландшафт» относятся названия поселений и городов, особенности горного рельефа и возвышенностей, особенности равнинного рельефа, водные объекты и их наименования. Всего анализу было подвергнуто более 265 лексических единиц и словосочетаний.

Результаты проведенного нами анализа свидетельствуют о характере повествовательной перспективы художественного текста и особенностях отражения в нем субъектов природы и ландшафта. Ландшафтная лексика используется писателями для создания психологического портрета персонажей произведения, отражения их внутреннего состояния.

Литература

1. Иванова, С. В. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения / С. В. Иванова, З. З. Чанышева – Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. – 366 с.
2. Ленец, А. В. Динамика лингвокультурных констант в современном немецкоязычном пространстве (Австрии, Германии, Швейцарии) / А. В. Ленец, Т. В. Овсиенко // Вест-

ник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 71. – С. 70–90. DOI: 10.17223/19986645/71/5.

3. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей / ответственный редактор В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5–19.

4. Гудков, Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / ответственный редактор В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – С. 39–50.

5. Сарач, Х. Коды культуры как одно из основных понятий лингвокультурологии (на материале фразеологизмов с компонентом «камень» и «ветер» в русском и турецком языках) / Х. Сарач // Международный журнал гуманитарных наук «Ulakbilge». – 2014. – № 3 (3). – С. 81–97.

6. Карасик, В. И. Концепт как единица лингвокультурного кода / В. И. Карасик // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2009. – № 10. – С. 4–11.

7. Spyri, J. Heidis Lehr- und Wanderjahre / J. Spyri. – Zürich : Diogenes Verlag AG, 1978. – 132 S.

8. Spyri, J. Heidi kann brauchen, was es gelernt hat / J. Spyri. – Zürich : Diogenes, 1978 Verlag AG. – 98 S.

9. Dürrenmatt, Fr. Der Besuch der alten Dame / Fr. Dürrenmatt. – Zürich : Diogenes Verlag AG, 1985. – 58 S.

10. Dürrenmatt, Fr. Durcheinandertal / Fr. Dürrenmatt. – Zürich : Diogenes Verlag AG, 1989. – 120 S.

11. Jaeggi, Ch. Das Gemälde der Tänzerin: Leseprobe / Ch. Jaeggi. – Berlin : Forever by Ullstein Buchverlage GmbH, 2019. – 41 S.

12. Capus, A. Königskinder: Leseprobe / A. Capus. – München : Carl Hanser Verlag, 2018. – 26 S.

13. Симбирцева, Н. А. «Код культуры» как культурологическая категория / Н. А. Симбирцева // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 1. – С. 157–167.

14. Смирнова, О. М. К вопросу о методологии описания концептов / О. М. Смирнова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 3. – С. 247–253.

15. Розенкова, Х. Е. Лингвокультурный код: определение, проблема классификации, роль в межкультурной коммуникации / Х. Е. Розенкова, С. В. Шустова // Евразийский гуманитарный журнал. – 2017. – № 2. – С. 101–104.

16. Завгороднева, М. П. Природно-ландшафтный код немецкой культуры: лингвокультурологический и лингводидактический аспекты / М. П. Завгороднева, С. В. Шустова. – Пермь : ПГНИУ, 2019. – 172 с.

17. Волошина, С. В. Репрезентация концепта «медведь» в диалектном дискурсе / С. В. Волошина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 65. – С. 30–46. DOI: 10.17223/19986645/65/2.

18. Семенова, Н. В. Лингвокультурный потенциал русских лимнонимов / Н. В. Семенова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, вып. 11. С. 3398–3403. DOI: 10.30853/phil210566.

19. Шустова, С. В. Природно-ландшафтный код в английской культуре / С. В. Шустова, И. В. Носкова // Art Logos. – 2019. – № 1 (6). – С. 111–119.

20. Мамедова, Н. М. Проблема универсалий в культуре / Н. М. Мамедова // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2008. – № 129. – С. 48–52.

21. Подкин, А. А. Функционально-стилистические особенности швейцарских маркированных наименований лиц / А. А. Подкин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2009. – № 2. – С. 61–71.

LINGUISTIC EMBODIMENT OF NATURAL LANDSCAPE OBJECTS IN SWISS LINGUOCULTURE

The article deals with the linguistic embodiment of natural landscape objects in the Swiss linguoculture. 265 words conceptualizing the semantic fields “nature” and “landscape” from the works of German literature in Switzerland are analysed. The elements of the natural landscape code are actualised in the Swiss linguoculture, preserving the national and cultural specifics. The uniqueness of the natural landscape code of the Swiss linguoculture is realized in its linguistic verbalization.

Linguocultural code, natural landscape object, concept, Swiss, national specifics.

О.В. Олейник*Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
Оренбургского государственного университета*

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ

Статья посвящена описанию окказионализмов немецкого языка в стиле прессы и публицистики, исследованию функций и словообразовательных особенностей данных единиц, почерпнутых из информационно-политического журнала Германии «Der Spiegel». Анализ показал, что помимо функции сжатия информации и восполнения лексических пробелов окказионализмы придают сообщениям прессы емкость, полноту, необходимую эмоциональность. Подобные словесные новообразования нередко имеют оценочный характер и представляют собой иронизирующие перифразы.

Немецкий язык, стиль прессы и публицистики, окказионализмы, функции окказионализмов, типы словообразования окказионализмов, частеречная принадлежность окказионализмов.

В современном мире в процессе переработки человеком большого потока информации возникает потребность в компрессии данной информации на языковом уровне. В связи с этим, целью данного исследования является попытка анализа ресурсов немецкого языка прессы и публицистики на предмет компрессии информации за счет окказиональных новообразований. Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение стиля прессы и публицистики позволяет наблюдать актуальные тенденции в плане словообразовательной активности в немецком языке. Корпус исследованного материала представлен 30 публицистическими статьями электронной версии журнала «Der Spiegel» во временной период с декабря 2022 по февраль 2023 года. Выбор анализируемых статей был случайным.

Методологической основой данной работы являются: 1) исследование в рамках одного функционального стиля, 2) синхронный подход, 3) учет контекста и экстралингвистических факторов. Исследование проводилось по следующим аспектам: 1) характеристика понятия окказионализм, 2) частота использования в подобных видах текстов окказионализмов, 3) обнаруженные при анализе особенности окказионализмов, 4) проявление определенных функций окказионализмов в стиле прессы и публицистике немецкого языка. Также исследованный материал оценивался по параметру принадлежности к определенной части речи и типу словообразования, рассматривалась роль имен собственных в новообразованиях окказионального типа.

Заменяя описательные словосочетания, окказионализмы служат экономии языковых средств в речи, которая выражается в появлении свернутой конструкции в отличие от развернутой фразы при условии сохранения передаваемого объема информации. В германистике существуют различные подходы к определению понятия «окказионализм», о чем свидетельствует наличие ряда синонимов к нему (Ad-hoc-

Bildung, Augenblicksbildung, Gelegenheitsbildung, Okkasionismus). В словаре [3, с. 210] понятие окказионализм трактуется как новообразование, которое следует правилам словообразования, значение новообразованного слова рассматривается в контексте ситуации, и эта единица не регистрируется в словарях. В этом определении делается акцент на следующих характеристиках окказионализмов: зависимость от ситуации или контекста, отсутствие лексикализации или регистрации в словарях. Х. Бусманн [1, с. 6] указывает, что помимо зависимости от контекста окказионализмы как лексические новообразования также отличаются спонтанностью.

К. Кессель и С. Райманн [6, с. 99] приводят следующие характеристики окказионализмов: спонтанные словообразования, которые свое значение раскрывают только в рамках контекста. Авторы подчеркивают недолговечность этих образований.

По мнению П. Хоэнхауса [5], окказионализмы не регистрируются словарями и поэтому не могут стать частью словарного состава. Помимо этой особенности они уникальны, обусловлены контекстом и нередко образуются путем нарушения норм немецкого языка. Он утверждает, что лексические единицы, обнаруживающие четыре вышеупомянутые характеристики, являются типичными окказионализмами. При обнаружении одной или нескольких из перечисленных характеристик лексические единицы являются менее типичными окказионализмами.

Факт отсутствия регистрации окказионализмов в словарях наталкивает на вопрос о разграничении окказионализмов и неологизмов. Некоторые авторы смешивают эти два понятия, считая их взаимопроникающими категориями. По мнению Х. Эльзен [2, с. 21], окказионализмы можно рассматривать как неологизмы, но для этого необходимо различать неологизмы в узком и широком значении. Неологизмами в широком значении являются окказионализмы, которые понятны благодаря контексту и выполняют

значимую для текста задачу, а именно реализуют стилистическую функцию или функцию языковой экономики, а также восполняют лексические пробелы. Неологизмами в узком значении являются новые слова, прошедшие регистрацию в словарях и уже не относящиеся к окказионализмам.

Критериями разграничения неологизмов и окказионализмов является отсутствие у окказионализмов узусализации, лексикализации и интеграции в словарный состав языка. На этом основании в нашей выборке представлены лексические единицы, которые отсутствуют в одноязычном толковом онлайн-словаре Duden. Редакция словаря постоянно ищет новые слова и добавляет их в корпус словаря по мере его актуализации. Автоматический поиск слов – самая важная процедура редакторов Duden, и заключается она в том, что используются компьютерные программы для подробного просмотра очень больших объемов электронных текстов, чтобы увидеть, содержат ли они ранее неизвестные слова. Если они встречаются в определенном скоплении и в определенном разбросе по текстам, то они могут быть в ближайшее время включены в словарь.

Язык прессы отражает изменения и новации во всех сферах жизни, поэтому в нем появляются различные новообразования окказионального характера. По подсчетам одна публицистическая статья электронной версии журнала «Der Spiegel» имеет в среднем объем около 9000 печатных знаков без учета пробелов, частота употребления окказионализмов на одну статью в среднем составила 8 лексических единиц. В рамках данного исследования обнаружены 244 окказионализма в 30 публицистических статьях электронной версии журнала. Были статьи, где автор использовал 3 окказионализма, но и статьи, где окказионализмов насчитывалось максимально 14 единиц.

Если рассматривать выборку окказионализмов относительно принадлежности к определенной части речи и типу словообразования, то можно утверждать, что подавляющее большинство обнаруженных примеров являются сложными существительными, образованными путем словосложения. Почти вся выборка за небольшим исключением представлена детерминативными сложными существительными, где первый корень или первые корни уточняют и конкретизируют последний. Единичными случаями представлены окказионализмы, относящиеся к прилагательным (5 % исследуемых примеров): *Putin-treue Hacker attackieren Websites von deutschen Firmen und Behörden: Wegen Olaf Scholz' Panzer-Ankündigung versuchen russische Hacker offenbar, deutsche Seiten vom Netz zu nehmen* [8]. – *Преданные Путину хакеры атакуют сайты немецких государственных организаций и компаний из-за заявления Олафа Шольца о поставке танков, российские хакеры пытаются, по-видимому, отключить немецкие сайты.*

Die turboschnelle Entscheidung zum Bau der neuen LNG-Terminals habe gezeigt, was hierzulande möglich sei. Wenn Berlin nur wolle [9]. – *Быстрое решение о строительстве новых терминалов СПГ показало, на что способна эта страна. Если бы Берлин только изъявил желание...*

Следующий окказионализм, обнаруженный при анализе, образован путем конверсии. Использование

существительного *Geheimnis* в качестве основы в образовании причастия совершенного вида позволяет автору добиться максимальной экономии средств при достижении желаемого эффекта языковой игры, предполагающей расширение семантической структуры производного окказионализма. *Und sobald so was gestempelt wird und verschwindet – um das dann später lesen zu können, muss das wieder entstempelt, <ent-geheimnist> werden* [10]. Лексическая единица *entgeheimnist* в значении «рассекретить» употреблена в статье об обнаружении конфиденциальных документов в доме действующего президента Джо Байдена. Этот окказионализм образован по непродуктивной на данный момент модели словообразования в немецком языке. Для правильного понимания лексической единицы автор специально выделил ее в тексте угловыми скобками, а префикс написал через дефис.

Исходя из корпуса анализируемых примеров, обнаружены 36 композитов окказионального типа (15 % от нашей выборки примеров), где в качестве детерминанта употребляются имена собственные, и их написание всегда осуществляется через дефис, например, *Leopard-Debatte, Ramstein-Konferenz, Marder-Schützenpanzer, Leopard-Entscheidung, Himars-Raketenwerfer, Leclerc-Kampfpfänger.*

In den letzten vier Merkel-Jahren drosselte der Bund die Förderung, machte sich der damalige Wirtschaftsminister Peter Altmaier für einen bundesweiten Mindestabstand zwischen Wohngebäuden und Windrädern stark [9]. – *В последние четыре года правления Меркель федеральное правительство ограничивало субсидии, тогдашний министр экономики Петер Альтмайер проводил кампанию за общенациональное минимальное расстояние между жилыми домами и ветряными турбинами.*

Детерминативный тип словосложения, где определительная часть ограничивает или уточняет семантику главной части, воспринимается как неброский тип словосложения, т.к. данные единицы легко можно перефразировать из-за прозрачности внутренних смысловых отношений. Броскими или стилистически отмеченными становятся детерминированные композиты [2], если их компонентами являются сокращения, единичные буквы, цифры или другие знаки. Хотя примеры, обнаруженные в ходе нашего исследования, доказывают отсутствие стилистической маркированности, где компонентами слов являются сокращения или числительные: *Selenskyj hofft etwa auf die US-Patriot-Flugabwehrsysteme* [11]. Скорее, лексическая единица употребляется с целью экономии языковых средств, для замены громоздкого описательного оборота. Основная причина этого заключается в большом росте понятий и их усложнении, что обусловлено прогрессом науки, развитием общества и усложнением предметов действительности. *Das kürzlich vom Bundestag verabschiedete Kita-Qualitäts-Gesetz jedenfalls ist eine Mogelpackung, die zulässt, dass viele Fördermillionen des Bundes von den Ländern dafür eingesetzt werden können, die Betreuungsangebote für Eltern günstiger statt für Kinder besser und für Erzieherinnen attraktiver zu machen* [12]. – *В любом случае, закон о качестве детских садов, недавно принятый Бундестагом, является фикцией, которая поз-*

воляет землям использовать миллионы федеральных денег для того, чтобы сделать предложения по уходу более дешевыми для родителей, а не лучшими для детей и более привлекательными для педагогов.

В следующем примере стилистический эффект достигается не столько композитом, где фигурирует сокращение, а сколько контекстом, в котором принята попытка критики государственной политики, не уделяющей должного внимания поддержке семей в отличие от вопросов энергетической безопасности.

Familien sind die Kraftzentren des Landes. Sie verdienen mindestens genauso viel Aufmerksamkeit wie Atomkraftwerke, LNG-Terminals oder Windkraftanlagen [12]. – Семьи – это движущая сила страны. Они заслуживают не меньше внимания, чем атомные электростанции, терминалы СПГ или ветряные турбины.

Броскими окказионализмами представляются дерминативные композиты, где их компонентами являются группы слов или целые фразы, но при этом правый компонент имеет решающее значение в лексическом значении слова [2, с. 24]. Данному виду словообразования, где структура компонентов выходит за рамки уровня слова, существует целый ряд номинаций: фразовые композиты, фразовые дериваты, слова-стяжения. Фразовые композиты [4, с. 331] среди окказионализмов являются внешне стилистически броскими и представляют собой прагматически и коммуникативно интересный тип словообразования. У фразовых композит или слов-стяжений не проявляется бинарная структура, вся лексическая единица обнаруживает фразовую структуру [5, с. 87].

Стилистическая маркированность у окказионализмов может проявляться как за счет лексических значений компонентов, так и благодаря структурным отношениям между этими компонентами.

У. Криг [7] утверждает, что окказиональные новообразования фокусируют внимание на определенном моменте. Особенно это касается окказионализмов, которые отклоняются от нормы или образованы с нарушением закономерностей моделей словообразования, или образованы с помощью редких и нетипичных моделей словообразования (например, слова-стяжения, контаминация).

Hacktivisten der Gruppierung «Killnet» haben offenbar versucht, die Seiten von diversen deutschen Behörden und Unternehmen lahmzulegen [8]. – Хактивисты из группы «Killnet» очевидно пытались парализовать сайты различных немецких государственных учреждений и компаний.

При смешении (*Hacker, Aktivist*) получается новое слово с более сложной семантикой. Контаминация (амальгация) создается, если два слова смешиваются (совмещаются) в одно, где наблюдается процесс «соскальзывания» с одной единицы на другую в процессе речи, при этом новая лексическая единица обладает аспектами значения обоих слов. Следующий автор [5, с. 120] использует термин (Blending) смешивание для этого типа словообразования и подчеркивает сильную контекстную зависимость этих образований. Контаминация является редким и ненормативным явлением, обладающим экспрессивным потенциалом. В нашем случае у лексической единицы (*die Hacktivisten*) общее значение не равно сумме значений компонен-

тов, хотя и складывается на их основе. Новое значение является более сложным, оно содержит дополнительную информацию о сотрудниках децентрализованного объединения хакеров «Killnet» с общими взглядами на концепцию мира и развитие человечества, которым приписывают кибератаки на государственные учреждения в странах НАТО, совпавшие с вооруженной операцией на Украине.

Рассматривая обнаруженные окказионализмы в СМИ, можно констатировать, что почти все лексические единицы образованы с помощью стандартных моделей словообразования, крайне редко встречаются окказионализмы, представляющие собой контаминации, в нашем случае было обнаружено только две лексические единицы (*die Hacktivisten, die Coroneologismen = Corona + Neologismen*).

Композиты окказионального характера аккумулируют в себе знания о явлениях, предметах и ситуациях. Нередко данные единицы проявляют способность к полисемии, это достигается за счет того, что взаимодействие значений составных компонентов композита приводит к образованию нового производного значения. Так у окказионализма *Blockflötenvorspiel* в следующем примере значение реализуется благодаря комбинированию единиц смысла в объеме одной сложной лексической номинации.

Advent, Advent, es brennt die Luft in vielen Haushalten dieses Landes. Eltern hetzen vom Blockflötenvorspiel zur Post, zur Apotheke, zum Supermarkt und mit kurzem Stopp bei der Tante im Altersheim zurück ins Geschäft oder Heim ins Homeoffice [12]. – Адвент, Адвент, суета во многих домах страны. Родители спешат с мероприятий предвыборной кампании на почту, в аптеку, в супермаркет и с короткой остановкой у тети в доме престарелых, обратно в магазин или домой в домашний офис.

Blockflötenvorspiel – в прямом значении прелюдия или вступление блокфлейты, в переносном значении – начало предвыборной кампании (гонки), начало агитационных мероприятий.

Данный композит требует контекстуального перевода, понимание его значения возможно благодаря опоре на контекст. Само существительное *Blockflötenvorspiel* представляет собой миниконтекст, для его дешифровки необходимо обращение к более широкому контексту, к содержанию всей статьи или к знанию последних событий, освещенных в этой статье. Особенностью немецких субстантивных композитов является их близость к синтаксическим единицам – словосочетаниям, что дает им возможность служить миниконтекстом для реализации разного рода стилистических фигур и тропов. *Blockflötenvorspiel* порождает эффект новизны, способствует актуализации разного рода ассоциативных связей. Автор статьи добивается сатирического эффекта путем сравнения игры на флейте с предвыборной политической борьбой.

Декодирование подобных окказионализмов усложняет тот факт, что семантические отношения между компонентами построены на метафорическом переносе, как в лексической единице: *Sicherheitsarchitektur* – архитектура безопасности; система безопасности, сложившаяся в международных отношениях. *Der russische Angriff hat nicht nur die Ukraine verheert und Europas*

Sicherheitsarchitektur erschüttert, sondern auch die Weltwirtschaft [13]. – *Российское нападение не только опустошило Украину, но и потрясло европейскую систему безопасности в международных отношениях, мировую экономику.*

Метафорический перенос наблюдается у ряда новообразований окказионального типа в прессе, которые возникли с конца 2021 года в Германии, представляющие коалицию трех правящих партий в правительстве с лидером СДПГ Олафом Шольцем. Коалиция в Германии получила название «светофор», по цветам партий-участниц (Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), «Зеленые», Свободно-демократическая партия Германии (СвДП)): *Ampelkoalition, Ampel-Kabinett, Ampel-Regierung, Scholz-Ampel*. Из представленных четырех лексических единиц регистрацию в электронном словаре Duden прошла только *Ampelkoalition* с пометой «политический жаргон». Перевод данных единиц затрудняет тот факт, что они, сохраняя свою оригинальность, образованы в определенной языковой ситуации, не имеют в русском языке правильного соответствия и переводиться могут только примерно и описательно.

Führungsstärke wird bei der Scholz-Ampel vermisst [14]. – *Проявление лидерства отсутствует в коалиции под руководством Шольца.*

Яркими окказионализмами становятся при сложении в одно слово не сопоставимых по значению слов или разноуровневых реалий, как в нашем случае (*Panzerboom – танковый бум*). С помощью этого окказионализма автор статьи стремится представить свое видение и оценку политических событий, прибегая к образованию иронизирующего перифраза.

Die zerstrittenen Profiteure des Panzerbooms: Deutsche Rüstungshersteller stehen vor einem Milliardengeschäft. Sie sollen alte Leoparden instand setzen, Massen von Munition produzieren und neue Waffen entwickeln [11]. – *Конфликтующие бенефициары танкового бума: немецкие производители вооружений в ожидании миллиардного бизнеса. Им предстоит отремонтировать старые леопарды, производить массу боеприпасов и разрабатывать новое вооружение.*

Окказионализмы и неологизмы чаще встречаются в случае катастроф или каких-либо глобальных событий. Примерами данного факта являются лексические единицы, образованные в результате пандемии коронавируса, которые именуют *Pseudo-Coroneologismen* (псевдокоронеологизмы).

Пример окказионализма в связи с пандемией: *Zudem wird eine Reihe diffuser Symptome wie Müdigkeit oder Kopfschmerzen diskutiert, die im zeitlichen Zusammenhang mit der Impfung auftreten können, aber nicht eindeutig auf die Impfung zurückzuführen sind. Betroffene nennen sie «Post-Vac-Syndrom», angelehnt an das Post-Covid-Syndrom nach einer Infektion* [15].

Как подтверждение продуктивности образования окказионализмов и неологизмов в связи с глобальными событиями в мире указывает тот факт, что в нашей выборке примерно половина обнаруженных окказионализмов представлена в статьях на тему политических и военных событий на Украине. Например, *Panzer-Politik, Panzerfrage, Mobilisierungswelle, Leopard-Debatte, Panzerboom*.

Авторы публицистических статей с целью привлечения внимания читателей намеренно создают окказионализмы для косвенной оценки происходящих событий, в этом случае для декодирования новообразования важен контекст. С целью правильного понимания следующего окказионализма автор дал пояснение в скобках, о ком идет речь, а новообразование оформил кавычками.

Ob es um die Höhe des Mindestlohns geht, um Details der Gaspreisbremse oder um die Rentenanpassung: Wirksamkeit und Angemessenheit dienen als Messlatte für die Rationalität politischen Handelns; sie erst ermöglichen eine Bewertung eingeschlagener Pfade. Fehlen diese Kriterien, droht die Politik Maß und Mitte zu verlieren und zur Getriebenen der «Lautrufer» (Olaf Scholz) zu werden [16]. – *Идет ли речь о размере минимальной заработной платы, о мерах торможения цен на газ или о корректировке пенсий: эффективность и уместность служат критериями рациональности политических действий; они позволяют оценить выбранные действия. Если эти критерии отсутствуют, политика рискует потерять соразмерность и стать движущей силой «громкоговорящих» (Олафа Шольца).*

При анализе выборки окказионализмов случаи, когда понимание и восприятие новообразований было затруднено без учета контекста статьи, представлено примерно десятью процентами.

Выразительность – стилистическая роль окказиональных слов в текстах СМИ, которая обеспечивается их новизной, необычностью на фоне уже известных и привычных слов. Среди исследуемых окказионализмов превалирует детерминативный тип словосложения. Стилистически броскими проявили себя окказионализмы, обладающие фразовой структурой. Особенности функциональной характеристики композитов связаны с тем, что функция создания яркого образа, воздействующего на разум и эмоции читателей в сообщениях прессы, становится в них доминирующей (ядерной), отодвигая функции сжатия информации и языковой экономии на второй план. За счет использования окказионализмов автор статьи выражает свою точку зрения на происходящие события, стремится привлечь внимание читателя к содержанию изложенного.

Литература

1. Bußmann, H. Lexikon der Sprachwissenschaft / Hadumod Bußmann. – Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2008. – 860 S.
2. Elsen, H. Neologismen: Formen und Funktionen neuer Wörter in verschiedenen Varietäten des Deutschen / Hilke Elsen. – Tübingen : Narr, 2011. – 202 S.
3. Glück, H. Metzler Lexikon Sprache / Helmut Glück. – Stuttgart ; Weimar : Metzler Verlag, 1993. – 711 S.
4. Hein, K. Phrasenkomposita – ein wortbildungsfremdes Randphänomen zwischen Morphologie und Syntax? / Katrin Hein // Deutsche Sprache. – 2011. – № 4. – S. 331–361.
5. Hohenhaus, P. Ad-hoc-Wortbildung: Terminologie, Typologie und Theorie kreativer Wortbildung im Englischen / Peter Hohenhaus. – Frankfurt/M. [etc.]: Lang, 1996. – 505 S.
6. Kessel, K. Basiswissen Deutsche Gegenwartssprache / Katja Kessel, Sandra Reimann. – Tübingen ; Basel : Francke, 2010. – 282 S.
7. Krieg, U. Wortbildungsstrategien in der Werbung: zur Funktion und Struktur von Wortneubildungen in Printanzeigen

(Beiträge zur germanistischen Sprachwissenschaft, Band 18) / Ulrike Krieg. – Hamburg: Buske, 2005. – 123 S.

Источники

8. Putin-treue Hacker attackieren Websites von deutschen Firmen und Behörde // Der Spiegel. – 26.01.2023. – URL: <https://www.DerSpiegel.de/netzwelt/web/leopard-panzer-nach-entscheidung-attackieren-putin-treue-hacker-deutsche-behoerden-a-38aac47b-522c-49af-bd65-bbadcb07f6fe> (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.

9. Was bleibt vom deutschen Wohlstand? / Simon Book, Kristina Gnirke, Claus Hecking, Henning Jauernig, Maria Marquart, Cornelia Schmergal und Gerald Traufetter // Der Spiegel. – 51/2022. – URL: <https://www.DerSpiegel.de/wirtschaft/nieder-gang-des-standorts-deutschland-gut-gelebt-schlecht-gewirtschaftet-a-2e1a0b32-37b1-4e96-8981-c2f39b3889d5> (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.

10. Heuser, O. Trump, Biden und der Geheimnis-Fetisch der USA / Olaf Heuser, Marc Pitzke // Der Spiegel. – 28.01.2013. – URL: <https://www.DerSpiegel.de/ausland/donald-trump-joe-biden-und-der-geheimnis-fetisch-der-usa-podcast-a-9e7ac333-c033-471d-9479-e8e52c> (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.

11. Selenskyj würde Putin «in die Fresse hauen» // Der Spiegel. – 18.12.2022. – URL: <https://www.DerSpiegel.de/ausland/news-zum-russland-ukraine-krieg-russischer-verteidigungsminister-inspiziert-ukraine-front-a-10d9d263-95d4-4f93-bff4-1633ad3a0b40> (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.

12. Clauß, A. Mütter sind keine Allzweckwaffen / Anna Clauß // Der Spiegel. – 51/2022. – 18.12.2022. – URL: <https://www.DerSpiegel.de/politik/deutschland/familienpolitik-in-der-krise-muetter-sind-keine-allzweckwaffen-a-6126300a-9648-4d25-9760-971e28f6dae5> (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.

13. Putins Überfall kostet die Weltwirtschaft 1600 Milliarden Dollar // Der Spiegel. – 21.02.2023. – URL: <https://www.DerSpiegel.de/wirtschaft/russlands-krieg-in-der-ukraine-putins-ueberfall-kostet-die-weltwirtschaft-1600-milliarden-dollar-a-44fa2c2e-82b1-4f86-be98-205c758838c7> (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.

14. Erstes Ampel-Zeugnis: Bürger geben Scholz' Regierung desaströse Noten // Focus online. – 8.02.2022. – URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/exklusive-umfrage-erstes-ampel-zeugnis-buerger-geben-scholz-regierung-desastroese-noten_id_50053662.html (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.

15. Was die 253 anerkannten Impfschäden bedeuten // Der Spiegel. – 30.01.2023. – URL: <https://www.DerSpiegel.de/wissenschaft/corona-was-die-253-erkannten-impfschaeden-bedeutend-a-6b72e388-9304-46f9-89e2-944f00393600> (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.

16. Kaim, M. Warum nicht gleich Nuklearwaffen? / Marcus Kaim // Der Spiegel. – 19.01.2023. – URL: <https://www.DerSpiegel.de/politik/deutschland/markus-kaim-swp-uebermasslose-deutsche-ukraine-politik-warum-nicht-gleich-nuklearwaffen-a-7f293c3b-e9e0-40dd-b276-a9adb8daa1db?dico=v2-c02adc2dbc678560824b30d2073e370a> (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.

O.V. Oleinik

OCCASIONAL LEXICAL UNITS IN GERMAN PRESS AND JOURNALISM

The article describes German occasionalisms in the publisistic style. It studies the functions and word-formation features of the units taken from «Der Spiegel», a German infopolitical newsmagazine. The analysis reveals that, in addition to the function of compressing information and filling in lexical gaps, occasionalisms provide press reports with conciseness, completeness, and necessary emotionality. Such new verbal units are often evaluative in nature and perform as ironic paraphrases.

German, publisistic style, occasionalisms, functions of occasionalisms, types of word formation, parts of speech.

И.В. Романовская, А.В. Матвеева
Петрозаводский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА Т. ТРАНСТРЕМЕРА И МЕТОДЫ ПЕРЕВОДА ЕГО СТИХОТВОРЕНИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются особенности творчества Тумаса Транстремера (1931–2015), одного из крупнейших шведских поэтов XX века, сравниваются переводы его стихотворений на русский язык. Актуальность исследования заключается в малой степени изученности творчества Транстремера в отечественной филологии. Цель работы – анализ переводов произведений Транстремера для выявления того, как разным переводчикам (А. Афиногенова, А. Прокопьев, И. Кутик, Н. Антюшина) удастся передать своеобразие его поэтики на русский язык. Сопоставляются независимый и подчиненный методы перевода поэзии и приемы, через которые они реализуются. Материалом исследования послужили стихотворения «Preludium», «Gogol», «Svarta vykort», «En vinternatt», «Det öppna fönstret», «Eldklotter», «Morgon och infart» и их переводы на русский язык.

Т. Транстремер, шведская поэзия, поэтический перевод, методы перевода, независимый метод перевода, подчиненный метод перевода.

Тумас Транстремер – крупнейший шведский поэт XX века, лауреат Нобелевской премии 2011 года. Он, наравне с А. Стриндбергом и И. Бергманом, считается одним из тех поэтов, которые показывают национальное шведское мировосприятие. В своих произведениях Транстремер затрагивает традиционные для своего времени темы: природа и человек, искусство, человеческое бытие и судьба, ход истории и научно-технический прогресс.

Поэзию Транстремера активно исследуют в странах Скандинавии. Благодаря своеобразию и многозначности его произведений происходит рассмотрение самых разных аспектов поэтики его творчества. Л. Бенгтссон де Вен обратил внимание на природу как один из лирических субъектов в творчестве поэта [12]. М. Слик указала на разницу субъекта в прозе и поэзии Транстремера. По ее мнению, наблюдаются заметные отличия между употреблением личного местоимения «я» и присутствием в тексте самого лирического субъекта [14]. М. Сегерлюнд сопоставил эстетику творчества Транстремера и современной шведской поэтессы А. Ядерлунд, отметив у обеих «потустороннюю точность» в передаче аспектов реальности [13].

В России исследователи обращают больше внимания не столько на «содержательную» сторону поэзии Транстремера, сколько на лексико-грамматические особенности его стихотворений, хотя второе не исключает первое. Особое внимание исследователей привлекает синтаксический строй поэзии Транстремера (Н.Н. Толстая [7], Е.М. Чекалина [9; 10]).

Транстремера отличает от других поэтов его уникальный поэтический стиль. Перечислим основные особенности его идиостиля.

Метафоричность. Язык Транстремера метафоричен – поэт обозначил это уже в первом своем стихотворении из сборника «17 стихотворений» фразой

«Пробуждение – прыжок с парашютом из сна» (пер. А. Афиногеновой, ориг. «Uppvaknandet är ett fallskärmsjobb från drömmen») [2], в котором поэт сравнил состояние пробуждения с полетом вниз. Он создал образ, контрастирующий с привычными представлениями о пробуждении как о возвращении в положение стоя. Транстремер активно использует метафору, преобразуя существующую реальность. Широкая метафорика его стихотворений расширяет возможности для интерпретации поэтических текстов как исследователями, так и переводчиками.

Образность. В рамках одного стихотворения Транстремер часто предлагает читателю целую галерею образов, которые переплетаются, создавая несколько смысловых уровней лирического текста. При присуждении Транстремеру Нобелевской премии в 2011 г. были отмечены его «краткие, полупрозрачные образы, дающие обновленный взгляд на реальность» [8]. Эффект «полупрозрачности» стихотворения достигается в том числе за счет краткой, лаконичной формы.

Концентрированность. Данная особенность заключается в наложении образов, мимолетных впечатлений поэта на специфичный грамматический строй [7, с. 162]. А. Прокопьев описал эту черту, сравнив стихотворения поэта с аппликациями, где «каждый образ располагается как бы поверх предыдущего и рядом с ним, нарушая все привычные представления о так называемой “драматургии” стиха» [2, с. 8].

Деперсонализация. У Транстремера наблюдается отказ от субъективности; индивидуальный опыт лирического героя прочитывается как универсальный. Опираясь на теорию Т.С. Элиота о деперсонализации, Транстремер, как и другие модернисты, считал, что деперсонализация помогает описать реальность наиболее достоверно [14].

Многие исследователи, литературные критики, а также переводчики отмечают краткость и лаконич-

ность стихотворений Транстремера [2; 7; 10; 12; 13; 14]. Это приводит нас к необходимости рассмотреть лингвистические особенности его творчества.

Компрессия. Компрессия – это сокращение некоторой части текста без потери содержания. В стихотворениях она выражается односоставными и неполными предложениями, обособленными определениями и при помощи инверсии.

*Dörr nummer tre. Ett trångt hotellrum.
Utsikt mot en bakgata*
(используются неполные предложения)
«Elegi» [7, с. 163].

*...Vaken i mörket hör man
sjärnbilderna stampa i sina epiltor
högt över trädet*
(используются обособленные определения)
«Storm» (Там же, с. 164).

*Från överallt och ingenstans det spelar
som syrsor i augustimörket*
(используется инверсия)
«Elegi» (Там же, с. 165).

Особый грамматический строй. В стихотворениях автор нередко использует цепочки однородных членов предложения, относительных придаточных предложений с союзом *som* [10].

*Allt levande, som sjunger, slingrar, viftar
och kryper!*
(используются однородные члены предложения)
[10, с. 374].

*De tänds och skäcks av moln som flyger fram,
som bara när de skymtar ljusen röjer
sin existens, likt det förflutnas moln
som jagar kring i själar*
(используются придаточные предложения с *som*)
(Там же, с. 377).

Авторская пунктуация. В произведениях Транстремера особые художественные функции имеют двоеточие и тире [10]. Двоеточие используется при выражении того, что находится за пределами реальности, и при описании поэтического прозрения [10, с. 382], тире расширяет горизонты поэтического пространства и времени (Там же, с. 386).

Все вышеперечисленные особенности еще раз показывают самобытность лирики Транстремера. При помощи минималистичного языка и ярких кратких образов шведский поэт дает возможность читателю получить иную картину мира, ощутить связи между элементами новой реальности.

* * *

Лирика Транстремера не раз переводилась на русский язык. Отдельные стихотворения («Сон Балакирева» [6], «Гоголь» [6], «Зимняя ночь» [1] и др.) перевели на русский язык И. Кутик, Т. Бек, Ю. Гурман, Н. Антюшина.

А. Афиногенова и А. Прокопьев в 2012 году совместно издали собрание сочинений поэта на русском языке [2].

Переводчиков Транстремера можно разделить на две группы. Первая группа – представители независимого метода перевода (И. Кутик, Н. Антюшина) – считает, что переводить поэтический текст нужно так, чтобы читатель, носитель специфического национального мировоззрения, понял, что именно хотел донести зарубежный автор. Для этого в переводы стихотворений, написанных верлибром, добавляется рифма и особая ритмика, предложения становятся более распространенными.

Вторая группа – представители подчиненного метода (А. Афиногенова и А. Прокопьев) – старается сохранить в переводе стиль автора, его национальное своеобразие. Переводчики стремятся передать и форму, и поэтическое содержание произведения как можно ближе к оригинальному тексту. В приведенной ниже таблице показано, как особенности творчества шведского поэта представлены в переводах его стихотворений на русский язык.

На основе показанных в таблице данных можно сделать вывод о весьма свободном переводе стихотворений Н. Антюшиной. Несмотря на разные методы перевода, И. Кутик, А. Афиногенова и А. Прокопьев в равной степени отражают особенности лирики Транстремера. Рассмотрим отдельно каждую из них.

Метафоричность. Перевод тропов – всегда сложный вопрос в переводе, и связан он преимущественно с проблемой адекватности дословного перевода стилистических фигур, а также наличия или отсутствия их эквивалентов в языке перевода.

Таблица 1

Особенности творчества	Независимый метод		Подчиненный метод	
	И. Кутик	Н. Антюшина	А. Афиногенова	А. Прокопьев
Метафоричность	+	–	+	+
Образность	+	+	+	+
Концентрированность	+	–	+	+
Деперсонализация	–	–	–	–
Компрессия	+	–	+	+
Особый грамматический строй	+	–	+	+
Авторская пунктуация	+	–	+	+

А. Афиногенова для передачи метафор в переводе на русский использует прием калькирования. Например, традиционная метафора смерти, которая приходит к человеку в конце его жизненного пути, переводится дословно:

<p><i>...döden kommer och tar mått...</i> [2, с. 182]</p>	<p><i>Смерть приходит <...>, мерку снимает...</i> «Черные открытки» (Там же, с. 183).</p>
---	---

Другой пример – метафора бури, олицетворяющая силы природы, пугающие и подавляющие человека:

<p><i>Stormen sätter sin mun till huset och blåser för att ta få ton</i> (Там же, с. 102)</p>	<p><i>Буря прижимается ртом к дому и дует, чтобы извлечь звук</i> «Зимняя ночь» (Там же, с. 103).</p>
---	---

А. Прокопьев также использует способ дословного перевода:

<p><i>[surr] Växte till en helikopter</i> (Там же, с. 148)</p>	<p><i>[шум] Превратился в вертолёт</i> «Открытое окно (Там же, с. 149).</p>
<p><i>Dussintals dialekter av grönt</i> (Там же)</p>	<p><i>Дюжинами диалекты зеленого</i> «Открытое окно (Там же).</p>

У переводчиков, которые придерживаются независимого метода перевода, метафоры претерпевают изменения. Сравним вторую строфу стихотворения «Гоголь» в переводах И. Кутика и А. Афиногеновой.

«Gogol» Т. Tranströmer	«Гоголь» пер. И. Кутика	«Гоголь» пер. А. Афиногеновой
<p><i>Nu smyger solnedgången som en räv över detta land, antänder gräset på ett ögonblick. Rymden är full av horn och klövar och därunder glider kaleschen skugglik mellan min fadersupplysta gårdar.</i> [2, с. 26]</p>	<p><i>Закат по стране продвигается, как лиса, задевая хвостом траву и не беря лица. Небо гремит копытами, тень от брочки бросая на желтые окна (возьмем в кавыч- ки) имени моего отца.</i> [6, с. 54]</p>	<p><i>Закат крадётся лисицей над этой стра- ной, мгновенно траву поджигая. Космос полон рогатых с копытами, а внизу меж освещенных хуторов отцовских тенью скользит коляска.</i> [2, с. 27]</p>

Строфа начинается словами *Nu smyger solnedgången som en räv över detta land, / antänder gräset på en ögonblick* [2]. А. Афиногенова дословно переводит текст на русский язык: *Закат крадётся лисицей над этой страной, / мгновенно траву поджигая* [2, с. 27]. И. Кутик обращает больше внимания на сравнение (как лиса) как составляющую развернутой метафоры. Опуская вторую часть метафоры, он при этом расширяет сравнение: *Закат по стране продвигается, как лиса, / задевая хвостом траву и не беря лица* [6, с. 54].

«Svarta vykort» Т. Tranströmer	«Черные открытки» пер. Н. Антюшиной	«Черные открытки» пер. А. Афиногеновой
<p><i>Almanakan fullskrivnen, framtid okänd. Kabeln nunnar folkvisan utan hemland Snöfall i det blystillta havet. Skuggor brottas på kajen.</i> [2, с. 182]</p>	<p><i>Дневник мой – закончен, что будет, неясно. Под парусом плавание очень опасно, Снежинки кружились над морем суровым, Оно потемнело и стало свинцовым.</i> [1, с. 116]</p>	<p><i>Ежедневник исписан, в дымке судьба. Провод песнь напевает, всем чужую. Снег. Свинцовое море. На причале борются тени.</i> [2, с. 183]</p>

Другой пример – метафора одиночества и оторванности *Kabeln nunnar folkvisan utan hemland* в стихотворении «Черные открытки» [2]. Строка в дословном переводе звучит как *[корабельный] трос напевает без слов народную песню без родины* (перевод – А. М.). Н. Антюшина, опуская ее в переводе, создает при этом более четкий, чем в оригинале, образ корабля; на основе общей связи со строением морского судна она приходит от лексемы *kabeln* ('трос') к выражению «под парусом». Этот же способ используется в предложении *Skuggor brottas på kajen* (*Тени борются на причале*) (перевод – А. М.). Полный отказ от метафоры заставляет переводчика вводить глагол *потемнело*, описывающий состояние моря.

Таким образом, И. Кутик и Н. Антюшина компенсируют опущенные ими метафоры, углубляя и расширяя значение других тропов или образов через прием смыслового развития.

Образность. Образность является единственной особенностью, которая сохраняется у всех переводчиков. В предыдущем пункте мы описали, как это происходит у Н. Антюшиной.

А. Афиногенова и А. Прокопьев при переводе образов также применяют прием дословного перевода, за счет чего сохраняют «аппликативный характер» стихотворений. Это ярко видно на примере стихотворения «Preludium» (пер. А. Афиногеновой) [2]. Образы, которые лирический герой видит во время «падения из сна», также наслаиваются друг на друга, что усиливает ощущение движения.

«Preludium»
Т. Транстрөмер

*Han förnimmer – i dallrande lärkans
position – i tropiskt flöde – grönskan, med
lyftade armar, lyssnande
till rytmen från ett osynligt pumpverk. Och han
sjunker mot sommaren, firas ned
i dess bländande krater, ned
genom schakt av grönfuktiga åldrar
skälvande under solturbinen*

[2, с. 18]

«Preludium»
пер. А. Афиногеновой

*Он ощущает – трепещущий
жворонок – как качаются лампы мощной системы
корней под землей. А наверху –
в тропическом изобилии – зелень,
подняв руки, прислушивается
к ритму невидимого насоса. И странник
падает в лето, спускается
в его слепящий кратер, вниз
по шахте зелено-влажных эпох,
сотрясающихся под турбиной солнца.*

(Там же, с. 19)

И. Кутик в одних случаях сохраняет оригинальные художественные изображения при помощи калькирования:

Under de dystra månaderna gnistrade mitt liv till bra när jag älskade med dig
(Там же, с. 184)

*В унылую пору жизнь моя всыхивает только когда
мы занимаемся любовью
«Почерк пламени» [4].*

В отдельных случаях образы, созданные Транстрөмером, заменяются на другие, более подходящие миро-восприятию русского читателя:

...Och kring nedisade kvarter än svävar manetligt den arme i sin kappa
[2, с. 26]

*...И во льду кварталов последний из горожан
фланирует, как пиранья
«Гоголь» [6, с. 54].*

Концентрированность. Данная черта отсутствует лишь у Н. Антюшиной. Переводчица не отражает лингвистические особенности творчества Транстрөмера, из-за чего пропадает эффект недосказанности, который описывала Н.Н. Толстая [7, с. 162].

Деперсонализация. Между независимым и подчиненным методами перевода существует много отличий, однако у них есть общая черта, касающаяся деперсонализации. Деперсонализация помогает отразить реальность наиболее объективно, достоверно. В стихотворениях Транстрөмера мы редко встречаем образ лирического героя, что хорошо видно на примере стихотворения «Черные открытки».

«Svarta vykort»
Т. Транстрөмер

*Almanakan fullskrivnen, framtid okänd.
Kabeln nynnar folkvisan utan hemland.
Snöfall i det blystillta havet. Skuggor
brottas på kajen.*

*Mitt i livet händer att döden kommer
och tar mått på människan. Det besöket
glöms och livet fortsätter. Men kostymen
sys i det tysta.*

[2, с. 182]

«Черные открытки»
пер. Н. Антюшиной

*Дневник мой – закончен, что будет, неясно.
Под парусом плаванье очень опасно,
Снежинки кружились над морем суровым,
Оно потемнело и стало свинцовым.*

*Совсем неожиданно смерть к нам заходит,
Размер с нас снимает и саван готовит.
Конечно, мы можем визит не заметить,
Но позже за это придётся ответить.*

[1, с. 116]

«Черные открытки»
пер. А. Афиногеновой

*Ежедневник исписан, в дымке судьба.
Провод песнь напевает, всем чужую.
Снег. Свиное море. На причале
борются тени.*

*Смерть приходит порой в зените жизни,
с тебя мерку снимает. Ты не помнишь
этот визит и жить продолжаешь. Но
платье-то шьется.*

[2, с. 183]

Первая строфа состоит из коротких фраз, которые не дают какой-либо информации о лирическом герое. Читателю видны только два действия: трос напевает и тени борются (*kabeln nynnar, skuggor brottas*), что не имеет отношения к лирическому субъекту.

Во второй строфе говорится о визите смерти. Создается впечатление, что такое может описать лишь человек, переживший подобное:

*Mitt i livet händer att döden kommer
och tar mått på människan [2, с. 182]*

*В середине жизни случается, что смерть приходит
и снимает мерку с человека (перевод – А.М.).*

Однако данное «посещение» совершает сама смерть, она же снимает мерки с людей. Затем следует упоминание других действий, совершаемых не человеком:

*Det besöket
glöms och livet fortsätter. Men kostymen
sys i det tysta*

[2, с. 182]

*Этот визит
забывается и жизнь продолжается. Но костюм шьётся
в этой тишине (перевод – А. М.).*

Это позволяет думать о том, что данное явление свойственно абсолютно всем людям и может произойти независимо от воли человека.

Все четыре переводчика отступают от идеи о деперсонализации. В стихотворении «Черные открыт-

ки» А. Афиногенова и Н. Антюшина добавляют личные местоимения (*с тебя* и *ты* у Афиногеновой, *нам, нас* и *мы* у Антюшиной) и притяжательные местоимения (*мой дневник*). Во второй части стихотворения А. Афиногенова заменяет фразу *det besöket glöms och*

livet fortsätter на ты забываешь и жизнь продолжаешь, что убирает безличность предложений – человек становится субъектом произведения. Причина этому кроется в принципиальном отсутствии тенденции к деперсонализации в русской поэзии [11, с. 39].

Компрессия и особый грамматический строй. Тяготение к простоте отразилось у переводчиков, придерживающихся подчиненного метода. В переводе стихотворения «Черные открытки» А. Афиногенова сохраняет краткие, односложные конструкции:

*Ежедневник исписан, в дымке судьба.
Провод песнь напевает, всем чужую.
Снег. Свинцовое море. На причале
борются тени* [2, с. 183].

Переводчик опускает фразу *i det tysta* в последней строке, оставляя только грамматическую основу и делая предложение нераспространенным. Применяется прием членения: предложение *Snöfall i det blystilla havet* делится на два односоставных назывных *Снег. Свинцовое море*.

Н. Антюшина, опираясь на независимый метод перевода, не сохраняет сжатую форму стихотворения – этим отличаются все ее переводы. Лирические тексты претерпевают значительные изменения, однако, можно отметить использование приема добавления. Так, в стихотворении «Черные открытки» появляются наречия (*очень, совсем*), эпитет (*суровый*) и вводное слово (*конечно*).

Тенденцию Транстремера к лаконичности и сжатости переводчики реализуют при переводе сложных слов. Слова, состоящие из двух и более корней, – не редкость для скандинавских языков. На русский язык они переводятся словосочетаниями, что делает предложения более громоздкими. А. Афиногенова использует приемы генерализации или конкретизации, расширяя или, наоборот, сужая лексическое значение слова. Так, например, *snegopad (snöfall)* стал *снегом, народная песня (folkvisan)* – *песню*, а авторское прилагательное *свинцово-тихое (blystilla)* сократилось до *свинцового* («Черные открытки») [2]. И. Кутик также сокращает сложные слова, но через прием смыслового развития. Так, например, чтобы описать побелевшее лицо, переводчик заменяет *marmorflisa* в сравнении *Ansiktet som en marmorflisa* («Лицо как обломок мрамора»), (перевод – А. М.) на слово *белизна* («Гоголь»).

Авторская пунктуация. В переводах Н. Антюшиной данная особенность не передается. У других переводчиков эта черта проявляется в двух случаях: они сохраняют тире или двоеточие в том месте, где оно находится в оригинале (*Dagar – / som aztekernas skrivtecken!* – *Дни – / как письма ацтеков!*, «Утро – гавань» [2], пер. А. Прокопьева), или они ставят его на место, где его нет в оригинале, но будет выполнять те же функции, что у Транстремера. Например, в стихотворении «Почерк пламени» (пер. И. Кутика):

*Vi tjuvmjökade kosmos och överlevde
Втихую мы доим космос и – выживаем
«Почерк пламени»* [4].

С помощью тире переводчик делает акцент на слове *выживаем* и показывает как причинно-

следственную связь между действиями в предложении, так и значение данного события.

Подводя итог вышесказанному, отметим ряд особенностей перевода поэзии Транстремера со шведского языка на русский.

Независимый метод перевода (И. Кутик, Н. Антюшина) реализуется через прием смыслового развития, когда на основе общей смысловой связи, общих ассоциаций обнаруживаются эквиваленты оригинальным метафорам, лексемам и другим единицам в языке-реципиенте. Поэтический текст заметно меняется, по этой причине затруднительно говорить о других трансформациях. Прием модуляции, взятый за основу в данной группе, приводит к сильным различиям между самими переводчиками. Работы И. Кутика внешне не похожи на оригинал, однако ему все же в большей мере, чем другим, удалось отразить многие особенности творчества Транстремера.

Переводчики, придерживающиеся подчиненного метода (А. Афиногенова, А. Прокопьев), опираются на прием дословного перевода для сохранения авторской семантики и синтаксиса, а также авторских метафор. Сопутствующими данному методу приемами являются опущение грамматических единиц, сужение или расширение лексического значения, грамматические замены или изменение порядка слов. В этой группе переводчиков наблюдается наиболее продуктивная работа по передаче в переводах на русский язык особенностей поэтики Т. Транстремера.

Тенденция, которая прослеживается у всех переводчиков, – это отказ от деперсонализации в стихотворениях за счет добавления личных и притяжательных местоимений.

Кроме того, весьма часто наблюдаются переводческие трансформации (инверсия, добавление, опущение, грамматическая замена и др.), которые встречаются при переводе со шведского на русский язык не только художественных, но и других видов текстов. Однако настоящие методы перевода свидетельствуют о многогранности поэтического творчества Т. Транстремера и сложности передачи особенностей его стихотворений на русский язык.

Литература

1. Антюшина, Н. Причудливый мир фантазий и образов Томаса Транстремера / Н. Антюшина // Современная Европа. – 2009. – № 1. – С. 111–123.
2. Избранное: стихотворения / перевод со шведского А. Афиногеновой, А. Прокопьева. – Москва: ОГИ: *bilingua*, 2002. – 288 с.
3. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие / В. Н. Комиссаров; под редакцией С. Ф. Гончаренко. – Москва: ЭТС, 2002. – 424 с.
4. Кутик, И. Почерк пламени / И. Кутик // Живой Журнал. – URL: <https://o-kalnickoi.livejournal.com/123018.html?usclid=li1qibw6bx839339691> (дата обращения: 25.05.2023). – Текст: электронный.
5. Магомедзагиров, Р. Г. Методы и принципы поэтического перевода. Переводческие преобразования при переводе поэзии / Р. Г. Магомедзагиров // Вестник РУДН. – 2016. – № 4. – С. 100–108.
6. Стихи / перевод и варианты. – Москва, 1992. – С. 54–60.
7. Толстая, Н. Н. О некоторых синтаксических особенностях поэзии Томаса Транстремера / Н. Н. Толстая // Скан-

динавская филология (Scandinavica). – 1985. – Вып. 4. – С. 161–166.

8. Тумас Транстремер : Википедия. Свободная энциклопедия. – URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Транстремер,_Тумас (дата обращения: 25.05.2023). – Текст : электронный.

9. Чекалина, Е. М. Грамматика шведского глагола и поэтика Тумаса Транстремера (семантика и синтаксические функции причастия 1) / Е. М. Чекалина // Атлантика. Записки по исторической поэтике. – Москва : МАКС Пресс, 2018. – Т. 15. – С. 198–214.

10. Чекалина, Е.М. Поэтический синтаксис Тумаса Транстремера и его перевод на русский язык / Е. М. Чекалина // Скандинавская филология. – 2020. – Т. 18, вып. 2. – С. 372–393.

11. Шталь, Х. Многоипостасная модель поэтического субъекта / Х. Шталь // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика. – Peter Lang, 2018. – С. 35–55.

12. Bengtsson de Veen, L. Skuggorna vilar i ljuset: En studie av det naturlyriska subjektet hos Tomas Tranströmer, Per Westermark och Bengt Anderberg / L. Bengtsson de Veen. – Uppsala : Uppsala universitet, 2016. – URL : <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:971658/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 29.04.2023). – Текст : электронный.

13. Segerlund, M. Poetiska förskjutningar – Ann Jäderlund och Tomas Tranströmer i remix / M. Segerlund. – Umeå : Umeå universitet, 2016. – URL : <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:938208/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 23.02.2023). – Текст : электронный.

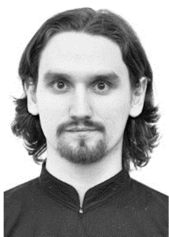
14. Slyk, M. «VEM är jag?». Det lyriska subjektet och dess förklådnader i Tomas Tranströmers författarskap / M. Slyk. – Uppsala : Uppsala universitet, 2010. – URL : <http://uu.diva-portal.org/smash/get/diva2:324624/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 15.01.2023). – Текст : электронный.

I.V. Romanovskaya, A.V. Matveeva

SPECIFICS OF T. TRANSTRÖMER'S WORK AND METHODS OF TRANSLATING HIS POEMS INTO RUSSIAN

The article examines the specifics of the literary work of Tomas Tranströmer (1931–2015), one of the most famous Swedish poets of the 20th century. It contrasts and compares the translations of his poems into Russian. The relevance of this research is proved by the insufficient study of the poet's works in the language and literature studies in Russia. The objective of the article is to analyse the translations of T. Tranströmer's poems in order to identify how different translators (A. Afinogenova, A. Prokopyev, I. Kutik, N. Antyushina) manage to convey the individuality of his poetry into Russian. The article juxtaposes the independent and subordinate methods of poetic translation and the ways they are implemented. The following poems and their translations into Russian are under consideration in the work: «Preludium», «Gogol», «Svarta vykort», «En vinternatt», «Det öppna fönstret», «Eldklotter», «Morgon och infart».

T. Tranströmer, Swedish poetry, poetic translation, methods of translation, independent method of translation, subordinate method of translation.

К.А. Цырельчук
Сретенская духовная академия

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЛИТУРГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО АНАФОРАЛЬНОГО ВОЗГЛАСА)

В настоящей статье поднимается проблема недостаточного понимания православного богослужения в Русской православной церкви, совершаемого на церковнославянском языке. Решить ее предлагается с помощью истолкования литургического текста в русле герменевтики. Особое внимание уделено типологии переводческих трансформаций – лексико-семантических, словообразовательных, морфологических, синтаксическом отношении. На примере одного анафорального возгласа представлена методология герменевтического анализа литургических текстов на русском языке. Помимо этого, анализируются различные подходы в рамках церковнославяно-русского взаимодействия.

Анафора, церковнославянский язык, русский язык, герменевтический анализ, православное богослужение, переводческие трансформации.

Введение в проблематику

Со второй половины XIX столетия в Русской церкви активно обсуждается проблема сложного для понимания верующими православного богослужения, совершаемого на церковнославянском языке.

При этом, помимо дискуссий, предпринимаются попытки по переводу богослужения на русский язык. В результате сложился целый корпус таких текстов. Очевидно, их исследование является необходимым этапом осмысления роли богослужебного языка Русской церкви.

Направлением, которое занимается анализом и оценкой имеющихся переводов, является *герменевтика литургических переводов* – истолкование литургического (богослужебного) текста в богословском, историческом, филологическом и иных контекстах, а также с точки зрения литургического употребления, цель которого заключается в определении наиболее верного переводческого решения.

Герменевтика литургических текстов на русском языке требует тесного взаимодействия с теорией перевода, которая разработала системный подход к описанию переводческих трансформаций. Последние фиксируются и объясняются в рамках герменевтического анализа, в том числе и литургических текстов на русском языке.

Понятие о трансформации в теории перевода

Термин «трансформация», появившийся в теории перевода из генеративной лингвистики, имеет вполне устойчивую дефиницию.

О.С. Ахманова дает два определения: 1. «один из методов порождения вторичных языковых структур, состоящий в закономерном изменении основных моделей (или ядерных структур)»; 2. «символически выраженные морфосинтаксические соответствия меж-

ду сходными предложениями и фразами, обнаруживаемыми в данном корпусе» [3, с. 480].

«Словарь лингвистических терминов» Т.В. Жеребило предлагает такую дефиницию – «лингвистическое преобразование структуры композиции с сохранением смысла (инвариантность смысла относительно преобразований структуры)» [10, с. 413].

О.И. Москальская выделяет ключевую черту трансформации – «перестройка структуры предложения при сохранении полной или почти полной неизменности его лексического состава» [15, с. 129]. Ее виды – пассивная и демиактивная, и они касаются специфических для немецкого языка синтаксических конструкций (Там же). Понятие трансформации исходит из необходимости сохранения неизменным или почти неизменным лексического состава предложения (Там же, с. 124).

В.К. Гак высоко оценивает систему О.И. Москальской, но указывает на ее применимость исключительно внеконтекстуально, так как в определенном контексте «можно... дериват рассматривать как трансформу с сохранением смысла» [6, с. 375].

Он же, используя синоним «преобразование», описывает тройкий характер любого преобразования (качественный, количественный и пермутационный) (Там же), а также перечисляет пять типов лексико-семантических преобразований:

- 1) транспозиция грамматических категорий (числа, времени и т.п.);
- 2) транспозиция частей речи (грамматических классов);
- 3) трансформация средств связи между предложениями или их частями;
- 4) актантные трансформации (изменение синтаксической функции слова);
- 5) семантические трансформации в слове (Там же, с. 376).

Термин «преобразование» использует и Я.И. Рецкер. В поле его внимания находятся лексические преобразования, под которыми ученый понимает «приемы логического мышления, с помощью которых мы раскрываем значение иноязычного слова в контексте, и находит ему русское соответствие, не совпадающее со словарным» [16, с. 45].

А.Д. Швейцер называет трансформации «универсальным способом осуществления перевода» [19, с. 40]. При этом он фокусируется именно на процессе перевода, а не на его итоге. Но определение трансформации как явления, затрагивающего синтаксический уровень, следует признать важным в контексте различий в синтаксической организации разных языков.

Л.С. Бархударов идет за Я.И. Рецкером, когда больше сосредотачивается на смысле и его сохранности как цели перевода. Под преобразованием или трансформацией нельзя понимать буквальное изменение текста, так как исходный текст сохраняется, а на его основе создается новый – на другом языке [4, с. 6]. Первый текст является исходным, а второй – создается на основе первого, что влечет за собой неизбежные потери.

Преимуществом систематизации Л.С. Бархударова является его исходная позиция и понимание перевода как процесса преобразования (трансформации), при котором создается эквивалентный («несущий ту же информацию») текст на переводящем языке (Там же, с. 232).

В лекциях по переводоведению В.Н. Комиссаров описывает различные типы преобразований (трансформаций), которые применяются при непосредственной переводческой деятельности. Опираясь на уже традиционные трансформационную, семантическую и ситуационную модели перевода, он систематизирует переводческие трансформации как методы или инструментарий самого переводчика [13, с. 165–173].

Можно отметить, что к грамматическим трансформациям В.Н. Комиссаров относит морфологические и синтаксические приемы, при этом в целом все грамматические преобразования затрагивают именно синтаксический уровень (Там же, с. 170).

Л.К. Латышев ключевой причиной наличия переводческих трансформаций называет «существенные расхождения коммуникативных компетенций носителей ИЯ и носителей ПЯ в тех или иных компонентах и необходимость их нивелировать (“сгладить”) ради достижения равноценности регулятивного воздействия ИТ и ПТ (исходного и переводного текста. – К. Ц.)» [14, с. 36].

Типологию трансформационных операций предлагает Н.К. Гарбовский. Переводческую трансформацию он понимает как процесс «преобразования системы смыслов исходного речевого произведения в целом, происходящего в переводе» [7, с. 372]. При этом для конкретных переводческих трансформирующих операций он предлагает термин «трансформационные операции».

Систематизируя предшествующие классификации, Н.К. Гарбовский приходит к выводу, что большинство наименований переводческих операций повторяется (Там же, с. 386). Он же критикует типоло-

гии, которые строятся вокруг языковых уровней, так как они базируются не на семантике, а на форме. Классификации же, построенные на семиотическом и логико-семантических категориях, обладают большей убедительностью [7, с. 387].

Таким образом, взгляды отечественных теоретиков перевода затрагивают концептуальные аспекты самой теории перевода, его целей и описывают те переводческие трансформации (преобразования), которые применяются для адекватной передачи оригинального текста на ином языке.

Представленные выше примеры типологизации переводческих трансформаций демонстрируют разные подходы к языку, его уровням. В контексте герменевтики литургических переводов на русский язык необходим синтез представленных концепций.

Типология переводческих трансформаций

Учитывая наработки по теории перевода и переводным текстам Древней Руси [18], стоит определить типологию переводческих трансформаций, которая будет основной для настоящего исследования.

I. Морфологическая трансформация – замена частей речи, особенности передачи артикля, видовременных категорий глаголов и причастий, морфологических категорий рода и числа.

II. Лексическая трансформация – отклонение от словарных соответствий, в том числе вызванное конкретным контекстом:

1. Конкретизация – перевод исходного слова, имеющего широкое значение, единицей переводящего языка с более узким значением.

2. Генерализация – перевод исходного слова, имеющего узкое значение, единицей переводящего языка с более широким значением.

3. Лексическое добавление – введение дополнительных слов с целью уточнения смысла исходного текста.

4. Опускание – пропуск слов, словосочетаний, имеющих в исходном тексте.

5. Смысловая модуляция – замена слова, словосочетания исходного текста единицей переводящего языка, значение которой логически выводится из значения исходного слова.

6. Антонимический перевод – замена понятия исходного текста противоположным понятием переводящего языка с последующим изменением построения высказывания.

7. Целостное преобразование – разновидность смысловой модуляции, при которой происходит преобразование не отдельных элементов, а в их совокупности.

8. Компенсация – замена не переводимого с исходного языка слова, словосочетания, выражения иным средством переводящего языка.

III. Морфемно-словообразовательная трансформация – изменение при переводе исходного слова с помощью добавления или, наоборот, удаления морфем в переводящем языке.

IV. Синтаксическая трансформация – преобразование грамматической структуры высказывания.

V. Семантическая трансформация – преобразование смысловой структуры отдельных слов и высказываний в целом.

VI. Гибридная трансформация – совмещение вышперечисленных типов переводческих трансформаций.

Надо подчеркнуть: если переводческая трансформация является сознательным переводческим решением, обусловленным тактикой самого перевода, необходимо отдельно говорить о переводческих деформациях – несознательных трансформациях исходного текста, который затрагивает прежде всего семантический уровень последнего.

Возглас «Твоя от Твоих» (герменевтический анализ)

При герменевтическом анализе литургических текстов на русском языке подобные деформации не позволяют свидетельствовать о невозможности соответствия категориям эквивалентности и адекватности.

Междисциплинарный характер такого исследования обуславливает необходимость учета широкого контекста. Он в рамках герменевтического анализа расширяется за счет исторических, богословских и культурных аспектов, исследование которых необходимо для полноценного анализа.

В литургических же текстах на русском языке имеет место полилингвальная картина: переводчику необходимо знать не только греческий и русский, но и церковнославянский.

В качестве примера переводческих трансформаций стоит привести герменевтический анализ вариантов русского текста фразы анафоры св. Василия Великого, которая звучит так: *Твоа ѿ твоихъ тебе приносаще, ѡ всѣхъ и за вса* [Службник, 2003, с. 238]; греч. *Τὰ Σὰ ἐκ τῶν Σῶν, σοὶ προσφέρομεν κατὰ πάντα, καὶ διὰ πάντα* [Литургия].

Аккламация имеет библейское происхождение: *Ибо кто я и кто народ мой, что мы имели возможность так жертвовать? Но от Тебя все, и от руки Твоей полученное мы отдали Тебе* (1 Пар. 29: 14) [Библия, с. 349].

В этой связи ее необходимо понимать через призму жертвенного характера самой Евхаристии: Богу приносятся Его же дары [11, с. 522]. «Этот возглас священника, этот член канона составляет несомненное выражение древне-церковного воззрения на евхаристию, как на дар Богу, приносимый усердием верующих», – поясняет А.П. Голубцов [8, с. 593].

Помимо этого, данный возглас актуализирует призвание человека «ввести в общение с Богом все остальное творение» [12, с. 122]. Это Своей земной жизнью и искупительным подвигом совершил Христос. К этому призван и каждый человек.

Сложность при передаче данного места кроется в употреблении греческих предлогов *κατὰ* и *διὰ*, которые управляют винительным падежом. Первый в таком случае имеет функцию «соответственно» [20, р. 883], а второй – «по причине» (Там же, р. 389).

Сама аккламация, по мысли Н.Д. Успенского, является поздней вставкой в анафоры св. Иоанна Злато-

уста и св. Василия Великого из анафор александрийского типа [17, с. 388].

Свящ. Михаил Асмус утверждает: для определения верного исходного контекста необходимо находиться исключительно в рамках анамнезиса. Используя логику, он приходит к выводу: «Единственно, к чему относится *πάντα* – “все”, это тот перечень искупительных и домостроительных дел Христовых, деятельным воспоминанием которых и является возносимая благодарственная жертва» [2, с. 124].

Исследователь толкует греческую фразу *διὰ πάντα* в контексте благодарности верующих относительно описываемых в анафоре дел домостроительства спасения. А выражение *κατὰ πάντα* остается для него неясным (Там же, с. 127).

Приведенный тезис критикуется В.Е. Елимановым. Он предлагает анализировать это место анафоры через призму евхаристического богословия св. Николая Кавасилы. *Διὰ πάντα* – указание на причину приношения Евхаристии, которая состоит в благодарности верующих за все благодеяния Божии [9, с. 74]. А выражение *κατὰ πάντα* должно пониматься так: «Евхаристическая Жертва, приносимая Церковью, совершается в соответствии со всем (курсив автора. – К. Ц.) (*κατὰ πάντα*), что совершил Христос на Тайной Вечере» (Там же, с. 75).

Важным надо признать следующий тезис: «Поскольку возглас “Твоя от Твоих [...]” изначально не содержался в анафорах св. Иоанна и св. Василия и не является их органической частью, то и подход к установлению его смысла должен быть не исключительно контекстуальным, но в первую очередь богословским» (Там же, с. 79).

Используя данный подход, В.Е. Елиманов указывает на двойной аспект Евхаристии как Жертвы, совершенной на Тайной вечери, так и Жертвы вообще (Там же, с. 80). При этом сама нынешняя Евхаристия совершается идентично тому совершенной Спасителем на Тайной Вечери.

Как вступительный (преданафоральный) диалог и Sanctus, анализируемая аккламация является общей и для Литургии св. Иоанна Златоуста, и для Литургии св. Василия Великого.

А значит, стоит провести герменевтический анализ русского текста указанного места и у авторов, которые перевели данный текст в Литургии св. Иоанна Златоуста.

Данный возглас на русском языке звучит так:

– Н. Нахимов (*ННахим*): «Твое из Твоих же даров принося Тебе сообразно всему этому и за все» [Нахимов, с. 63];

– прот. Сергей Петровский (*СергПетр*): «Мы, принося Тебе Твои дары от Твоих слуг (рабов) за всех людей и за все Твои благодеяния» [Петровский, с. 96–97];

– свящ. Петр Поляков (*ПетрПол*): «Твои (дары), от Твоихъ (творений), принося Тебе, в благодарение о всех благодеяниях и в умилоствление за все грехи» [Поляков, с. 79];

– митр. Антонин (Грановский) (*АнтонГр*): «Твое из Твоего, Тебе приносяще, о всех и за все» [Боже-ственная Литургия, 2018, с. 301],

– иером. Феофан (Адаменко) (*ФеофАдам*): «Твое из Твоего, Тебе приносяще за всех и за все» [Адаменко-Служебник, с. 83];

– иером. Амвросий (Тимрот) (*АмврТимр*): «Твоё от Твоих Тебе принося о всём и за всё [греч: Твоё от Твоих Тебе приносим в согласии со всем и по причине всего]» [Божественная Литургия, 2023];

– митр. Иларион (Алфеев) (*ИлАлф*): «Принося Тебе Твое из Твоего, согласно всему [этому] и благодаря всему [этому]» [Божественная Литургия, 2016, с. 124];

– митр. Ионафан (Елецких) (*ИонЕлец*): «Твоё из Твоего Тебе приносяще, за всё (Твоё) и во всём (Твоём)» [Ионафан];

– прот. Андрей Дудченко (*АндДуд*): Твое от Твоих Тебе принося сообразно всему этому и за все» [Дудченко, с. 146];

– В. Шолох (*ВлШолох*): «Твоё из Твоего мы приносим Тебе согласно всему и в благодарность за всё» [Шолох];

– А. Волохонский (*АВол*): «Твое от Твоего приносим Тебе за всех ради всех!» [Волохонский, с. 69];

– игум. Силуан (Туманов) (*СилТум*): «Твое из даров Твоих Тебе приносим ради всего и за всех» [Служебник, 2021, с. 199];

– Свято-Филаретовский православно-христианский институт (*СФИ*): «Твоё из Твоего Тебе принося всегда и везде» [Православное богослужение, с. 54].

Можно заметить, что переводчики выбирают одну из двух стратегий: отражают вариант, максимально приближенный к церковнославянскому, либо предлагают лексические трансформации возгласа.

По первому пути идут *ННахим*, *ФеофАдам*, *АнтонГр*, *АмврТимр*, *ИлАлф*, *ИонЕлец*, *АндДуд*, *АВол*, *СилТум*.

ННахим и *АндДуд* переводят предложениями «сообразно» («в соответствии с чем-л., согласно чему-л.» [5, т. 27, с. 36]) и «за» («употр. при обозначении лица, предмета и т. п., ради, во имя которых совершается действие» (Там же, т. 6, с. 11)).

ФеофАдам использует предлог «за» в обоих случаях.

АнтонГр следует здесь за церковнославянским вариантом.

АмврТимр предлагает предложения «о» («употр. при обозначении лица, предмета речи, мысли, чувства и т. п.» (Там же, т. 13, с. 9)) и «за» (функция та же, что у *ННахим*).

ИлАлф выбирает предложения «согласно» («соответственно, сообразно с чем-л., следуя чему-л.» (Там же, т. 26, с. 560)) и «благодаря» («из-за кого-, чего-л.; вследствие, при помощи (обычно при указании на положительный, желаемый результат)» (Там же, т. 2, с. 16)).

ИонЕлец переводит предложениями «за» (функция как у *ННахим*) и «во» («употр. при обозначении предмета, места, пространства, внутрь... в пределах которого находится, пребывает кто-, что-л.» (Там же)). При этом используются лексические добавления личного местоимения 2 л. ед. ч.

АВол предлагает предложения «за» (функция, как у *ННахим*) и «ради» («употр. при обозначении кого-,

чего-л., в интересах которых совершается, осуществляется какое-л. действие» [5, т. 22, с. 66]).

Схожим образом поступает и *СилТум*.

Ряд лексических трансформаций предпринимают *СергПетр*, *ПетрПол* и *ВлШолох*.

СергПетр привносит в текст лексические добавления с целью донести исходный смысл возгласа.

У *ПетрПол* фиксируются лексические добавления, а также отдельная фраза «в благодарение о всех благодеяниях и в умилоствление за все грехи», которая должна раскрыть исходный смысл выражения.

ВлШолох первую часть сохраняет в соответствии с греческим оригиналом, а в другую – добавляет «в благодарность».

СФИ же следует в своем переводе за версией М. Арранца, который передает *κατὰ πάντα καὶ διὰ πάντα* как «всегда и везде» [1, с. 40].

Очевидно, авторы в разной мере взаимодействуют с греческим оригиналом, в котором употребляется глагол *προσφέρω*, когда в древних рукописях фиксируется причастие *προσφέροντες* (Там же). Глаголом «приносим» переводят *ВлШолох*, *АВол*, *СилТум* и *СФИ*. Остальные (*ПетрПол*, *ФеофАдам*, *ИонЕлец*) приводят деепричастие, что является морфологической трансформацией. *АмврТимр* предлагает вариант, следующий за церковнославянским текстом, а в квадратных скобках помещает чтение согласно греческому оригиналу.

Выводы

Будучи междисциплинарной, герменевтика литургических текстов на русском языке требует от исследователя сведений из различных областей гуманитарного знания: филологии, истории Церкви, литургики, культуры.

Герменевтический анализ литургических текстов на русском языке показывает разные переводческие техники, которые применяют авторы. Представленная систематизация трансформаций позволяет более достоверно оценивать адекватность и эквивалентность изложенных версий.

При этом важно бережно сохранить и правильно транслитерировать догматы православия, среди прочего минимизировав семантическую трансформацию.

Действительно, проведенный герменевтический анализ фразы из анафоры св. Василия Великого отражает различные подходы в рамках церковнославяно-русского взаимодействия. Так, авторы, в разной мере принимая факт семантики греческой версии возгласа, сохраняют церковнославянский вариант либо предлагают свои чтения данного места. Трансформации, которые фиксируются в переводах фразы, касаются преимущественно лексики (лексический тип трансформаций), что обусловлено зависимостью авторов от греческого текста.

Источники и их сокращения

Адаменко-Служебник – Адаменко, В., свящ. Служебник на русском языке. Собрание Божественных Литургий, совершаемых Православной Российской Церковью / свящ. В. Адаменко. – Нижний Новгород: Тип. Исправтрудома № 1, 1924. – 122 с.

Библия – Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Москва: Российское Библейское общество, 2006. – 927 с.

Божественная Литургия, 2016 – Божественная Литургия святителя Иоанна Златоуста: с параллельным переводом на русский язык. – Москва: Никая, 2016. – 192 с.

Божественная Литургия, 2018 – Божественная Литургия, рецензированная по чиnam древних литургий митрополита Антония / митр. Антонин (Грановский) // Желудков С., свящ. Литургические заметки. Переписка, письма, воспоминания. – Москва: Sam&Sam, 2018. – С. 287–312.

Божественная Литургия, 2023 – Божественная Литургия святого отца нашего Василия Великого. – URL: <https://azbyka.ru/bogoslužhenie/bozhestvennaya-liturgiya-svyatogo-otca-nashego-vasilija-velikogo/> (дата обращения: 15.09.2023). – Текст : электронный.

Волохонский – Волохонский, А. Богослужебные тексты и псалмы на русском языке / А. Волохонский. – Москва: Пробел, 2016. – 220 с.

Дудченко – Дудченко, А., прот. Божественная Литургия с переводом и объяснениями / прот. А. Дудченко. – Москва: ДАРЪ, 2015. – 208 с.

Ионафан – Ионафан (Елецких), архиеп. Толковый путеводитель по Божественной Литургии святителя Василия Великого / архиеп. Ионафан (Елецких). – Текст : электронный.

Литургия – ΛΕΙΤΟΥΡΓΙΑ ΜΕΓ. ΒΑΣΙΛΕΙΟΥ. – URL: https://glt.goarch.org/texts/Oro/Basil_Liturgy.html (дата обращения: 15.09.2023). – Текст : электронный.

Нахимов – Нахимов, Н. Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян) с переводом на русский язык / Н. Нахимов. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1911. – 360 с.

Петровский – Петровский, С., прот. Порядок совершения святой и божественной Литургии Святого Иоанна Златоуста. Опыт перевода с церковно-славянского языка на язык русский / прот. С. Петровский. – Одесса: Типография Е. И. Фесенко, 1908. – 136 с.

Поляков – Поляков, П., свящ. Объяснение богослужения Православной Церкви с приложением полного изложения Божественной Литургии на русском наречии и наставления о том, как должно вести себя в храме во время богослужения / свящ. П. Поляков. – Петроград: Типография И. В. Леонтьева, 1915. – 101 с.

Православное богослужение – Православное богослужение: в пер. с греч. и церковнослав. яз. Кн. 3: Последования таинства евхаристии: Литургия св. Василия Великого, Литургия преждеосвященных даров, Литургия св. апостола Иакова. С прил. церковнослав. текстов / пер. свящ. Георгия Кочеткова, Б. А. Каячева, Н. В. Эппле. – Москва: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2010. – 272 с.

Служебник, 2003 – Служебник. – Москва: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. – 464 с.

Служебник, 2021 – Служебник на русском языке. Перевод на русский язык – иг. Силуан (Туманов). – Санкт-Петербург: Печатное агентство «Феникс», 2021. – 432 с.

Шолох – Шолох, В. Три литургии на русском / В. Шолох. – URL: <https://www.academia.edu/23739149>. – Текст : электронный.

Литература

1. Арранц, М. Избранные сочинения по литургике. Т. 1. Таинства Византийского Евхология / М. Арранц. –

Москва : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2003. – 616 с.

2. Асмус, М., диак. «О всех и за вся» в анафоре, уточнение смысла / диак. М. Асмус // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ. Материалы. – Москва : Издательство ПСТГУ, 2000. – С. 123–127.

3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.

4. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – Москва : Международные отношения, 1975. – 239 с.

5. Большой академический словарь русского языка. Т. 1-. – Санкт-Петербург : Наука, 2004- (продолжающееся издание).

6. Гак, В. К. Языковые преобразования / В. К. Гак. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 763 с.

7. Гарбовский, Н. К. Теория перевода. Учебник / Н. К. Гарбовский. – Москва : Издательство Московского университета, 2007. – 544 с.

8. Голубцов, А. П. Историческое объяснение обрядов Литургии / А. П. Голубцов // Богословский вестник. – 1915. – Т. 2, № 7/8. – С. 563–601.

9. Елиманов, В. Е. «О всех и за вся» в богословии Евхаристии св. Николая Кавасилы: уточнение смысла / В. Е. Елиманов // Христианское чтение. – 2022. – № 4. – С. 69–83.

10. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2016. – 486 с.

11. Иларий (Алфеев), митр. Литургия: Исторический и богословский комментарий к Литургиям Иоанна Златоуста и Василия Великого / митрополит Иларий (Алфеев). – Москва : Познание: Общецерковная аспирантура и докторантура: Православная энциклопедия, 2019. – 768 с.

12. Иоанн (Зизиулас), митр. Общение и инаковость / митрополит Иоанн (Зизиулас). – Москва : ББИ, 2012. – 407 с.

13. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций / В. Н. Комиссаров. – Москва : ЭТС, 1999. – 192 с.

14. Латышев, Л. К. Технология перевода / Л. К. Латышев. – Москва : Академия, 2005. – 320 с.

15. Москальская, О. И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка) / О. И. Москальская. – Москва : Высшая школа, 1974. – 154 с.

16. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – Москва : Р. Валент, 2007. – 216 с.

17. Успенский, Н. Д. Анафора: опыт историко-литургического анализа / Н. Д. Успенский // Успенский Н. Д. Византийская литургия: историко-литургическое исследование. Анафора: опыт историко-литургического анализа. – Москва : Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. – С. 287–445.

18. Чернышева, М. И. Эквиваленты, заимствования и кальки в первых славяно-русских переводах с греческого языка / М. И. Чернышева // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2. – С. 122–129.

19. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика. (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод) / А. Д. Швейцер. – Москва : Воениздат, 1973. – 280 с.

20. Liddell, H. G. Greek-English Lexicon / H. G. Liddell, R. Scott. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 2041 p.

K.A. Tsyrelchuk

**TRANSLATION TRANSFORMATIONS AND LITURGICAL TEXTS IN RUSSIAN
(ON THE EXAMPLE OF ONE ANAPHORAL EXCLAMATION)**

The article deals with the problem of insufficient understanding of Orthodox worship in the Russian Orthodox Church, performed in the Church Slavonic language. It is proposed to solve it by interpreting the liturgical text in line with hermeneutics. Special attention is paid to the typology of translation transformations – lexico-semantic, word-formation, morphological, syntactic relations. The methodology of hermeneutical analysis of liturgical texts in Russian is presented on the example of one anaphoral exclamation. In addition, various approaches within the framework of Church Slavonic-Russian interaction are analyzed.

Anaphora, Church Slavonic, Russian, hermeneutical analysis, Orthodox worship, translation transformations.

Н.А. Чубарова

Вологодский государственный университет

ГЛАГОЛЫ С АТРИБУТИВНОЙ ВАЛЕНТНОСТЬЮ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются группы немецких глаголов с атрибутивной валентностью, выражающие отрицательные эмоции гнева, презрения и печали. Глаголами с атрибутивной валентностью считаются глаголы, обладающие обязательным актантом с семантикой признака. Исследование проводится при помощи семантико-валентностного анализа.

Немецкий язык, глагол, валентность, актант, атрибут, эмоции.

Проблема эмоций является одной из актуальных и интересных для проведения исследований, так как эмоции играют важную роль в жизни человека и в его взаимодействии с другими людьми, а также в формировании понимания и использования языка.

С начала своего развития изучение эмоций было одним из направлений исследований в психологии. Главной целью проводимых научных работ являлось понимание механизмов их возникновения и выражения, а также их роли в регулировании поведения человека во время взаимодействия с окружающей средой [7; 10; 11; 12]. Фундаментальными работами в данной области стали исследования К. Изарда, создателя дифференциальной теории эмоций. Ученый разработал классификацию эмоций, описал физиологические и когнитивные аспекты, а также основные принципы и методы психологии эмоций. Согласно автору, существуют базовые эмоции, которые имеют уникальные признаки. Среди таких эмоций можно выделить интерес, радость, удивление, грусть, гнев, отвращение, презрение и страх. Кроме того, эмоции стыда, застенчивости и вины также являются базовыми и неотъемлемыми элементами человеческой природы, по мнению ученого [6, с. 49].

Исследования в области эмоций привлекли внимание не только ученых-психологов, но и лингвистов, так как язык является основным способом выражения и коммуникации эмоций.

В области лингвистики были рассмотрены семантические свойства глаголов, связанных с выражением эмоций, выделены их виды, отражающие разные аспекты эмоций в языке [4]. Эмоции изучались через анализ лексических единиц, используемых для их выражения [3], рассматривалась роль языка в передаче эмоциональной экспрессии [1]. Эмоции исследовались также как важный аспект языковой коммуникации [5], как стилистический элемент [9], как аспект текстовой коммуникации [13].

Множество исследований в области эмоциональной сферы человека проведено В.И. Шаховским, автором лингвистической теории эмоций [20; 21].

В своих работах ученый рассматривал использование языковых средств для выражения эмоций и влияние социокультурного контекста на интерпретацию и выражение эмоций в языке [24], эмоциональную компоненту языка и ее взаимодействие с культурой, идеологией и мировоззрением [23], связь когнитивной структуры личности с эмоциональными и коммуникативными процессами [19], а также различные стили эмоций в медийном дискурсе [22].

В настоящее время лингвистика эмоций достигла значительного прогресса. Она известна как «федерация дисциплин» и считается «наукой будущего», способной решить множество приоритетных научных задач [8, с. 129].

Одним из способов выражения эмоций в немецком языке являются глаголы, обладающие атрибутивной валентностью. Глаголы с атрибутивной валентностью – это глаголы, которые имеют в своей валентностной структуре обязательный актант, выражающий признак (атрибут). Глаголы с актантом-атрибутом в немецком языке делятся на два типа: *глаголы с общей признаковой характеристикой*, где лексическое описание указывает на общую качественно-оценочную характеристику действия, процесса или состояния, и *глаголы с инкорпорированным актантом-атрибутом*, где словарное описание содержит конкретную качественно-оценочную характеристику [14].

В настоящее время проведен ряд исследований в области глаголов с инкорпорированным актантом, выражающих отрицательные эмоции в современном немецком языке [15; 16; 17; 18]. Результаты данных исследований в последующем были переработаны и дополнены: выделены три группы глаголов (глаголы гнева, презрения и печали), уточнены их значения, а также особенности их употребления. Представленная работа содержит более полное описание глаголов с атрибутивной валентностью со значением отрицательных эмоций и позволяет лучше понять языковые и культурные особенности, связанные с выражением данных эмоций в современном немецком языке. Подобного рода исследование может быть полезно для

лингвистов, работающих в области семантики глаголов.

Исследование проводилось при помощи *семантико-валентностного анализа*, который включал в себя описание значения глагола и идентификацию его актантов, необходимых для создания полного высказывания с данным словом. Данный подход позволил более глубоко понять язык и выявить закономерности в использовании слов и выражений в связи с грамматической структурой языка. В случае исследования эмоций он позволил выявить, какие конкретные ситуации и контексты вызывают определенные эмоции и каким образом эти эмоции выражаются в языке. В ходе проведенного исследования был проанализирован широкий спектр художественных произведений, состоящих из 17 книг, общим объемом свыше 7500 страниц, рассмотрены более трехсот примеров функционирования изучаемых глаголов в текстах. В представленной статье приведены примеры, отражающие наиболее общие тенденции употребления глаголов.

Негативные эмоции, как правило, связаны с неприятными событиями. Обычно они являются реакцией на реальные или воображаемые опасности, потерю чего-то ценного, чувство бессилия и т.д. Хотя эти эмоции могут негативно сказаться на здоровье и благополучии человека, они также могут помочь адаптироваться к сложным ситуациям. Например, эмоцию гнева традиционно считают негативной, однако вспышка гнева может помочь человеку выжить, защитить свое достоинство, сохранить личностную целостность и исправить социальную несправедливость [6, с. 34].

Исследование эмоций гнева, презрения и печали через анализ глаголов с атрибутивной валентностью позволяет лучше понять, как эти эмоции выражаются в современном немецком языке.

Гнев – сильная эмоция, вызываемая препятствиями в достижении цели, несправедливостью, обидами и нарушением границ. В ситуации гнева человек испытывает большое напряжение, его физическое состояние меняется: учащается пульс, приливает к лицу кровь, затрудняется дыхание, появляется сбивчивость речи и т.д. Из-за возможных негативных последствий проявления данной эмоции люди склонны к ее избеганию и подавлению (Там же, с. 240–241).

Глаголы гнева, репрезентирующие данную эмоцию, подразделяются на субъектные и объектные глаголы и имеют различную интенсивность и оттенок.

К *субъектным* глаголом относятся следующие глаголы: ***sich ärgern, sich empören, sich entrüsten, sich erbosen, sich fuchsen***. Глагол ***sich ärgern*** используется для выражения раздражения или досады, а глаголы ***sich empören, sich entrüsten, sich erzürnen*** – для гнева, открытого возмущения и негодования из-за какой-то ситуации или события. Глаголы ***sich erbosen*** и ***sich fuchsen*** обозначают недовольство, связанное с чувством раздражения или злости.

Субъект часто употребляемого глагола гнева ***sich ärgern*** выражен в большинстве случаев местоимениями и существительными предметной семантики, например:

Während Richard lacht, ärgert sie (субъект) sich, dass er Hatz beim Vornamen nennt [31, с. 118].

В некоторых случаях глагол употребляется с *распространителем причины*, выраженным существительными абстрактной семантики (***über diese Situation, über seine Entscheidung, über das schlechte Verhalten anderer***), реже – предметной семантики (***über den schlafenden Kollegen, über Menschen, über meine Schwester***), местоименными наречиями (***darüber, worüber***), местоимениями, например:

Der Captain unterstützte Ellens Bemühungen für Frieden zu sorgen, wo er nur konnte. Er ärgerte sich so wieso über die Unfähigkeit seines Vorgesetzten Admiral Hauk (распространитель причины) [28, с. 36].

Britta ärgert sich darüber (распространитель причины). Seit Jahren ernährt sie die Familie, und nur, weil plötzlich dieser Hatz auftaucht, soll sie umstandslos in Rente gehen [31, с. 139].

Глаголы ***sich empören, sich entrüsten, sich erzürnen*** в значении «возмущаться, злиться» употребляются в большинстве случаев как слова автора, например:

„Na, ich bitte Sie!“, ***entrüstete sich die Schauspielerin***. *„Finden Sie, dass die sich wie zivilisierte Menschen benehmen?“* [30, с. 93].

„Ich glaube dir nicht!“, ***erzürnte sich Bavragor*** [27, с. 622].

Глаголы ***sich erbosen*** и ***sich fuchsen*** редко употребляются в художественной литературе. По данным словаря [25], их употребление аналогично употреблению глагола ***sich ärgern***.

Объектные глаголы включают глаголы: ***ärgern, verärgern, erzürnen, erbosen, verdrießen, hochbringen, verschnupfen, vergrätzen, grollen, zürnen, wurmen***. Глаголы ***ärgern*** и ***verärgern*** имеют схожее значение, но первый описывает действие, которое происходит внутри человека, а второй описывает действие, которое оказывает другой человек или ситуация на кого-либо. Глаголы ***erzürnen, erbosen*** и ***zürnen*** выражают более сильное и интенсивное чувство гнева. Глаголы ***hochbringen, verschnupfen, vergrätzen*** и ***wurmen*** описывают более конкретные ситуации, связанные с недовольством, а глагол ***grollen*** – более продолжительное чувство гнева или недовольства, которое может сохраняться в течение длительного времени.

Субъект глаголов выражен преимущественно существительными абстрактной семантики (***der ständige Lärm, die schlechte Nachricht, seine unhöfliche Bemerkung, die ständigen Verspätungen des Zuges, das schlechte Wetter, die ungerechte Behandlung***), местоимениями, например:

Ella merkte, dass ihm keine Schadenfreude gelang, er empfand Mitleid, schon jetzt. Seine Wehrlosigkeit (субъект) ärgerte sie [26, с. 17].

Die Frieden stiftende Rede des Großkönigs (субъект) hatte ihn verärgert, doch inzwischen war der Groll verfliegen [27, с. 101].

Объектом глаголов являются местоимения, реже существительные предметной семантики, например:

Niemand ist gegen dich. Julietta hat einfach ein klares Ziel. Und das ärgert dich (объект) [31, с. 148].

Die Löhne sinken, die Arbeiter bekommen ihre alten Jobs nicht wieder, ihre Frauen müssen härter arbeiten. Das wurmt die Jungs (объект) im tiefen Innern von Tennessee, Georgia, Mississippi, Oklahoma, Arkansas, Wis-

consin, wenn die Frauen das Geld nach Hause bringen... [30, с. 402].

Для глагола **grollen** характерно употребление с распространителем причины (*wegen des Verrats, wegen der Ungerechtigkeit*), например:

Sie grollte ihm nicht wegen dieser Abende (распространитель причины). Sie hatte einen altmodischen Sinn für die Rangordnung der Gesellschaft. Selbstverständlich besaß eine Ehefrau vor der Geliebten unantastbare Rechte, jedenfalls solange sie Ehefrau war... [29, с. 122].

Данный глагол употребляется в некоторых случаях как слова автора, например:

„*Wer von euch wagt es, mich zu verraten?*“ **grollte er** [27, с. 104].

„*Sei still, oder du erlebst was*“, **grollte** *Boöndil drohend*. „*Wir denken nach*“ (Там же, с. 833).

Если гнев является сильной, интенсивной эмоцией, то презрение можно назвать самой «холодной». Физиологические изменения, которые сопровождают переживание презрения, минимальны. **Презрение** – это эмоция, всегда связанная с ощущением ценности и значимости своей личности в сравнении с личностью другого человека. Она возникает, когда человек чувствует свое превосходство над другими и ощущает ценность своего «Я» по сравнению с «Я» другого человека. В отличие от гнева, презрение не захватывает человека полностью и не переполняет его [6, с. 280–281].

Глаголы презрения (*verachten, missachten, verschmähen, herabblicken, herabschauen, herabsehen, hinabblicken, hinabsehen, hinunterblicken, hinunterschauen, hinuntersehen*), репрезентирующие данную эмоцию, имеют свои отличительные черты. Глагол **verachten** выражает более сильное и эмоциональное отношение к человеку, основанное на чувстве презрения и отрицательных эмоциях, в то время как глагол **missachten** описывает менее эмоциональное отношение – игнорирование установленных правил, требований, вызванное отсутствием уважения. Глагол **verschmähen** указывает на отказ или отвержение. Глаголы **herabblicken, herabschauen, herabsehen, hinabblicken, hinabsehen, hinunterblicken, hinunterschauen, hinuntersehen** могут употребляться в значении «смотреть свысока», «презрительно смотреть».

Субъект глаголов **verachten, missachten** выражен, как правило, местоимениями и существительными предметной семантики, например:

Sie wollten ihn so haben, wie er war, so wie sie den Schauspieler Klaus Kinski hatten haben wollen, der sein Publikum öffentlich beschimpfte, so wie sie einen David Letterman brauchten, der sich über sie mokierte, einen Harald Schmidt, der (субъект) sie verachtete... [20, с. 158].

Объектом глагола **verachten** являются личные местоимения, существительные предметной и абстрактной семантики, например:

Die Geschichte der Literatur war voller großer Misanthropen. Die meisten hatten sich durch enorme Intelligenz ausgewiesen und den beschränkten Horizont der Massen (объект) verachtet, das Rohe und Dumpfe, das sie anwiderte [30, с. 157].

Аналогичную тенденцию замещения позиции объекта имеют глаголы **verschmähen, herabblicken,**

herabschauen, herabsehen, hinabblicken, hinabsehen, hinunterblicken, hinunterschauen, hinuntersehen.

Объект глагола **missachten** выражен обычно существительными абстрактной семантики (*die Regeln, die Meinungen und Bedürfnisse anderer, die Anweisungen, die Wünsche anderer Menschen, die Interessen, die Gefahren*), например:

Sie wollten uns vernichten, nachdem wir ihre Warnung (объект) missachteten [27, с. 825].

В некоторых случаях глаголы презрения употребляются с распространителями причины (*wegen seiner Lügen und Manipulationen, wegen ihrer Gleichgültigkeit, für ihre Ignoranz, für seine Unzuverlässigkeit, für seine Arroganz*), например:

Meine Eltern interessierten sich nicht für Mythologie, dafür (распространитель) habe ich sie verachtet. Ich wollte etwas tun. Kämpfen. Nicht gegen, sondern für die Menschen [30, с. 410].

Печаль – это состояние психологического дискомфорта, вызванное различными причинами. Одной из основных и распространенных причин печали является разлука, когда человек чувствует психологическую изоляцию, ощущает себя покинутым. Особенно глубоко печаль затрагивает человека при смерти близкого друга или члена семьи. Разочарование, вызванное крушением надежд, также может стать причиной печали. Подобно разлуке, оно может привести к чувству одиночества и потери. Неудача в достижении поставленной цели также может вызвать у человека печаль [6, с. 196–197]. Глаголы печали, репрезентирующие данную эмоцию, подразделяются на глаголы внешнего переживания и глаголы внутреннего переживания.

Глаголы внешнего переживания (*субъектные: jammern, klagen, wehklagen, lamentieren, wimmern, plärren, greinen, schluchzen*; *объектные: beweinen, bejammern, betrüben*) обозначают видимое или звуковое проявление горя и печали. Глагол **jammern** относится к выражению жалоб без конкретной причины или результата, а глагол **klagen** – к жалобам на реальную проблему с целью получения поддержки или решения проблемы. Глаголы **wimmern** и **greinen** обозначают тихое звучание, плач, а глаголы **schluchzen, wehklagen, lamentieren, plärpen** – более интенсивное и громкое звучание.

Субъекты глаголов представлены в большинстве случаев личными местоимениями, предметными существительными, например:

Du (субъект) wirst tot sein und in der ewigen Schmelde bei deinem Gott Vraccas sitzen und jammern [27, с. 692].

„*Gauragar ist groß, und die Truppen König Brurons können nicht überall sein. Wir (субъект) können nicht klagen*“, *antwortete der Anführer schroff* (Там же, с. 191).

В некоторых случаях глаголы употребляются как слова автора, например:

„*Die Schulter ist gebrochen*“, **jammerte er**. „*Ich kann sie nicht mehr bewegen*“ (Там же, с. 603).

„*Nie mehr!*“, **wimmerte der Mann** (Там же, с. 669).

Глагол **beweinen** связан с глубокой печалью и горем, **bejammern** – с негативным отношением и жалобами, а **betrüben** – с чувством грусти и разочарования. Субъекты данных глаголов выражены в большинстве

случаев личными местоимениями, а *объекты* – абстрактными существительными (*den Verlust, den Tod, ihre gesundheitlichen Beschwerden, sein finanzielles Unglück*).

Глаголы внутреннего переживания (субъектные: *leiden, trauern, sich grämen*; объектные: *quälen, grämen, bedrücken, betrüben*) связаны с личным внутренним состоянием и чувствами, которые не обязательно проявляются наружу.

Субъектные глаголы *leiden, trauern* и *sich grämen* имеют схожую семантику, но различаются по интенсивности эмоционального состояния, вызванного разными факторами. Глагол *leiden* обычно относится к физическому или эмоциональному болевому состоянию, вызванному различными факторами, а глагол *trauern* – к эмоциональному состоянию, связанному с потерей. Глагол *sich grämen* – к легкому эмоциональному состоянию, связанному с неприятностями или разочарованиями в жизни.

Субъект глаголов *leiden, trauern, sich grämen* выражен существительными предметной семантики, личными местоимениями и именами собственными, например:

„Ich weiß, mein Junge. Es geht nicht anders, ich brauche deine Magie.“ Er drückte ihm aufmunternd die Hand. „Du (субъект) wirst gleich keine Qualen mehr leiden“ [27, с. 344].

Weißer Nebel zog von den Feldern und aus den Obst-hainen zu den Überbleibseln des Großdorfes hinüber und hüllte es beständig ein. Die Erde (субъект) trauerte um die Menschen und legte einen Schleier über den Ort, an dem vor einem Tag noch Leben geherrscht hatte (Там же, с. 175).

Глаголы употребляются, как правило, с распространителями (*unter dem Verlust, über seine verlorene Liebe, unter unerwiderten Gefühlen, über den Verrat*), например:

Aber es kommen immer noch genügend Menschen zu mir, die an rätselhaften Erkrankungen (распространитель причины) leiden. Die Götter denken sich täglich neue Plagen aus (Там же, с. 220).

Manchmal ruft er ihren Namen in seinen Träumen. Er leidet mindestens so sehr wie Bavragor (атрибутивный распространитель), das kann ich dir versichern, aber zugeben würde er es niemals, Gelehrter (Там же, с. 730).

Объектные глаголы *quälen* и *bedrücken* относятся к более серьезным и длительным формам страдания, а глаголы *grämen* и *betrüben* обычно описывают более легкие и кратковременные чувства горя и разочарования.

Объектные глаголы *quälen, grämen, bedrücken, betrüben* имеют два обязательных актанта. В качестве субъекта представлены существительные абстрактной, предметной семантики, местоимения, а объекта – личные местоимения, например:

Soll ich (субъект) uns beide (объект) quälen, in dem ich dir von dem Abend berichte, an dem der Verrat begangen wurde? (Там же, с. 414).

Die Geschichte rührte ihn zutiefst. Mitfühlend legte er eine Hand auf Bavragors Arm. „Verzeih, dass ich (субъект) dich (объект) so gequält habe“, sagte er und ließ es dabei (Там же, с. 729).

С распространителями данные глаголы употребляются в редких случаях.

Проведенное исследование наглядно показало, как эмоции гнева, презрения и печали могут быть выражены в современном немецком языке при помощи глаголов с атрибутивной валентностью.

Глаголы гнева, согласно исследованию, имеют различную интенсивность и оттенок: глагол *sich ärgern* выражает раздражение, глаголы *sich empören, sich entrüsten, sich erzürnen* – открытое возмущение, глаголы *sich erbosen, sich fuchsen* – недовольство, злость. Глаголы *sich empören, sich entrüsten, sich erzürnen* употребляются часто как слова автора. Глаголы *ärgern* и *verärgern* обозначают менее интенсивное чувство гнева, чем глаголы *erzürnen, erbosen* и *zürnen*. Глагол *grollen* подразумевает длительную эмоцию. Глаголы *hochbringen, verschnupfen, vergrätzen* и *wurmen* описывают конкретные ситуации.

Глаголы презрения указывают на презрительное отношение: глагол *verachten* выражает более интенсивное чувство, чем глагол *missachten*, а глагол *verschmähen* подразумевает отвержение. Глаголы *herabblicken, herabschauen, herabsehen, hinabblicken, hinabsehen, hinunterblicken, hinunterschauen, hinuntersehen* имеют значение «смотреть свысока», «презрительно смотреть».

Глаголы печали подразделяются на глаголы внешнего и внутреннего переживания. Глагол первой группы *jammern* описывает беспричинные жалобы, а глагол *klagen* – реальные жалобы. Глаголы *wimmern* и *greinen* – тихий плач, а глаголы *schluchzen, wehklagen, lamentieren, plärpen* – громкое звучание. Глаголы *wimmern* и *jammern* употребляются так же, как слова автора. Глагол *beweinen* связан с глубокой печалью, глагол *bejammern* – с жалобами, а глагол *betrüben* – с чувством грусти и разочарования. Глагол второй группы *leiden* описывает состояние боли, глагол *trauern* – состояние потери, а глагол *sich grämen* – чувство, связанное с неприятностями. Глаголы *quälen* и *bedrücken* подразумевают серьезные формы страдания, а глаголы *grämen* и *betrüben* – более легкие чувства разочарования.

Обычно местоимения и существительные предметной семантики используются для выражения субъекта, а личные местоимения – объекта глаголов. Иногда описываемые глаголы используются в сочетании с распространителем причины, выраженным существительным абстрактной или предметной семантики.

Перспективным представляется изучение глаголов со значением положительных эмоций, чтобы расширить имеющуюся классификацию глаголов с атрибутивной валентностью как средства выражения эмоций в немецком языке.

Литература

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 383 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
3. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Издательство Уральского университета, 1989. – 182 с.

4. Васильев, Л. М. Принципы семантической идентификации глагольной лексики / Л. М. Васильев // Семантические классы русских глаголов : межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск : УрГУ, 1982. – С. 11–14.
5. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – Москва : Русские словари, 1997. – 411 с.
6. Изард, К. Психология эмоций / К. Изард. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 464 с.
7. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург, 2002.
8. Ионова, С. В. Лингвистика эмоций – наука будущего / С. В. Ионова // Известия ВГПУ. – 2019. – № 1 (134). – С. 124–131.
9. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. – Москва : Просвещение, 1983. – 223 с.
10. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы и эмоции / А. Н. Леонтьев. – Москва, 1971. – 38 с.
11. Лук, А. Н. Эмоции и чувства / А. Н. Лук. – Москва, 1972. – 79 с.
12. Рубинштейн, С. Л. Эмоции / С. Л. Рубинштейн // Психология эмоций. Тексты. – Москва, 1984. – С. 179–190.
13. Филимонова, О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте : учебное пособие / О. Е. Филимонова. – Санкт-Петербург : Книжный Дом, 2007. – 447 с.
14. Чубарова, Н. А. Глаголы с атрибутивной валентностью в современном немецком языке / Н. А. Чубарова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград : ВГСПУ, 2017. – № 1 (114). – С. 118–121.
15. Чубарова, Н. А. Глаголы с атрибутивной валентностью со значением «жаловаться» как средство выражения эмоций / Н. А. Чубарова // Филологический аспект. – 2020. – № 4 (60). – С. 39–44. – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/glagoly-s-atributivnoj-valentnostyu-so-znacheniem-zhalovat-sya-kak-sredstvo-vyrazheniya-emotsij.html> (дата обращения: 15.04.2020). – Текст : электронный.
16. Чубарова, Н. А. Глаголы с атрибутивной валентностью со значением печали / Н. А. Чубарова // Гуманитарный научный вестник. – 2022. – № 4. – С. 159–164.
17. Чубарова, Н. А. Глаголы с атрибутивной валентностью со значением гнева / Н. А. Чубарова // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – № 10. – С. 133–139.
18. Чубарова, Н. А. Когнитивная модель семантики глаголов с атрибутивной валентностью со значением «не уважения» / Н. А. Чубарова // Перевод. Язык. Культура: Материалы XI Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 265–270.
19. Шаховский, В. И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности / В. И. Шаховский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 1(22). – С. 54–79.
20. Шаховский, В. И. Лингвистика эмоций. Обзор журнала «Вестник Российского университета дружбы народов». Серия: Лингвистика (2015. № 1) / В. И. Шаховский // Мир русского слова. – 2017. – № 2. – С. 108–111.
21. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В. И. Шаховский. – Москва : Гнозис, 2008. – 414 с.
22. Шаховский, В. И. Многоязычие стилей эмоционального медийного дискурса / В. И. Шаховский // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XVII Международной научной конференции. – Москва : Институт языкознания РАН ; Орехово-Зуево : ГОУВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», 2017. – С. 140–152.
23. Шаховский, В. И. Эмоциональная компонента как межпарадигмальный интекст / В. И. Шаховский // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. – № 1. – С. 14–27.
24. Шаховский, В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии / В. И. Шаховский. – Волгоград : Издательство ВГПУ «Перемена», 2009. – 170 с.

Список источников

25. Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 5. Aufl. – Mannheim, 2003.
26. Franck, J. Rücken an Rücken / J. Franck. – Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2011. – 270 S.
27. Heitz, M. Die Zwerge / M. Heitz. – München: Wilhelm Heyne Verlag, 2003. – 1045 S.
28. Janson, R. Himmelslichter / R. Janson. – Zweibrücken : Hary-Production, 2004. – 258 S.
29. Mosebach, M. Das Blutbuchenfest / M. Mosebach. – München : Carl Hanser Verlag, 2014. – 562 S.
30. Schätzing, F. Lautlos / F. Schätzing. – München : Goldmann, 2006. – 417 S.
31. Zeh, J. Leere Herzen / J. Zeh. – München : Luchterhand Literaturverlag, 2017. – 264 S.

N.A. Chubarova

VERBS WITH ATTRIBUTIVE VALENCE AS A MEANS OF EXPRESSING NEGATIVE EMOTIONS IN MODERN GERMAN

The article analyses groups of German verbs with attributive valence that express negative emotions of anger, contempt, and sadness. Verbs with attributive valence are considered to be the verbs that have an obligatory actant with the semantics of a feature. The semantic-valence analysis is used in the study.

German, verb, valence, actant, attribute, emotions.

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 82.091

5.9.2. Литературы народов мира

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

ПАМЯТИ АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ГОРБУНОВА

Данная публикация содержит рецензию на сборник статей памяти выдающегося российского литературоведа А.Н. Горбунова «Эпох скрещенья. Литературные исследования от Средних веков до Нового времени» и отзыв А.Н. Горбунова на диссертацию Л.В. Егоровой как пример его подхода – щедрого, но требовательного по отношению к молодым исследователям.

Историко-литературные исследования, сравнительно-литературные исследования, Андрей Николаевич Горбунов, отзыв Горбунова на диссертацию Л.В. Егоровой.

Рецензируемая книга под редакцией В.С. Макарова и Н.Э. Микеладзе [1] посвящена памяти российского литературоведа, знатока английской и европейской культуры Средних веков, Возрождения и XVIII века, специалиста в области компаративных исследований и перевода А.Н. Горбунова (1940–2021). Сборник с любовью делали к 80-летию ученого, но по ряду причин он не был опубликован и из юбилейного превратился в мемориальный. Вошедшие в книгу историко-литературные и сравнительно-литературные исследования культур Запада и России в XII–XX веках отражают широту научных интересов Андрея Николаевича.

В книге приведен список его публикаций, составленный В.С. Макаровым. Здесь и авторские работы, и подготовленные академические издания. Монографии А.Н. Горбунова: «Романы Френсиса Скотта Фицджеральда» (1974), «Джон Донн и английская поэзия XVI–XVII веков» (1993), «Шекспировские контексты» (2006), «Чосер средневековый» (2010), «Три великих поэта Англии: Донн, Милтон, Вордсворт» (2012), «Судьбы скрещенья. Несколько размышлений о русско-английских литературных параллелях» (2013), «Последний романтик. Поэзия Уильяма Батлера Йейтса» (2015), «Знакомство с Библией. Курс лекций» (2016), «“Конец времен и прекращенье дней”. Шекспир, его предшественники и современники: наблюдения и размышления» (2019).

А.Н. Горбуновым (и его коллегами) подготовлены: мистерии Йоркского цикла, «Кентерберийские рассказы» и «Троил и Крессида» Чосера, «Трагическая история доктора Фауста» К. Марло, Шекспир (сонеты, «Гамлет», «Юлий Цезарь», «Король Лир», «Пустые хлопоты любви»), «Младшие современники Шекспира», «Английская лирика первой половины XVII века», «Путь паломника» Беньяна, произведения Милтона, Донна, Кольриджа, Теннисона.

Еще шире тематика изданий, подготовленных А.Н. Горбуновым как ответственным редактором се-

рии «Литературные памятники»: «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» (2003), «Обрученная» В. Скотта (2004), «Стихотворения. Письма» Э. Дикинсон (2007), «Путь всякой плоти» С. Батлера (2009), «Ворон» Э.А. По (2009), «Испанская трагедия» Т. Кида (2011), «Обыкновенный читатель» (2012) и «День и ночь» (2014) В. Вулф, произведения Дж. Конрада (2012), «Сибилла» Б. Дизраэли (2015), «Робин Гуд» (2018).

Думаю, не все знают о переводах Горбунова: «Спокойной ночи, мистер Джеймс» К. Саймака (1964), Предисловие к «Лирическим балладам» У. Вордсворта (см. «Литературные манифесты западноевропейских романтиков», 1980), «Смоковница: чудо и суд» Дж. Арнольда (2008).

Широту интересов Андрея Николаевича, его углубленность в библеистику разделяют в своих исследованиях его коллеги и ученики. Их роднит общий подход, о котором во вступлении пишет Т.Д. Венедиктова: «Огромные, далеко отстоящие друг от друга авторские миры реконструируются с образцовой бережностью. Письмо – точно и на зависть аналитично, то есть нигде не уступает риторике, которой мы готовы порой заткнуть дырку остаточного недомыслия или прикрыть инерционность мысли, ее случайно-холостой ход» (с. 11).

Раздел «Литературная традиция в смене эпох (XII–XX вв.)» обширен. Он начинается с работы М.А. Абрамовой «Мотивы мнимой смерти и нетленного тела во французском романе XII века» (в центре внимания – анонимные «Флуар и Бленшефлор» и «Роман об Энее», «Клижес» Кретьена де Труа) и завершается статьей Т.Д. Венедиктовой «Откровения зимы: А. Блок и У. Стивенс – голоса модернизма». В разделе представлены исследования о традиции апофатического богословия в английском мистическом трактате «Облако неведения» (А.Г. Волкова), о живых гобеленах воображаемых палат – приеме «ипотипосиса» у Шекспира и Спенсера (Е.В. Халтрин-

Халтурина), о «Гамлете» как психодраме (Н.Э. Микеладзе), мистериальных истоках «сцены заговора» против Гамлета (Д.А. Иванов), «проблемной пьесе» пьесе «Мера за меру» в контексте рассмотрения Шекспира в диалоге с его младшими современниками (В.С. Макаров), об эпическом и трагическом в жанровой структуре поэмы «Потерянный рай» Джона Милтона (Т.Г. Чеснокова), «назидательных новеллах» во Франции XVII–XVIII вв. (Н.Т. Пахсарьян), истоках жанра афроамериканской духовной автобиографии (О.Ю. Панова), пуританском прошлом в малой прозе Н. Готорна (А.В. Аксенов), о символизме хрестоматийных стихотворений У.Б. Йейтса (В.М. Толмачев), философии познания и поэзии Поля Клоделя (П.Б. Карташев).

Во втором разделе – статьи о творческом освоении произведений западноевропейской культуры в русской культуре XVIII–XIX веков: о «Назидательных новеллах» Сервантеса и «Повестях Белкина» Пушкина (С.И. Пискунова), рецепции Шекспира в творчестве Карамзина (Н.В. Захаров), отголосках шекспировского слова в пьесе Островского «Свои люди – сочтемся» (И.И. Чекалов).

В третьем разделе особое внимание уделено проблемам перевода шекспировских текстов. Представлены фрагменты из новых переводов «Короля Лира» (А.Н. Баранов), «Ричарда III» (М.М. Савченко). Отмечено, что оба перевода сопровождаются рефлексией авторов. А.Н. Баранов подчеркивает, что не старается «приблизить Шекспира к современности путем адаптации к нашей классической литературной и театральной традиции или же к понятиям и вкусам наших новейших зрителей и читателей», но пытается «дать им возможность самим приблизиться к Шекспиру», придерживаясь точности во всем (с. 303). О максимально возможной точности пишет и М.М. Савченко, но он считает свой перевод «скорее филологическим, нежели ориентирующимся на сценичность» (с. 338).

Г.М. Кружков нацелен на создание перевода для театра и размышляет о том, зачем снова переводить (в данном случае – «Макбета»): «Перевод – это еще один способ общения с классикой: это и особое, углубленное прочтение, и постановка, где переводчик выступает режиссером. Новые переводы Шекспира – дань, которую мы приносим великому автору, дань необходимая. Древние, принося жертвы богам, верили, что жертвенная кровь обновляет силы богов...» (с. 371). Формула древнеримского обряда «Да будешь преумножен этим приношением» соотносится с обновлением классики новым переводом: «Разумеется, если в перевод влита кровь, а не просто чернила» (с. 371).

Е.А. Первушина привлекает внимание к явлению и термину «переводная художественная литература». Она признает «значимую категориальную весомость явления переводной литературы и необходимость соответственного утверждения его в терминологической системе литературоведческого переводоведения» (с. 384). Именно литературоведческого. «В литературоведческом исследовании необходимо говорить не просто о совокупности текстов, “первоначально написанных на одном языке, а потом переведенных на другой”», но о литературе:

«Изначально созданная одной национальной культурой на языке этой культуры, воспроизведенная в результате переводческой интерпретации в недрах и на языке другой национальной культуры, переводная литература занимает свое особое место в системном соотношении переводимой (исходной) и переводящей (принимающей) словесностей. Интегрирующая национальные литературы в мировой литературный процесс, переводная литература выполняет таким образом грандиозную онтологическую функцию, являясь реальным примером феноменального сосуществования национальных литератур в мировом художественном контексте» (с. 384).

Читая статью Т.Д. Венедиктовой «Убедительность присутствия», я подумала, что было бы упущением не напечатать – не поделиться с коллегами отзывом А.Н. Горбунова на мою кандидатскую диссертацию. Помню, как в марте 2001 года набирала его написанный от руки текст на свой первый ноутбук. В отзыве – характерный вдумчивый и основательный подход Андрея Николаевича, великолепно запечатлевший его личность и стремительно меняющиеся времена начала XXI века. А.Н. Горбунов был требовательным и в то же время щедрым по отношению к начинающим.

Отзыв на диссертацию Л.В. Егоровой «Жанр проповеди в творческой эволюции Джона Донна»

Диссертация Л.В. Егоровой «Жанр проповеди в творческой эволюции Джона Донна», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, произвела на меня очень хорошее впечатление. Прежде всего хочется отметить смелость выбора темы молодым ученым. Ведь Джон Донн (наряду с Уильямом Блейком) – один из самых сложных для понимания и анализа поэтов английской литературы. Правда, в течение XX века английские ученые – а последние десятилетия и наши отечественные специалисты – очень много сделали, чтобы прояснить эти трудности. Так что на сегодняшний день поэзия Донна изучена достаточно полно, хотя, как в случае с любым крупным художником слова, еще многое можно сделать и, очевидно, будет сделано в дальнейшем. Иное дело проза Донна, по-своему не менее трудная, чем его поэзия. Даже в Англии и США прозе Донна уделяли гораздо меньше внимания, а у нас она практически неизвестна. Нет ни опубликованных переводов, ни критических исследований. И тут Л.В. Егорова выступает в качестве первопроходца, первооткрывателя нового и неизвестного. Подобные работы встречаются не так уж часто.

Более того, Л.В. Егорова выбрала самый трудный жанр прозы Донна – его проповеди. Самый трудный потому, что предполагает у исследователя не только хорошей литературоведческой, но и богословской подготовки, а иначе в проповедях просто не разобраться. Сам выбор этого жанра и попытка дать его объективный анализ (забегая вперед скажу, что анализ этот получился вполне успешным) – это, конечно же, знамение сегодняшнего дня. Ни о чем таком в нашем литературоведении еще лет пятнадцать то-

му назад нельзя было и подумать. Помню, как уже в эпоху горбачевской перестройки я с великим трудом пробивал издание религиозных стихов Донна и как мне было категорически запрещено писать слово Бог с большой буквы, да и вообще редакторы часто меняли само это слово на его не очень-то адекватные синонимы, типа Верховное Начало и тому подобное. Сейчас это кажется странным анахронизмом, вызывающим у молодых коллег улыбку недоумения. Но зато теперь, по крайней мере на мой взгляд, в нашем литературоведении возникла другая крайность, связанная с неумеренным рвением неофитов. Приведу пример, взятый из русистики. В одном из сборников статей, посвященных Пушкину («Духовный подвижник»), исследовательница Мальгунова предлагает прочесть пушкинского «Пророка» как аллегорию таинства евхаристии. Такая интерпретация вызывает на этот раз уже у меня улыбку недоумения. Все-таки нужно иметь вкус и хоть какое-то чувство меры. Вот это самое чувство меры в работе Л.В. Егоровой, безусловно, присутствует, что очень украшает диссертацию. Чувство же меры сочетается и с самостоятельностью подхода к анализируемому материалу – недаром же диссертант даже осмеливается вступить в полемику с самим С.С. Аверинцевым, отвергнув данное им определение жанра проповеди в пользу собственного.

По моему мнению, проповеди Донна – это лучшая часть его прозы. Созданные в период религиозного брожения и острой полемики среди разных церковных деноминаций, они в основном затрагивают общие для всех христиан понятия, блестяще анализируя библейские тексты и во многом развивая и продолжая стиль, уже найденный в его поэзии – с его интеллектуализмом, барочной театральностью, особыми поэтическими ритмами и знаменитыми метафорами-концептами.

Л.В. Егорова совершенно справедливо рассматривает жанр проповеди как своеобразный итог жизненного и творческого поиска поэта. Основываясь на дошедших до нас материалах (письмах и самих проповедях), диссертант предприняла попытку восстановить вехи духовной биографии зрелого Донна, начиная с момента его рукоположения в 1615 году и вплоть до самой смерти в 1631 году. В английском литературоведении об этом писали, но у нас этот материал так подробно освещается в первый раз, и в этом тоже – заслуга автора работы.

Затем Л.В. Егорова обращается к поэтическому наследию Донна, а точнее говоря, к анализу поэтического слова в его лирике и рассматривает разные грани слова – речевую, рефлектирующую, потаенную, метафорическую и метафизическую. И этот раздел тоже удался. Анализ стихотворений Донна выполнен профессионально, а порой и весьма тонко и самостоятельно, с пристальным вниманием к сложным нюансам текста. Сам же тезис об эволюции поэзии Донна от светской к религиозной тоже не вызывает сомнений, хотя бы уже потому, что его не раз выдвигали и другие исследователи (английские и отечественные). Другое дело, как объяснить сочетание религиозной и светской лирики в творчестве позднего Донна, или – более того – как объяснить, скажем,

откровенно эротические моменты, возникающие в религиозных стихах поэта. Об этом, на мой взгляд, в диссертации сказано мало, хотя именно здесь видна ориентация Донна на традицию мистиков, которая потом получила дальнейшее развитие и в проповедях поэта. Мысль же о том, что слово в поздней поэзии Донна приобщается энергии Божественного Логоса, мне кажется немного нарочитой. Все-таки Донн – не Григорий Палама и не Серафим Саровский, и говорить о нарастании света и сиянии священного я бы лично поостерегся – в таких вопросах нужно чувство меры, а здесь оно нарушено, хотя мне, конечно же, понятен сам пафос молодого исследователя, стремящегося поднять значение религиозной поэзии Донна. Я и сам всегда пытался делать то же самое, пусть и в других более светских выражениях.

Основной стержень всей работы – это третья глава, где содержится анализ проповедей Донна. И здесь очень много творческих удач – и свое, пусть и рабочее определение жанра, родившееся в полемике с С.С. Аверинцевым, и, на мой взгляд, убедительная попытка проследить эволюцию проповедей поэта от ранних к поздним, и вывод о том, что проповеди Донна – единое целое, с общими развивающимися мотивами и общими усложняющимися образами. Очень интересен и анализ слова в проповедях Донна, и рассмотрение библейских мотивов и реминисценций. Здесь, в этой части работы, особенно чувствуется увлечение автора своим предметом. В целом, эта глава убеждает продуманностью аргументации и точностью выводов. Тут, несомненно, творческая победа молодого исследователя.

И, хотя, как говорится, победителей не судят, я все же позволю себе сделать несколько замечаний, которые, если они будут приняты и учтены, могут украсить работу при подготовке ее к печати. Прежде всего, – и это главное – мне хотелось бы поместить проповеди Донна в более широкий контекст эпохи. Ведь не даром ее называют «золотым веком церковного красноречия» в Англии. И, действительно, тогда было столько интересных проповедников, принадлежавших к разным церковным группировкам и часто полемизировавших друг с другом – и пуритане, и англиканские священники разных направлений (высокая и низкая церковь), и католики. Могли ли слушатели Джона Баньяна, начавшего проповедовать уже после смерти Донна, понять его проповеди и оценить их? Вряд ли. А почему? В чем особенности литературной и богословской позиции Донна, отличающей его от других проповедников? Об этом в диссертации не сказано ничего. А читателю хочется узнать об этом.

И еще одно замечание. А как сейчас читаются проповеди Донна? Как люди начала XXI века их воспринимают? Могут ли они претендовать на такую же популярность, как в XVII веке, когда прихожане Собора Апостола Павла буквально устраивали ходынку, чтобы услышать голос самого настоятеля Собора доктора Донна. Очевидно, эта ситуация в силу ряда причин сильно изменилась. Этим религиозная проза Донна существенно отличается от его поэзии. Что же все-таки в проповедях сохранило время? Что продолжает волновать нас и сегодня? Отдельные проповеди или отрывки из них? Если да,

то какие и почему? Мне бы хотелось услышать ответ и на этот вопрос тоже.

Однако, это скорее пожелания, чем замечания. В целом же работа написана на очень высоком профессиональном уровне и, безусловно, отвечает всем необходимым требованиям. Автореферат и опубликованные автором работы с достаточной полнотой отражают содержание диссертации. Диссертация соответствует требованиям п. 14 Положения о порядке присуждения научным и научно-педагогическим работникам ученых степеней и присвоения научным работникам ученых званий. Л.В. Егорова, несомненно, заслуживает искомой степени кандидата филологических наук. Уверен, что у нее как у филолога есть впереди хорошее будущее. Буду ждать дальнейших публикаций и издания этой работы в форме монографии.

12 марта 2001 г.

*Официальный оппонент
доктор филологических наук
профессор А.Н. Горбунов*

L.V. Egorova

IN MEMORIAM OF ANDREI NIKOLAEVICH GORBUNOV

This publication contains a review on the book “Crosses of Time: Studia Litterarum from Middle Ages to Modernity” in memoriam of the eminent Russian scholar A.N. Gorbunov and Gorbunov’s review on L.V. Egorova’s dissertation as an example of his approach – generous, but demanding to young researchers.

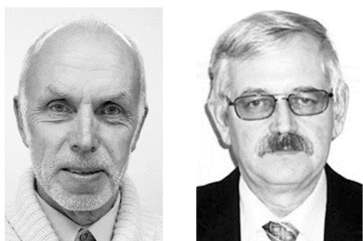
Historical literary studies, comparative literary studies, Andrey Gorbunov, review of L.V. Egorova’s dissertation.

Работа не была издана в форме монографии. Ответом на второй вопрос (замечание) – рассказом о том, как я каждый день рано утром отправлялась в Химки читать проповеди Донна, причем от каждой проповеди сердце буквально начинало трепетать, Андрей Николаевич остался доволен.

В рецензируемой книге с удовлетворением отмечаешь то, что готовится к выходу в серии «Литературные памятники»: «“Мера за меру”: “неправильная” комедия Шекспира», «Шотландская трагедия Шекспира».

Литература

1. Эпох скрещенья. Литературные исследования от Средневековья до Нового времени. Сборник памяти Андрея Николаевича Горбунова / редакторы-составители В. С. Макаров, Н. Э. Микеладзе. – Москва : Литфакт, 2023. – 408 с.

В.И. Голдин
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

В.А. Саблин
Вологодский государственный университет

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОРУМ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В РОССИИ

Статья посвящена Второму национальному форуму преподавателей истории, который прошел в Тобольске в октябре 2023 г. Анализируются результаты этого форума, содержание работы его секций и пленарного заседания, характеризуются доклады и выступления ученых и преподавателей вузов, руководителей Министерства науки и высшего образования РФ, Российской академии наук, Российского исторического общества и других организаций. Отмечается значение этого форума для развития исторической науки и высшего образования в России.

Второй национальный форум преподавателей истории, историческое образование, историческая наука, дискуссия, итоги, перспективы.

21 октября 2023 г. в г. Тобольске был проведен Второй национальный форум преподавателей истории. Инициатива проведения этих форумов принадлежит Министерству науки и высшего образования РФ (Минобрнауки) и Российскому историческому обществу, которые и выступают его главными организаторами совместно с Тюменским государственным университетом. Первый подобный форум состоялся в 2022 году в Тобольске, и его проведение в этом старинном русском городе вполне закономерно. Глубоко символично и то, что площадкой форума стала территория Тобольского кремля, где, образно говоря, каждый камень дышит историей.

Участниками Второго национального форума были примерно 150 представителей исторической науки и вузов всех регионов страны. Участие в его работе приняли руководители Министерства науки и высшего образования РФ, Российской академии наук, Российского исторического общества, председатель Комитета по науке и высшему образованию Государственной думы Федерального собрания РФ, видные ученые.

Выступление перед участниками форума министра науки и высшего образования РФ В.Н. Фалькова

Этот форум начал свою работу с секций, которых было три. Первая секция называлась «Методическое обеспечение преподавания истории в высшей школе». Ее модераторами являлись д-р ист. наук председатель Правления РИО, исполнительный директор фонда «История Отечества» Р.Г. Гагкуев и д-р ист. наук директор Института истории и международных отношений Южного федерального университета, член Совета РИО, председатель Совета РИО в Ростовской области М.А. Пономарева. В центре обсуждения участников секции были проблемы преподавания истории для неисторических специальностей и направлений подготовки. Были заслушаны доклады профессора М.А. Пономаревой, а также канд. социол. наук, доцента руководителя Центра экспертизы и образования РАО Д.А. Метелкина, канд. ист. наук, доцента Института экономики и права МИРЭА – Российского технологического университета Е.Б. Беспятовой и декана истфака Тверского государственного университета д-ра ист. наук, профессора председателя Совета РИО в Тверской области Т.Г. Леонтьевой. Канд. ист. наук советник редактора АО «Издательство «Просвещение» С.В. Тырин посвятил свой доклад теме «Актуальные вопросы содержания нового учебника отечественной истории для неисторических специальностей». Все доклады вызвали интерес и получили обсуждение.

Вторая секция форума обсуждала тему «Национальная электронная библиотечная система по истории». Модераторами секции были д-р ист. наук декан истфака Историко-архивного института РГГУ Е.В. Барышева и д-р ист. наук, профессор кафедры истории Тюменского государственного университета председатель Совета РИО Тюменской области С.П. Шилов. На секции были заслушаны и обсуждены доклады С.П. Шилова, канд. ист. наук, доцента руководителя Школы исторических наук НИУ «Высшая школа экономики» Г.О. Бабковой, д-ра ист. наук проректора Самарского

НИУ имени академика С.П. Королева, председателя Совета РИО в Самарской области М.М. Леонова, д-ра ист. наук, профессора Волгоградского института управления РАНИГС И.О. Тюменцева и директора издательства «Наука» Н.Н. Федосеевкова, посвященные различным проблемам формирования и использования электронной библиотечной системы по истории в образовательном процессе.

*В.А. Саблин на заседании секции
«О деятельности диссертационных советов
по историческим специальностям и перспективах развития
исторической науки»*

Третья секция называлась: «О деятельности диссертационных советов по историческим специальностям и перспективах развития исторической науки». Модераторами секции выступали д-р ист. наук, профессор проректор по учебной работе РГГУ, председатель Экспертного совета ВАК по истории П.П. Шкаренков и д-р ист. наук, профессор директор Центра исторических и политических наук Севера и Арктики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки РФ В.И. Голдин. Секция собрала руководителей и членов диссертационных советов и всех тех, кто был заинтересован в решении проблем аттестации научных и научно-педагогических работников в сфере истории.

Начальник отдела аналитической работы Департамента аттестации научных и научно-педагогических работников Минобрнауки О.В. Кулямин выступил по видеосвязи с докладом «Показатели деятельности сети диссертационных советов по историческим наукам». Профессор П.П. Шкаренков представил доклад «Проблемы и задачи диссертационных советов по историческим наукам» и ответил на многочисленные вопросы участников секции.

Д-р ист. наук, профессор, член-корреспондент РАН директор Санкт-Петербургского Института истории РАН, член правления РИО А.В. Сиренов свое выступление на третьей секции посвятил теме «О функции автореферата диссертации по историческим наукам». Д-р ист. наук, профессор заведующий кафедрой истории Оренбургского государственного педагогического университета С.В. Любичанковский представил доклад «От объединенного диссертационного совета к самостоятельному: практический опыт». Профессор В.И. Голдин выступил по теме «Опыт, оценка состоя-

ния и проблемы аттестации научных и научно-педагогических кадров в области исторических наук». Аспирант Института российской истории РАН, координатор молодежного клуба РИО И.А. Кулаков посвятил свое выступление теме «Путь в науку: актуальные вопросы подготовки аспирантами диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук». На секции звучало много вопросов и состоялся заинтересованный разговор.

Во второй половине дня прошло пленарное заседание и расширенное заседание Экспертного совета по развитию исторического образования при Минобрнауки. Открыл его вступительным словом ректор Тюменского госуниверситета И.С. Романчук. С приветствием по видеосвязи к участникам форума обратился Председатель РИО С.Е. Нарышкин, указавший на целый ряд острых и актуальных вопросов исторического образования и науки в стране. Он подчеркнул значимость их решения для нашей страны как внутренней, так и внешней политики, общественно-политической жизни.

*Приветственное обращение председателя РИО
С.Е. Нарышкина к участникам форума*

Перед участниками форума выступил министр науки и высшего образования РФ В.Н. Фальков. Он отметил большую работу, проведенную на протяжении минувшего года, с тех пор, когда состоялся первый подобный форум. Министр указал, что в этом году стартовал новый курс истории с упором на контактную работу со студентами, живое общение с ними. Он подчеркнул особую значимость укрепления кадрового потенциала исторических кафедр. Поэтому в этом году в рамках форума и была организована специальная секция по проблемам аттестации научных и научно-педагогических кадров и работе диссертационных советов, а на следующий год планируется специально обсудить вопросы аспирантуры. Очередной форум планируется связать и с 300-летием Российской академии наук, пригласив к участию в нем видных ученых-историков. В.Н. Фальков отметил важность введения учебника истории для неисторических специальностей. Он выразил уверенность в пользе работы этого форума преподавателей истории высшей школы страны.

В ходе пленарного заседания форума В.Н. Фальков вручил благодарственные письма за значитель-

ный вклад в развитие исторического образования» группе ученых и преподавателей вузов.

Председатель Комитета Государственной думы по науке и высшему образованию С.В. Кабышев в своем выступлении подчеркнул особое значение истории в формировании и закреплении традиционных духовно-нравственных ценностей, примирении настоящего с прошлым. Он указал на важность закрепления единой консолидированной позиции в обществе по историческому прошлому. С.В. Кабышев высказал мысль о необходимости введения для повышения статуса истории государственного экзамена по отечественной истории для выпускников вузов.

Рабочие моменты форума

Губернатор Тюменской области А.В. Моор в своем приветствии участников форума подчеркнул, что помимо знания истории необходимо ее понимание и уважение, назвав историю информационным оружием. Он отметил уже десятилетие созидательной деятельности исторического общества в Тюменской области, а также создание его молодежного объединения. А.В. Моор указал на важность и полезность учительства к работе этого исторического форума.

Президент Российской академии образования (РАО) О.В. Васильева обратилась к участникам форума по радиосвязи, указав на тесное сотрудничество РАО с Минобрнауки и РИО по проблемам повышения качества исторического образования в стране. Она охарактеризовала наиболее важные проекты, направления и результаты этого сотрудничества.

Заместитель министра науки и высшего образования РФ, сопредседатель РИО К.И. Могилевский представил на форуме доклад на тему «Развитие исторического образования в высшей школе: промежуточные итоги и перспективы». Он подчеркнул, что многое из намеченного на Первом национальном форуме преподавателей истории было успешно выполнено, а сам форум становится уже доброй традицией. Историк К.И. Могилевский справедливо назвал и универсальными аналитиками, указав, что выпускники университетов по этой специальности востребованы в разных сферах жизни и профессиональной деятельности. Докладчик отметил, что на следующем форуме планируется обсудить вопросы аспирантуры, ибо подготовка и аттестация научных кадров – это взаимосвязанный и неразрывный процесс.

Академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН, президент Государственного

академического университета гуманитарных наук, сопредседатель РИО А.О. Чубарьян выступил перед участниками форума по видеосвязи с докладом «Состояние и перспективы преподавания всеобщей истории. Итоги мониторинга». Он указал на целый ряд важных, острых и актуальных проблем всеобщей истории в контексте нашей современности. Докладчик отметил, в частности, что ученые постсоветских государств на территории Средней Азии стали вдруг заявлять сегодня о своем колониальном прошлом в России, хотя этого на самом деле никогда не было. А.О. Чубарьян призвал к специальному обсуждению темы колониализма на специальном форуме и в диалоге с историками из этих государств, раскрыв сущность колониализма, чтобы снять имеющие место спекуляции на эту тему.

На расширенном заседании Экспертного совета по развитию исторического образования при Минобрнауки РФ

Академик и вице-президент РАН, директор Института археологии РАН, член президиума РИО Н.А. Макаров назвал свой доклад «Археологические исследования в современной России: академические аспекты и общественное значение». Назвав Тобольск духовной столицей России, он напомнил, что этот город был в прошлом местом сбора академических экспедиций для изучения Сибири. Н.А. Макаров отметил большой интерес общественности к истории и археологии, создаваемым археологическим картам, указав, что Институт археологии получает ежегодно до полумиллиона обращений граждан. Он подчеркнул важность цифровизации исторической науки, призвав при этом не потерять из виду и Средневековую Русь с ее культурными и историческими ценностями, где Тобольск был ее самой восточной точкой, чтобы выдерживать конкуренцию с другими мировыми культурами. Н.А. Макаров рассказал собравшимся о последних открытиях отечественных археологов, работающих как в России, так и в Средней Азии, Казахстане, а также за пределами страны, например на территории Чада.

Директор Института российской истории РАН д-р ист. наук, профессор член Президиума РИО Ю.А. Петров рассказал участникам форума о работе большого коллектива историков под эгидой ИРИ РАН над 20-томной академической «Историей России», а также над созданием учебника истории для неисторических специальностей вузов и школьных учебников. Он отметил, что готовится шесть модулей учебника истории

для высшей школы. Докладчик подчеркнул, что Российская академия наук и ее историки призваны дать достоверную картину исторического прошлого для преподавания истории не только в вузах, но и в школе. Ю.А. Петров отметил необходимость тщательной экспертизы учебников, в том числе обсуждения их совместно с Общественной палатой. В учебник истории России должна органично войти и всеобщая история, составив в нем примерно четверть материала, указал он, чтобы показать вклад России в мировую историю.

Среди выступивших в заключительной части пленарного заседания были: профессор, академик Российской академии художеств ректор Российского социального университета А.Л. Хазин с докладом «О подготовке учебников истории России для неисторических специальностей подготовки высшего образования»; Р.Р. Хайрутдинов, директор Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, член Совета РИО с темой «Реализация дисциплины “История России” в группах иностранных студентов» на опыте этого университета; уже отмечавшаяся ранее М.А. Пономарева с докладом «Опыт внедрения методических рекомендаций к дисциплине/модулю “История России” и перспективы развития исторического компонента на не-

исторических специальностях и направлениях подготовки в образовательных организациях высшего образования»; канд. ист. наук директор Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, зав. кафедрой всеобщей истории САФУ О.В. Зарецкая «Актуальные вопросы преподавания истории региона в контексте изучения истории России в высших учебных заведениях.

По видеосвязи перед участниками форума выступил первый заместитель генерального директора Российского общества «Знание» Д.В. Рыбальченко на тему «Исторические знания как основа воспитания гражданственности и патриотизма».

Директор Фонда «Таволга» А.А. Руденко и руководитель проектов этой организации В.В. Новиков представили собравшимся проект под названием «Морской коч: забытая история русского освоения Арктики».

После окончания заседания для участников форума была организована экскурсия по Тобольскому кремлю.

Подводя общие итоги, следует признать, что Второй национальный форум преподавателей истории прошел на высоком уровне. В связи с этим хочется выразить благодарность его организаторам, надеясь на новую плодотворную встречу в Тобольске в 2024 году.

V.I. Goldin, V.A. Sablin

NATIONAL FORUM OF HIGHER SCHOOL HISTORY TEACHERS: TOPICAL ISSUES OF HISTORICAL EDUCATION AND SCIENCE IN RUSSIA

The article is devoted to the Second National Forum of history teachers of higher educational institutions, which was held in Tobolsk in October 2023. The paper discovers the main results of this forum and the content of its sections and plenary session. It characterises the reports and speeches of the scientists, professors and teachers from the universities, leaders of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the Russian Academy of Sciences, the Russian Historical Society and other organizations. The article shows the significance of the Second National Forum for the development of historical science and higher education in Russia.

National Forum of higher school history teachers, historical science, historical education, discussion, results, prospects.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Военушкина Екатерина Алексеевна

аспирант и преподаватель кафедры русской филологии Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)
voenushkina.kat@yandex.ru

Ворожцова Надежда Анатольевна

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета (Киров, Россия)
nad3657@inbox.ru

Голдин Владислав Иванович

доктор исторических наук, профессор, директор Центра исторических и политических исследований Севера и Арктики, профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки РФ, (Архангельск, Россия)
v.i.goldin@yandex.ru

Дулевич Катерина Андреевна

независимый исследователь, выпускник Белорусского государственного университета (Брест, Беларусь)
katyadulevich@mail.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lveg@yandex.ru

Ермоленко Галина Михайловна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия)
galina-ermolenko@yandex.ru

Зелезинская Наталья Станиславовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)
zelezinskaya@bsu.by

Красильников Роман Леонидович

доктор филологических наук, доцент, преподаватель общеобразовательной школы Центра педагогического мастерства (Москва, Россия)
krasilnikov.rl@gmail.com

Кумагер Яна Денисовна

студент кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)
yana.kumager.02@mail.ru

Ленец Анна Викторовна

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)
annalenets@sfedu.ru

Мазаев Руслан Михайлович

студент кафедры истории Древней Греции и Рима Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
ruX12345@gmail.com

Марков Александр Викторович

доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия), профессор кафедры русской и зарубежной филологии Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир, Россия)
markovius@gmail.com

Матвеева Александра Вячеславовна

бакалавр кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)
saschahbnknstlrn@gmail.com

Олейник Ольга Викторовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Орского гуманитарно-технологического института (филиал) Оренбургского государственного университета (Орск, Россия)
olejnik-troizkaja@yandex.ru

Пахолкова Татьяна Васильевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)
pakholkova@yandex.ru

Плиев Руслан Ибрагимович

аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия)
pliew.r2018@yandex.ru

Пуневский Ярослав Викторович

аспирант кафедры истории России Государственного университета просвещения (Москва, Россия)
moskva221090an@gmail.com

Романовская Ирина Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)
romanovskaia.irina@gmail.com

Саблин Василий Анатольевич

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
sablin@inbox.ru

Сафрон Елена Александровна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии, Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)
00inane@gmail.com

Семикин Андрей Андреевич

старший преподаватель Ростовского государственного экономического университета (Ростов-на-Дону, Россия)
andrew.semikin@yandex.ru

Тимошина Ирина Андреевна

аспирант кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
irinatomoshina@bk.ru

Фирсова Екатерина Васильевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)
efirsova@sfedu.ru

Цырельчук Константин Андреевич

аспирант Сретенской духовной академии (Москва, Россия)
tsyrelchukk@gmail.com

Чубарова Наталья Андреевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
natalja.wologda@mail.ru

Шестакова Елена Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка Гуманитарного института (филиала) Северного (Арктического) Федерального университета в г. Северодвинске (Северодвинск, Россия)
shestackova.lena2013@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Voenushkina Ekaterina Alekseevna

Postgraduate Student, Lecturer of the Department of Russian Philology, Institute of the Humanities, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia)
voenushkina.kat@yandex.ru

Vorozhtsova Nadezhda Anatolyevna

Postgraduate Student of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University (Kirov, Russia)
nad3657@inbox.ru

Goldin Vladislav Ivanovich

Doctor of History, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Director of the Center for Historical and Political Research of the North and the Arctic, Professor of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
v.i.goldin@yandex.ru

Dulevich Katerina Andreevna

Independent Researcher, Graduate Student of Belarusian State University (Brest, Belarus)
katyadulevich@mail.ru

Egorova Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Ermolenko Galina Mikhailovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia)
galina-ermolenko@yandex.ru

Zelezinskaya Natalya Stanislavovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Literature, Belarusian State University (Minsk, Belarus)
zelezinskaya@bsu.by

Krasilnikov Roman Leonidovich

Doctor of Philology, Associate Professor, Comprehensive School of the Center of Pedagogical Art (Moscow, Russia)
krasilnikov.rl@gmail.com

Kumager Jana Denisovna

Student of the Department of Germanic Philology and Scandinavian Studies, Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
yana.kumager.02@mail.ru

Lenets Anna Viktorovna

Doctor of Philology, Professor, the Head of the German Philology Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
annalenets@sfedu.ru

Oleinik Olga Victorovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Orsk Humanitarian-Technological Institute, branch of Orenburg State University (Orsk, Russia)
olejnik-troizkaja@yandex.ru

Mazaev Ruslan Mikhailovich

Student of the Department of History of Ancient Greece and Rome, Institute of History, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
ruX12345@gmail.com

Matveeva Alexandra Vyacheslavovna

Student of the Department of Germanic Philology and Scandinavian Studies, Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
saschahbnknstlrn@gmail.com

Markov Alexander Viktorovich

Doctor of Philology, Professor of the Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), Professor of the Department of Russian and Foreign Philology, A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University (Vladimir, Russia)
markovius@gmail.com

Pakholkova Tatyana Vasilievna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)
pakholkova@yandex.ru

Pliev Ruslan Ibragimovich

Postgraduate Student of the Department of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia)
pliew.r2018@yandex.ru

Punevsky Yaroslav Viktorovich

Postgraduate Student of the Russian History Department, Federal State University of Education (Moscow, Russia)
moskva221090an@gmail.com

Romanovskaya Irina Valerievna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Germanic Philology and Scandinavian Studies, Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
romanovskaia.irina@gmail.com

Sablin Vasily Anatolyevich

Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University (Vologda, Russia)
sablin@inbox.ru

Safron Elena Aleksandrovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Germanic Philology and Scandinavian Studies, Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
00inane@gmail.com

Semikin Andrey Andreevich

Senior Lecturer, Rostov State Economic University (Rostov-on-Don, Russia)
andrew.semikin@yandex.ru

Timoshina Irina Andreevna

Postgraduate Student of the Department of Russian History, Vologda State University (Vologda, Russia)
irinatomoshina@bk.ru

Firsova Ekaterina Vasilievna

Candidate of Philology, Associate Professor of the German Philology Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
efirsova@sfedu.ru

Tsyrelchuk Konstantin Andreevich

Postgraduate Student, the Sretensky Theological Academy (Moscow, Russia)
tsyrelchukk@gmail.com

Chubarova Natalia Andreevna

Candidate of Philology, Associate Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
natalja.wologda@mail.ru

Shestakova Elena Yurievna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature and Russian, Institute of Humanities, Severodvinsk branch of the Northern (Arctic) Federal University (Severodvinsk, Russia)
shestackova.lena2013@yandex.ru